

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

ПОВѢСТЬ.

сочиненіе

М. Н. Загоскина.

Чтобъ не сулило вамъ воображенье ваше,
Но вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

Крыловъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ типографіи Александра Семена,
на Мясницкой улицѣ.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ Москва. Марта 12-го дня 1859 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

Напечатано съ изданія 1839 года, безъ перемѣнъ.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

I.

Петербургъ не избалованъ хорошею погодою; но на этотъ разъ время было прекрасное: чистое небо, теплый воздухъ и свѣтлое солнце, которое пекло точно такъ же, какъ оно печетъ и жаритъ народъ Божій и въ Римѣ, и въ Неаполѣ, и въ Тегеранѣ, и даже на *благословенныхъ* берегахъ Гангеса, гдѣ подлинно былъ-

бы рай земный, еслибъ днемъ можно было не задыхаться отъ жару, а ночью спать не опасаясь, что какой-нибудь стоножникъ, скорпіонъ, или ядовитый клопъ, помѣшаютъ вамъ на другой день проснуться. Это было въ Маѣ мѣсяцѣ, въ тысяча... въ тысяча.... Нѣтъ! рѣшительно не помню въ которомъ году; но если скажу, что тогда существовала еще деревянная церковь Казанской Божіей Матери и красноватыя стѣны Адмиралтейства до половины были закрыты землянымъ валомъ: то вѣроятно мои читатели догадаются, что это было не вчера.

Вотъ этакъ, часу въ шестомъ послѣ обѣда, когда сильный зной сталъ примѣтнымъ образомъ уменьшаться, отъ Гагаринской пристани отчалилъ шестивесельный катеръ. Въ катерѣ сидѣло двое молодыхъ людей: одинъ въ синемъ одно-

бортномъ сюртукѣ, другой въ морскомъ виць-мундирѣ; первый — вашъ покорнѣйшій слуга, а вторый пріятель мой, балтійскаго флота лейтенантъ, Иванъ Алексѣевичъ Бурминъ. Если вы рѣшились прочесть до конца этотъ истинный разсказъ, то вамъ непремѣнно надобно познакомиться короче съ молодымъ человѣкомъ въ синемъ сюртукѣ, то есть со мною.

Меня зовутъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Завольскимъ; я отставный гвардіи штабсъ-капитанъ; мнѣ двадцать восемь лѣтъ; у меня ужъ давно нѣтъ ни отца, ни матери; полторы тысячи душъ, которыя мнѣ послѣ ихъ достались, я продалъ для того, чтобъ получать безъ всякихъ хлопотъ тридцать тысячь въ годъ вѣрнаго дохода, то есть, у меня шестьсотъ тысячь рублей лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Говорятъ, будто-

бы я не дуракъ; есть даже люди которые увѣряютъ, что я уменъ; но я плохо имъ вѣрю: я такъ много дѣлалъ глупостей въ жизни! — Наружность моя..... вотъ тутъ я ужъ не знаю, что и сказать! Самому себя хвалить стыдно, а не похвалить—нельзя. Представьте себѣ.... иль нѣтъ! позвольте лучше повторить слова двухъ дамъ, изъ которыхъ первая, говоря обо мнѣ съ пріятелемъ моимъ Бурминымъ, сказала: « На« добно признаться, этотъ Завольской
« весьма красивый и видный мущина; у
« него такой благородный видъ, такая
« прекрасная манера! Жаль только, что
« этотъ молодой человѣкъ такъ задум-
« чивъ и разсѣянъ. Ну повѣрите ли? онъ
« никогда не помнитъ козырей, когда
« играетъ со мною въ бостонъ! »—Другая барыня, помоложе первой, также при Бурминѣ, говорила въ полголоса

своей пріятельницѣ: «Какъ хорошъ «этотъ Завольской! Какое выразитель- «ное лице! какіе огненные голубые гла- «за! какая милая улыбка! Какъ жаль, «что онъ не любитъ танцовать; а если «танцуетъ, то ужъ вѣрно перепутаетъ «всѣ фигуры.»

Одна чистая похвала, безъ всякой примѣси злословія, всегда намъ кажет- ся подозрительною; но я надѣюсь, что читатели не назовутъ этихъ по- хвалъ безусловными, и слѣдовательно повѣрятъ, что я точно молодой человѣкъ весьма пріятной наружности. Главною чертою моего характера была какая-то мечтательность, которая всегда мѣшала мнѣ наслаждаться спокойно настоя- щимъ; я строилъ безпрестанно воздуш- ные замки, одинъ другаго прекраснѣе; я видѣлъ себя счастливымъ только въ будущемъ; мнѣ было весело только

тамъ, гдѣ я еще не былъ; однимъ словомъ, никто не напоминалъ такъ часто, какъ я, Русскую пословицу: « Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.» — Однажды, смотря оперу « Князь Невидимка », я до того плѣнился декораціею, которая представляетъ за́мокъ черныхъ рыцарей, что началъ бредить средними вѣками. « Боже мой!...» — думалъ я, — « какъ прекрасны эти огромныя башни съ узенькими окнами, эти подъемные мосты, опускныя желѣзныя рѣшетки! Сколько поэзіи въ этой полуразбойничьей жизни феодальныхъ бароновъ Германіи! Ѣду на « Рейнъ! Поживу хоть нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ изъ рыцарскихъ за́мковъ, которыми унизаны его берега!» — Съ деньгами все возможно: я отправился, пріѣхалъ, разочаровался, и чрезъ мѣсяцъ поскакалъ назадъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать на Вос-

токъ, чтобъ полюбоваться этимъ роскошнымъ Кашемиромъ, въ которомъ круглый годъ цвѣтутъ розы и царствуетъ вѣчная весна.

Ну вотъ мы съ вами и познакомились, любезные читатели; только не забудьте, что вы знаете не теперешняго Владиміра Завольскаго, который носитъ парикъ, фланелевую фуфайку и плисовые сапоги.... нѣтъ! этотъ старикъ ужъ не мечтаетъ, не строитъ воздушныхъ замковъ, а любитъ поговорить, поразсказать о быломъ, и очень будетъ радъ, если не усыпитъ васъ своей болтовнею. Теперь, кажется, мы можемъ выѣхать изъ Гагаринской пристани.

—« Куда прикажете, ваше благородіе?» — спросилъ рулевой, обращаясь къ Бурмину.

—«На Крестовскій! Да смотри держись фарватера: я берегомъ плыть не люблю.»

Всѣ шесть гребцовъ, разомъ какъ одинъ, припали впередъ, понатужились, зачерпнули, вода хлынула съ веселъ, закипѣла подъ катеромъ и онъ вылетѣлъ на средину рѣки. Если вы бывали лѣтомъ въ Петербургѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, переѣзжали черезъ Неву, и слѣдовательно любовались, дивились и даже приходили въ восторгъ смотря на эту огромную панораму широкой Невы, съ ея гранитными берегами и великолѣпными палатами.

—«Каковъ, братецъ, видъ?»—сказалъ Бурминъ, когдамы выѣхали на средину рѣки.—«Фу ты, батюшки! Куда ни оберпись, вотъ такъ глаза и разбѣгаются!...—Тише, ребята!... Ти-

ше—не торопись!—Вотъ, говорятъ, можно ко всему приглядѣться—неправда! Мнѣ кажется, я въ сотый разъ любуюсь этимъ видомъ. »

—« Полно, Бурминъ! »—сказалъ я—« ну что тутъ диковиннаго? — Вотъ еслибъ мы были въ Венеціи.... »

—« Я знаю Венецію, мой другъ! и могу тебя увѣрить, ты не увидишь тамъ ничего, что было-бы такъ живописно и такъ грандіозно, какъ то, что теперь у насъ передъ глазами. »

—« Да что у насъ передъ глазами? Рѣка какъ рѣка, домà какъ домà; все это пòшло, обыкновенно и все мнѣ до смерти надоѣло. Какъ я радъ, что скоро отсюда уѣду! »

—« А ты рѣшительно ѣдешь? »

—« Завтра чѣмъ свѣтъ.—Да, мой другъ! скорѣй, скорѣй—изъ этого чопорнаго, холоднаго Петербурга! Я увѣренъ, старушка Москва будетъ для меня гораздо снoснѣе.»

—« А ты ѣдешь на житье въ Москву?»

—« О нѣтъ, мой другъ! Она будетъ для меня только перепутьемъ. »

—« Да-бишь! Совсѣмъ забылъ: ты отправляешься на Востокъ! »

—« Нѣтъ, мой другъ, на Западъ. »

—« Какъ такъ! Давно-ли? А Кашемиръ? »

—« Я передумалъ. »

—« Куда-же ты ѣдешь? »

—« Въ Испанію. Я не знаю ни одного восточнаго языка, а вѣчно таскать съ собою переводчика—скучно. Чтобъ

прочесть въ подлинникѣ Донъ-Кихота, я выучился Испанскому языку, и могу безъ труда на немъ изъясняться. Къ томужъ, Испанія будетъ для меня точно такой-же новой землю, какъ Персія, Индія, Китай, и я, не выѣзжая изъ Европы, увижу тьму вещей, о которыхъ не имѣю понятія. А какой климатъ, мой другъ! Какія женщины!.... А эти развалины Мавританскихъ за́мковъ! Эти померанцовыя рощи! Эта Сіерра-Морена, увѣнчанная розмариномъ!... О, я увѣренъ, Испанія будетъ для меня обѣтованной землю; и почему знать? быть можетъ, я навсегда тамъ останусь.»

—«Что ты говоришь, Владиміръ?»— вскричалъ Бурминъ.—«Ты хочешь навсегда покинуть свою родину?»

—«Я не́ говорю этого утвердитель-

но; но, впрочемъ почему-же и не такъ? И что можетъ меня удержать въ Россіи? Я сирота, близкихъ родныхъ у меня нѣтъ; есть нѣсколько добрыхъ пріятелей—да развѣ я живу вмѣстѣ съ ними? Вотъ ты, напримѣръ, когда я жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, ты служилъ въ Черноморскомъ флотѣ, теперь ты здѣсь — такъ я отсюда уѣзжаю, и Богъ вѣсть, когда мы опять съ тобою встрѣтимся! Я продалъ все мое наслѣдственное имѣнье; заботиться мнѣ не о чемъ: у меня тридцать тысячь въ годъ вѣрнаго дохода. Съ этимъ жить можно вездѣ хорошо,—выключая Англіи, въ которой платятъ за скуку въ десять разъ дороже, чѣмъ у насъ въ Россіи, гдѣ она непочемъ. Да кто велитъ мнѣ ѣхать въ Англію? По моему, если тратить деньги, такъ ужъ тамъ,

гдѣ мнѣ будетъ весело, или по кройней мѣрѣ тепло.»

—«Гдѣ-жъ ты будешь жить? Въ Мадритѣ?»

—«Избави Господи! Мнѣ всѣ большіе города до того надоѣли, что я скорѣй соглашусь жить въ какой-нибудь Барабинской степи, чѣмъ въ столичномъ городѣ. Нѣтъ, мой другъ!—а проберусь въ Андалузію.»

—«Вотъ что?—Такъ ты будешь жить въ Севиллѣ или Гранадѣ?»

—«Помилуй, что за радость!—Севилла—столица Андалузіи, Гранада была также когда—то столицею Мавровъ; и я ужъ тебѣ сказалъ, что терпѣть не могу большихъ городовъ.»

—«Да неужели ты ѣдешь въ чужіе краи для того, чтобъ жить въ деревнѣ?»

—« А вотъ послушай, Бурминъ: на этихъ дняхъ я обѣдалъ съ однимъ Англичаниномъ, который объѣздилъ всю Испанію; вотъ что онъ мнѣ разсказывалъ: недалеко отъ Гранады, на самомъ берегу моря, есть небольшой городокъ Алмерія. Ты конечно знаешь, что, по мнѣнію древнихъ поэтовъ, знаменитые сады Гесперидскіе были въ нынѣшней Андалузіи. Если вѣрить Англичанину, то эти сады, съ своими золотыми яблоками и вѣчной зеленью, до сихъ поръ еще окружаютъ счастливую Алмерію. Никакая волшебная сказка изъ « Тысяча одной ночи » не можетъ дать понятія объ этой роскошной природѣ, объ этомъ ароматическомъ, благорастворенномъ воздухѣ и неизъяснимой красотѣ этихъ вѣчно-цвѣтущихъ померанцовыхъ рощей. Когда подъѣзжаешь къ Алмеріи, то кажется, какъ будто-бы она то-

нетъ посреди зелени своихъ обширныхъ садовъ. Каждую ночь морской вѣтеръ освѣжаетъ воздухъ. Въ каникулы, когда въ Гранадѣ задыхаются отъ жару и днемъ не смѣютъ выходить на улицу, въ Алмеріи дышутъ прохладою и сидятъ на открытомъ воздухѣ. Небольшая, но красивая рѣка, течетъ городомъ, и нѣсколько ручьевъ, чистыхъ какъ хрусталь, холодныхъ какъ ледъ, вьются по лугамъ и рощамъ; потомъ, прокрадываясь садами, вливаются шумными каскадами въ рѣку, и даже во многихъ мѣстахъ журчатъ подъ окнами домовъ. Джонъ-Буль, который мнѣ все это разсказывалъ, не могъ нахвалиться ласковымъ обхожденіемъ жителей Алмеріи, въ которой онъ пробылъ недѣли три. Онъ говоритъ, что въ жизнь свою не встрѣчалъ нигдѣ такихъ радушныхъ и гостепріимныхъ людей; а женщины.....

О, мой другъ! о нихъ Англичанинъ и теперь не можетъ вспомнить безъ восторга! Чорные, пламенные глаза, отъ которыхъ сошелъ-бы съ ума весь Петербургъ, встрѣчаются на каждомъ шагу. Шнуровокъ тамъ не знаютъ, потому что каждая женщина создана такъ, что ужъ тутъ нечего дѣлать никакой корсетницѣ. А какія ножки!.... Какъ эти воздушныя Испанки танцуютъ фанданго и волеро!... Мой разскащикъ хотѣлъ было мнѣ описать эти танцы, да видно словъ не достало; я-же съ нимъ говорилъ по-французски,—ужъ онъ коверкалъ, коверкалъ языкъ, шипѣлъ, свисталъ, кричалъ безпрестанно *годдемъ*— и такъ часто подливалъ себѣ въ стаканъ рому, что, не окончивъ своего разсказа, свалился подъ столъ и захрапѣлъ какъ удавленный.

—« Вотъ то-то и есть, мой другъ!—

Не валялся-ли онъ подъ столомъ и тогда, какъ жилъ въ Алмеріи? Вѣдь старое Испанское вино стоитъ рома. Если въ самомъ дѣлѣ онъ каждый день былъ пьянъ, такъ диво-ли, что этотъ городишка показался ему земнымъ раемъ? »

—« Городишка!.... Да почему-же городишка? »

—« Потому, что я видѣлъ эту знаменитую Алмерію. »

« Неужели? »

—« Да, мой другъ! Я былъ тогда еще мичманомъ; мы крейсировали въ Средиземномъ морѣ и заходили въ Алмерію налиться водою. Такъ! небольшой городокъ; много садовъ — это правда. Я не съѣзжалъ на берегъ и потому не могу тебѣ сказать, у всѣхъ-ли тамошнихъ женщинъ большіе глаза и малень-

кія ножки; но очень помню, что въ этой Алмеріи ключевая вода совсѣмъ не походитъ на хрусталь, и что мы вовсе недышали прохладою, хотя это было не въ Петровки, а въ первыхъ числахъ Апрѣля; слѣдовательно въ самомъ началѣ весны.

—« Полно, Бурминъ! Ты готовъ изъ своего смѣшнаго патріотизма спорить, что у насъ въ Россіи климатъ лучше, чѣмъ въ Испаніи. »

—« А что ты думаешь? У всякаго свой вкусъ. Вотъ я, напримѣръ: для меня нашъ Русской холодъ несравненно сноснѣй Африканскаго жару; а вѣдь твоя хваленая Алмерія почти въ Африкѣ. »

—« Что за дѣло! Избытокъ тепла тоже, что избытокъ жизни; объ этомъ

еще горевать нечего. Спроси у старика, гдѣ ему привольнѣе, на солнышкѣ, или въ тѣни?—Нѣтъ, мой другъ! жаръ не бѣда; вотъ худо, когда солнце-то не грѣетъ, а у насъ это бываетъ частехонько не только весною, но даже лѣтомъ.»

—«Однакожъ надѣюсь, не сегодня?»

—«Одинъ день не въ счетъ. Да я еще не поручусь за сегодняшній вечеръ: вдругъ потянетъ съ Выборгской стороны, и мы, прежде чѣмъ выйдемъ на Крестовскій островъ, успѣемъ продрогнуть до костей.»

—«Да ты ужъ не колдунъ ли, братецъ?»—перервалъ Бурминъ.—«Въ самомъ дѣлѣ, что-то становится гораздо свѣжѣе.»

—«Вѣтеръ перемѣнился, ваше благородіе!»—сказалъ рулевой матросъ.

Свѣтлая Нева нахмурилась, потемнѣла и съ Ладожскаго озера пахнулъ такой прохладный вѣтерокъ, что мы съ Бурминымъ тотчасъ застегнулись на всѣ пуговицы.

—« Вотъ онъ! » — вскричалъ я, пожимаясь невольно.—« О, милый зефиръ моей родины, я чувствую тебя! »

—« И я начинаю его чувствовать, »— сказалъ Бурминъ. — « Эхъ, досадно! шинелей-то мы съ собою не взяли. »

—« Да! Вотъ этотъ офицеръ догадливѣе насъ, » — перервалъ я, указывая на яликъ, который плылъ шагахъ въ десяти за нашимъ катеромъ. Въ немъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ треугольной шляпѣ и въ форменной шинели съ зеленымъ воротникомъ.

—« Э! » — вскричалъ Бурминъ,—» да

это, кажется, капитанъ - лейтенантъ Красноярской!.... Да, точно онъ!... Вотъ, братецъ, чудакъ! »

—« А что? »

—« Престранный человѣкъ! Честный, благородный малой, отличный офицеръ; но такой нелюдимъ, что и сказать нельзя — подъ часъ отъ него двухъ словъ не добьешься. Онъ и прежде былъ неслишкомъ веселаго характера, а какъ съѣздилъ въ Москву, такъ теперь къ нему вовсе приступу нѣтъ. Я слышалъ мимоходомъ, что буто - бы онъ тамъ влюбился, посватался, что ему отказали.... »

—« Бѣдняжка! Со мной такой бѣды не случалось; а думаю, что это должно быть вовсе незабавно. »

—« Да такъ-то незабавно, Влади-

міръ, что не приведи Господи! Мнѣ также года два тому назадъ забрили затылокъ, такъ я чуть было съ ума не сошелъ; и грустно, и стыдно, и обидно— вовсе рехнулся: на стѣны лезу! Насилу, насилу мѣсяца черезъ три опять кой-какъ наладилъ—и то, дай Богъ здоровье роднымъ, ужь какъ за мной ухаживали — и батюшка, и матушка, и братья!.... А этотъ горемыка Красноярской — и побаловать-то его нѣкому; круглый сирота.»

—«Такъ же какъ я?

—«Ну, нѣтъ у тебя шесть сотъ тысячь въ ломбардѣ, такъ родные будутъ; а Красноярской человѣкъ небогатый.»

—«Такъ чтожъ?»

—«Какъ что? Я увѣренъ, что у тебя есть кузины въ шестомъ колѣнѣ, кото-

рыя называютъ тебя братцемъ, ухаживаютъ за тобою, балуютъ....»

— «Есть, мой другъ, есть!»

— «Вотъ то-то-же! А у Красноярскаго есть и родная сестра, да я побьюсь объ закладъ, что она его знать не хочетъ,»

— «Почему ты это думаешь?»

— «Во первыхъ потому, что у этой сестрицы, которая ни отъ кого не зависитъ, слишкомъ тысяча душъ; а Красноярскому подъ часъ нечемъ за мундиръ заплатить. Правда, онъ такой чудакъ, что пожалуй и отъ родной сестры подарка не возметъ; да врядъ ли и она захочетъ его дарить. Они отъ разныхъ отцевъ, воспитывались не вмѣстѣ, живутъ розно; такъ какой тутъ ждать любви. Вотъ еслибъ ему доста-

лось въ наслѣдство тысяча душъ, а этой барышнѣ одно отцовское благословеніе, такъ ужъ вѣрно она была бы пренѣжной сестрою. Экое житье богатымъ-то людямъ, подумаешь! Всѣ тебя уважаютъ, всѣ любятъ, всѣ молятся за твое здоровье—только вѣрь!»

— «Постой, постой, мой другъ!» — перервáлъ я; — «посмотри-ка, что это плыветъ?»

— «Гдѣ?»

— «Ну вотъ на право, шагахъ въ пяти отъ насъ.... что-то круглое, зеленое.... Да это, кажется, дамской ридикюль?»

— «Точно дамской ридикюль!»

— «Я первый увидѣлъ, такъ находка моя!» — сказалъ я, нагибаясь черезъ бортъ, чтобъ схватить ридикюль, кото-

рый въ эту минуту плылъ подлѣ самаго катера. Я поймалъ его; но въ тоже самое время, не знаю какъ-то, поскользнулся, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду. Я думаю, что и тотъ, кто мастеръ держаться на водѣ, не скоро справится, если упадетъ нечаянно въ глубокую и быструю рѣку; а я вовсе не умѣлъ плавать, и тотчасъ пошелъ какъ ключь ко дну. Я такъ скоро захлебнулся и совершенно обезпамятѣлъ, что не могу даже разсказать вамъ, что чувствовалъ, когда началъ тонуть; помню только, что надъ моей головою раздался громкій крикъ, и вслѣдъ за этимъ что-то тяжелое упало въ воду. Когда я пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лежу на катерѣ, что подлѣ меня суетится Бурминъ, и стоитъ тотъ самый морской офицеръ, который ѣхалъ позади насъ на ялкѣ; на немъ не было ни

шляпы, ни шинели, и съ него, точно такъ же, какъ съ меня, вода текла ручьемъ.

— « Ну, слава Богу, ничего!» —вскричалъ Бурминъ, когда я открылъ глаза. — « Вотъ онъ и очнулся!»

Морской офицеръ, не говоря ни слова, подошелъ къ борту катера и перепрыгнулъ на свою лодку; двое дюжыхъ гребцовъ принялись за весла; черезъ нѣсколько минутъ яликъ обогнулъ берегъ Васильевскаго острова, и прежде чѣмъ я успѣлъ совсѣмъ образумиться, его и слѣдъ простылъ.

— « Ну что, Владимiръ?» — сказалъ Бурминъ; — « мы, чай, ужъ на Крестовской не поѣдемъ?»

— « Помилуй—какой Крестовской?— Развѣ ты не видишь, что у меня лихорадка?»

— « Назадъ!» закричалъ Бурминъ,— « къ Гагаринской пристани! — Да живѣй, ребята!–Ну братъ, Владиміръ, какъ ты меня перепугалъ! Да что ты свинцовой чтоль? Ахъ батюшки! словно стопудовой якорь; не успѣлъ свалиться съ катера, да ужъ и на днѣ!»

— « Чтожъ дѣлать! я не умѣю плавать.»

— « Стыдно, братецъ! Какъ порядочному человѣку не умѣть плавать! Ну долголь до бѣды! Вотъ хоть теперь: когда ты упалъ съ катера, онъ былъ на всемъ ходу. Здѣсь очень быстро, и я не успѣлъ еще опомниться, какъ насъ пронесло шаговъ на двадцать впередъ. Не случись тутъ Красноярскаго, такъ тебя и поминай какъ звали».

— « Такъ это онъ вытащилъ меня изъ воды? »

— « А ктожъ? Мы были отъ тебя далеко. Ну, нечего сказать, молодецъ! Какъ онъ живо тебя выхватилъ! Нѣтъ, онъ лучше моего плаваетъ. »

— « Ахъ, Боже мой! а я не успѣлъ и поблагодарить его. »

— « Да! очень нужна ему твоя благодарность! Лишь только онъ замѣтилъ, что ты сталъ приходить въ себя, такъ и тягу! какъ будто бы боялся, что ты дашь ему на-водку. Экой чудакъ! »

— « Да мой другъ! Только такіе чудаки отмѣнно рѣдки. Спросилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, кто я! »

— Нѣтъ. »

— « Подлинно чудный человѣкъ! »

— « Я готовъ биться объ закладъ, что онъ встрѣтится съ тобой и не узнаетъ.»

— « Быть можетъ; но за то ужъ я тог-часъ его узнаю: у него такая замѣчательная наружность.»

— « Да, онъ не дуренъ собою и очень видный мущина.,.. Э! посмотри Владиміръ: вѣдь находка-то твоя не пропала: вотъ этотъ проклятый ридикюль.»

— « Въ самомъ дѣлѣ?»

— « Какъ онъ уцѣлѣлъ?.. ... А, вотъ что! Онъ снурками зацѣпился за пуговицу.... Ну, братецъ, ты можешь владѣть имъ по всей справедливости. Дорого онъ тебѣ достался!»

— « Въ немъ, кажется, ничего нѣтъ, кромѣ платка,» — сказалъ я, взявъ въ

руки ридикюль.—Дома я посмотрю хорошенько, а межъ тѣмъ вели скорѣй грести: я что-то очень прозябъ.»

—«Да, этотъ родимый вѣтерокъ начинаетъ порядкомъ свѣжѣть. Сильнѣй, ребята!»

Мы причалили къ Гагаринской пристани. Я жилъ въ двухъ шагахъ отъ набережной; но не смотря на это едва могъ, при помощи Бурмина, дотащиться до моей квартиры. Черезъ полчаса я лежалъ ужъ безъ памяти: у меня сдѣлалась сильная горячка.

Прошло болѣе трехъ недѣль, я сталъ по-немногу оправляться. Бурминъ навѣщалъ меня каждый день; я узналъ отъ него, что Красноярской отправился въ Любекъ на своемъ шлюпѣ, и не прежде мѣсяца воротится назадъ въ Кронштатъ. Мнѣ очень хотѣлось съ

нимъ познакомиться и лично поблагодарить за мое спасеніе; но я не могъ дожидаться его цѣлый мѣсяцъ въ Петербургѣ: это совершенно бы разстроило всѣ мои планы. Я располагался, проживъ нѣсколько времени въ Москвѣ, отправиться черезъ наши Бѣлорусскія губерніи въ Австрію, изъ Австріи въ Сардинію, въ Южную Францію, а тамъ черезъ Пиренеи въ Испанію. Въ Гранадѣ я хотѣлъ пробыть только нѣсколько дней, напиться водицы изъ знаменитаго фонтана львовъ очаровательной Альямбры, погулять въ тѣнистыхъ садахъ волшебнаго Хенералифа и прямо на житье въ Алмерію. По моимъ расчетамъ, я долженъ былъ сдѣлать все то въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; слѣдовательно не могъ никакъ откладывать моей поѣздки въ Москву. Въ началѣ Іюня мѣсяца я былъ еще нѣ-

сколько слабъ, но ужъ совершенно здоровъ, и когда мой докторъ позволилъ мнѣ отправиться въ дорогу, я тотчасъ послалъ за подорожною и приказалъ Никанору укладываться. Да кстати! Теперь вы меня знаете, любезные читатели. Такъ ужъ позвольте мнѣ познакомить васъ и съ моимъ слугою, Никаноромъ.

Если вамъ удавалось читать Русскія сказки, то вы, безъ сомнѣнія, помните, какіе вѣрные слуги были удалой Таропъ и досужій Личарда, — такъ смѣю васъ увѣрить, что моему Никанору эти оба молодца и въ подмётки бы не годились. Не осудите за это лакейское выраженіе. Чтобъ познакомить съ вами хорошенько Никанора Федотыча, я невольно долженъ перенести васъ въ переднюю. Представьте себѣ свѣтлорусаго дѣтину, лѣтъ подъ-тридцать, верш-

ковъ десяти росту, плечистаго, съ кудрявой головою, румянымъ лицемъ и сѣрыми глазами, которые вполнѣ выражали, если не умъ, то по крайней мѣрѣ Русскую смѣтливость и досужство, которыя подъ часъ бываютъ нужнѣй всякой премудрости. Изъ всѣхъ слугъ, которые перешли ко мнѣ по наслѣдству отъ отца и матери, одинъ Никаноръ Федотычь сохранилъ еще вполнѣ этотъ первобытный типъ старинныхъ Русскихъ холопей. Онъ въ настоящемъ смыслѣ готовъ былъ за меня и въ огонь и въ воду; ему казалось, что онъ родился для того, чтобъ быть моимъ слугою, и конечно послѣ хорошаго пѣннаго вина любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ; но эта любовь вовсе не походила на привязанность, впрочемъ довольно рѣдкую нынѣшнихъ слугъ къ своимъ господамъ. Онъ не могъ бы не

любить меня даже и тогда, еслибъ я былъ дурнымъ господиномъ; потому что эта любовь къ барину, котораго отцу и дѣду служилъ его отецъ и дѣдъ, обратилась въ немъ въ какую-то необходимость, или лучше сказать, инстинктъ, который не могъ быть истребленъ ни чѣмъ. Впрочемъ, не смотря на свою привязанность и слѣпое повиновеніе, онъ любилъ иногда поспорить со мною; а особливо если мнѣ приходило въ голову толковать ему, напримѣръ, что есть государства, въ которыхъ нѣтъ вовсе зимы, или что земля вертится, а солнце стоитъ. Онъ обыкновенно, слушая меня, сначала улыбался; а потомъ говорилъ: « Помилуйте, сударь! Какъ это можно! да еслибъ земля вертѣлась! такъ какъ бы мы устояли на ногахъ?»

— « Да это ужъ, братецъ, дѣло извѣстное. Вотъ изволишь видѣть: былъ

одинъ умный человѣкъ, по имени Коперникъ; онъ первый доказалъ это....»

—« Каперникъ?... что за Каперникъ такой?... Чай, нѣмецъ?... Да не подъ хмѣлекъ ли ему казалось, сударь, что земля-то вертится? Вотъ и у меня, какъ выпью лишнюю чарку, такъ все начнетъ въ глазахъ ходуномъ ходить! Эхъ, сударь! что вы имъ вѣрите, проклятымъ! Всѣ эти нѣмцы, да Каперники народъ продувной, только людей морочутъ.»

—« Экой ты, братецъ, дуракъ! Да отъ чего же бываетъ попеременно: то день, то ночь?»

—« Отъ того, сударь, что по утру солнышко взойдетъ, а къ ночи закатится.»

—« Да солнце-то стоитъ на одномъ мѣстѣ.»

— « Кто это вамъ сказалъ, сударь?... Ахъ ты, Господи! Чему, подумаешь, господа-то вѣрятъ!»

— « Поди сюда, болванъ! Я тебѣ начерчу на бумагѣ, какъ это дѣлается.»

И, бывало, я примусь ему чертить небесную сферу, толкую, изъясняю; а мой Никаноръ стоитъ и ухмыляется. «Ну что?» спрошу я наконецъ, «понимаешь ли?»

— « Да чего тутъ понимать, сударь? Помилуйте! все это такъ,—пустыя выдумки: финты-фанты, нѣмецкіе куранты.»

— « Пошелъ вонъ, дурачина!»

— « Слушаю-съ!»

Такъ обыкновенно кончались всѣ наши ученые диспуты. Я намекнулъ мимоходомъ, что Никаноръ Федотычь

придерживался чарочки; однакожъ его нельзя было назвать пьяницею въ обширномъ смыслѣ этого слова. Конечно, часто случалось, что отъ него и въ будни пахло виномъ; но подъ хмѣлькомъ онъ бывалъ по однимъ двунадесятымъ праздникамъ, а рѣшительно пьянъ однажды только въ году: въ день моихъ имянинъ. Тутъ ужъ не помогали ни просьбы, ни приказанія, ни угрозы. Бывало начнешь ему говорить, а онъ свое несетъ: «Помилуйте, Владиміръ Сергѣевичъ? Чтобъ я въ день вашего ангела не выпилъ лишній стаканчикъ! Да зачто жъ меня и хлѣбомъ кормить! Господи Боже мой!... Нѣтъ, сударь, за ваше здоровье послѣднюю рубашку пропью!» Впрочемъ, надобно сказать въ его оправданіе, онъ напивался всегда послѣ обѣдни; и когда постился, то въ ротъ не бралъ хмѣльнаго. Никаноръ

Федотычъ былъ очень веселаго нрава, дѣтина ловкой, проворный, однимъ словомъ, какъ говорится, на все удача; любилъ спѣть пѣсенку, поиграть на балалайкѣ, и въ кругу деревенскихъ красавицъ, городскихъ прачекъ, и даже горничныхъ дѣвушекъ, слылъ ужаснымъ пострѣломъ.

Извините, что я такъ долго продержалъ васъ въ передней; теперь милости прошу ко мнѣ.

— « Что, сударь, » — спросилъ Никаноръ, — « вы возмете съ собой въ коляску этотъ кожаной мѣшочикъ, или прикажете уложить его въ чемоданъ? »

— « Какой мѣшочекъ? »

— « Да вотъ, сударь! Посмотрите, въ немъ что-то есть. »

— « А!.. Да это ридикюль, по мило-

сти котораго я чуть было не утонулъ! Совсѣмъ о немъ забылъ! Подай сюда!... Да изъ него выдетъ славный кисетъ!... Оставь его у меня и ступай — укладывайся.»

— «Посмотримъ, что въ этомъ ридикюлѣ... Во-первыхъ бѣлый батистовый платокъ; на одномъ углу вышиты красной шерстью Французскія буквы: S и L; слѣдовательно, если его потеряла не иностранка, то ужъ вѣрно *воспитанная* Русская барыня. Простая купчиха, или *необразованная* дворяночка не посовѣстилась бы вышить на своемъ платкѣ наше Русское С и Л. Что далѣе?.... Желтая атласная ленгочка.... черепаховая бонбоеньрка съ мятными лепешечками.... хрустальный флакончикъ съ спиртомъ.... уксусъ четырехъ разбойниковъ.... Ого!... c'est du bon

genre!... Слабыя нервы, плохой желудокъ—все признаки женщины хорошаго общества.... А это что такое?.... Записочка.... на Русскомъ языкѣ?.... Итакъ я не ошибся: этотъ ридикюль потеряла Русская барыня.... Посмотримъ, можетъ быть, я узнаю теперь, кому принадлежитъ моя находка.» Ожиданіе мое не сбылось: на запискѣ, сложенной уголкомъ, не было никакой надписи, и она была такъ размыта водою, что я могъ только разобрать слѣдующее:

« Ты мнѣ сказала вчера, мой милый
« другъ, что будешь сего-дня послѣ обѣ-
« да на Крестовскомъ, и что . . . .
« какое счастіе! . . . . я не мо-
« гу описать тебѣ любви моей . . . . . .
« но мы должны . . . . охъ, эта
« тетушка! . . . . Ты говоришь
« правду, мой другъ . . . . Боже

«сохрани, если она догадается . . . . . .
« . . . . да, мой другъ . . . . . . пусть
«думаютъ. . . . . какое дѣ-
«ло. . . . . я увѣренъ въ люб-
«ви. . . . . еще нѣсколько
«мѣсяцовъ . . . . моею. . .
« . . . . твой . . . . »

Что это любовная записочка, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; что та, которая потеряла ридикюль, назначила свиданіе тому, кто писалъ эту записку, и это такъ же очевидно. Онъ называетъ ее *милымъ другомъ*, говоритъ ей: *ты;* слѣдовательно это не первое свиданіе.... Они любятъ другъ друга, и должны скрывать любовь свою отъ какой-то тетки; судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ фразамъ, мнѣ даже сдается, что этотъ страстный любовникъ совѣтуетъ своей возлюбленной,

вѣроятно для того, чтобъ лучше обмануть тетушку, любезничать со всѣми мущинами или, можетъ быть, кокетничать съ однимъ. Кажется такъ! «Пусть «думаютъ.... какое дѣло.... я увѣренъ въ любви....» Это, безъ сомнѣнія, значитъ: «пусть думаютъ, что ты меня «забыла, что ты кокетка—какое дѣло! «Я увѣренъ въ любви твоей.» Да, точно такъ! Итакъ я знаю теперь: этотъ ридикюль принадлежитъ женщинѣ хорошаго общества; эта женщина должна быть непремѣнно молодая дѣвушка. Еслибъ она была вдова, замужняя, или даже старая дѣвица, то не стала бы такъ бояться своей тетки. Я думаю, что она должна быть хороша, и даже могу сказать утвердительно, что у нее черные волосы: ленточка, которую я нашелъ на днѣ ридикюля, раздушена помадою, слѣдовательно она снята съ

головы; а можетъ ли быть, чтобъ блондинка, у которой платокъ помѣченъ Французскими буквами, повязала себѣ на голову желтую ленту? О, конечно нѣтъ! Такое безвкусіе можно только допустить въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ, гдѣ барышни учатся Русской грамотѣ по часослову и называютъ гро-де—туръ — гарнитуромъ, а купеческія дочки отвѣчаютъ на самую обыкновенную вѣжливость: «Помилуйте что вы съ!..
«Мы этого не помимаемъ-съ. Вѣдь мы не
«Московскія-съ; мы не имѣемъ такихъ
«прочихъ случаевъ въ этакіе реванжи
«предаваться.» Нѣтъ! рѣшительно, у моей незнакомки черные волосы. Но, вѣроятно, въ Петербургѣ очень много брюнетокъ, у которыхъ есть и строгія тетушки и страстные любовники, такъ не смотря на мою проницательность, я ровно ничего не знаю, и долженъ по-неволѣ

владѣть чужимъ добромъ; только ужъ теперь не сдѣлаю никакого употребленія изъ этого ридикюля: онъ принадлежалъ молодой и, безъ сомнѣнія, прекрасной женщинѣ; она прятала въ немъ свои любовныя записки, а я стану набивать его Турецкимъ табакомъ.... Фи! нѣтъ, пусть онъ до поры до времени лежитъ у меня въ чемоданѣ; а если уѣдетъ со мною въ Андалузію, то я подарю его какой нибудь черноглазой Испанкѣ, — разумѣется хорошенькой. Она станетъ класть въ него также любовныя записочки, мои или чужія, все равно; по крайней мѣрѣ этотъ бѣдный ридикюль не будетъ униженъ до степени табачнаго кисета.

На другой день рано поутру Бурминъ и еще человѣкъ пять, или шесть прежнихъ моихъ сослуживцевъ, прово-

дили меня до средней рогатки, выпили бокала по два шампанскаго и я отправился въ Москву.

Всякой разъ, когда я слышу теперь, то есть въ 1839 году, что какой нибудь молодой человѣкъ, пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, жалуется на усталость, говоритъ, что его разбило, что у него бока болятъ, то повѣрите ли, вотъ такъ злость и беретъ. «Прокатилъ «бы тебя, голубчикъ,»—думаю я—«на «перекладныхъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ по этой дорожкѣ!» Теперь ѣдешь по Валдайскимъ горамъ, а спрашиваешь, скоро ли придутъ горы? Везутъ тебя ровной рысью по гладкому шоссе какъ по скатерти; вплоть до Москвы не тряхнетъ ни разу; а бывало— душа съ тѣломъ разстается: что шагъ, то толчекъ; что станція, то хуже. Ѣдешь

по каменной мостовой, молишь Бога, чтобъ скорѣй пришла деревянная; добрался до деревянной—Господи! ждешь не дождешься, когда опять начнется каменная! А тамъ пески сыпучіе: то скачешь сломя голову по самой гнуснѣйшей дорогѣ въ мірѣ, то шагомъ тащишься. Ѣдешь на перекладныхъ — бѣда, въ своемъ экипажѣ—другая: глядишь ось пополамъ, а тамъ колесо въ дребезги; на одной станціи кой-какъ починятъ, возмутъ вдесятеро, а на другой опять чини. Вотъ то-то и есть! не даромъ говоритъ Русская пословица: «Не узнавъ горя, не узнаешь и радости.» Кто не ѣзжалъ по прежней Петербургской дорогѣ, тотъ и спасибо не скажетъ за нынѣшнюю, а еще начнетъ говорить:« Стыдно-дискать намъ, что мы до сихъ поръ изъ Москвы въ Петербургъ не ѣздимъ въ одни сутки по

желѣзной дорогѣ! Все это отъ того, что мы не двигаемся впередъ, а стоимъ на одномъ мѣстѣ.» Охъ ужъ мнѣ эти двигатели, эти юные Европейцы съ бородами и безъ бородъ!... Воля ваша, не могу вытерпѣть! Покамѣсть мы ѣдемъ до Москвы, позвольте мнѣ словечка два перемолвить съ этими господами.

Милостивые государи! Скажите мнѣ, что вамъ за радость быть отголосками иностранныхъ журналистовъ, романистовъ, публицистовъ и всякихъ другихъ *истовъ*, которыхъ расплодилось несмѣтное число? Они называютъ насъ Татарами, Калмыками, варварами, и изъ всѣхъ силъ стараются забросать грязью. Я понимаю ихъ ожесточеніе: кто кого боится, тотъ всегда того не любитъ; а кого не любишь, того, разумѣется, хвалить не станешь. Но вы-то, мои поч-

тенные соотечественники, за что изволите гнѣваться на матушку святую Русь? Что она вамъ сдѣлала? «Она отстала отъ Европы.»—Да это и не могло быть иначе.—«Она коснѣетъ въ своемъ невѣ-«жествѣ. Посмотрите, какое разстояніе «отдѣляетъ насъ отъ всѣхъ просвѣщен-«ныхъ народовъ! Они идутъ впередъ, а «мы стоимъ на одномъ мѣстѣ.»—Полно такъ ли? Послушайте!

Нѣсколько человѣкъ отправилось изъ общаго ихъ жилища въ дальный путь; имъ всѣмъ предстояла одна и таже цѣль. Одинъ вышелъ чѣмъ-свѣтъ, другой какъ солнышко взошло, третій немного попозже; но всѣ ранехонько поутру были уже на пути къ своей цѣли, выключая одного, который хотѣлъ было идти съ ними вмѣстѣ, да его захватили незваные гости. Въ одной Русской по-

словицѣ—извините! я охотникъ до пословицъ—говорится, что «незваные гости хуже Татаръ»; такъ положимъ, что это были Татары. Вотъ спустя часа четыре отдѣлался онъ отъ своихъ гостей и отправился въ слѣдъ за товарищами; глядитъ— ихъ ужъ не видно. Куда идти? Дорогъ много; надобно отыскать настоящую. Тѣ, которые вышли прежде, имѣли для этого довольно времени, а нашему отсталому мѣшкать было нѣкогда. Что дѣлать?... Къ счастію, откуда ни возмись на встрѣчу къ нему сильный могучій богатырь; видно самъ Богъ послалъ. «Послушай, братъ!» сказалъ онъ запоздалому путешественнику, «жаль мнѣ тебя; ты одинъ не догонишь своихъ товарищей: они ужъ далеко; дай я тебѣ помогу.» Потомъ схватилъ отсталаго подъ мышку и помчался съ нимъ какъ изъ лука стрѣла. Сильный, могу-

чій богатырь шагалъ по одному разу тамъ, гдѣ первые путешественники дѣлали шаговъ по двадцати; правда, идя потихоньку, они хорошо познакомились съ дорогою, а нашъ отсталый видѣлъ все мелькомъ; да малой-то былъ онъ смѣтливый и досужій, такъ это еще не бѣда. Вотъ какъ богатырь завидѣлъ вдали тѣхъ, за которыми гнался, то опустилъ на землю отсталаго, и сказалъ ему: «Прощай, любезный! Радъ бы тебѣ еще послужить, да нѣкогда: пора домой. Ну, вотъ видишь своихъ товарищей? Смотри же, не отставай отъ нихъ, однакожъ не спѣши; теперь ужъ это ненужно: не собьешься съ дороги; а какъ побѣжишь, такъ неравно задохнешься, упадешь, и они, пожалуй, опять уйдутъ у тебя изъ виду. Если на дорогѣ встрѣтятся съ тобой зѣваки, которые начнутъ надъ тобою смѣяться и

говорить межъ собою: «смотрите, гос-
«пода! какъ онъ отсталъ отъ своихъ
«товарищей!» такъ ты скажи имъ, что
твои товарищи ранѣе тебя отправились
въ дорогу; а если найдутся такіе зубо-
скалы,—по большимъ дорогамъ всякаго
народу много,—которые начнутъ тебя
дразнить, и заговорятъ, что ты вовсе
нейдешь впередъ, что у тебя ноги не
двигаются, такъ ты обернись, да по-
проси ихъ, чтобъ они показали тебѣ
домъ, изъ котораго ты вышелъ; а луч-
ше всего не слушай этихъ пусто-
звоновъ: они подъ носомъ у себя ничего
не видятъ, и повторяютъ только то
что имъ натвердили въ ребячествѣ ихъ
мамушки, да нянюшки. Иди себѣ на иди
сойдешься когда нибудь съ своими то-
варищами; да и лучше, что ты идешь
теперь позади. Видишь, тамъ одинъ изъ
нихъ,—вотъ что кричитъ, что всѣхъ

обогналъ—такой вертлявый, Богъ съ нимъ! Посмотри, какъ онъ коверкается, вертится колесомъ, ходитъ вверхъ ногами, прыгаетъ чрезъ канавы! Шолъ бы ты рядышкомъ съ этимъ фигляромъ, такъ долголь до бѣды? Малой ты добрый, да натура-то въ тебѣ больно переимчивая: пожалуй, ты сталъ бы его передражнивать; да, можетъ быть, вмѣстѣ съ нимъ и сломилъ бы себѣ шею; а теперь онъ попадетъ въ оврагъ, или увязнетъ въ болотѣ, а ты обойдешь сторонкою: вѣдь заднему-то виднѣе.»

Вотъ вамъ, милостивый государь, вмѣсто отвѣта, аллегорія, басня, апологъ—все, что вамъ угодно. Поговорилъ бы я съ вами и подолѣе, да нѣкогда. Мы пріѣхали въ Москву.

Это было еще до пожара. Никому и въ голову не приходило, что Москва

разыграетъ въ лицахъ баснословное сказаніе о безсмѣртномъ фениксѣ, то есть, превратится въ пепелъ для того, чтобъ воскреснуть и сдѣлаться еще прекраснѣе. Въ ней было всего довольно: и огромныхъ каменныхъ палатъ, и скверныхъ лачугъ, и кипящихъ народомъ площадей, и пустопорожнихъ мѣстъ, на которыхъ пасли коровъ; подлѣ великолѣпныхъ садовъ грязные овраги, и рядомъ съ вымощенными улицами сыпучіе пески, по которымъ не было проѣзду. Теперешняя Москва во многомъ не походитъ на прежнюю; но, благодаря Бога, она сохраняла вполнѣ свою Русскую физіономію: это таже православная боярыня, въ той же парчевой ферязи, только безъ заплатъ; въ той же жемчужной повязкѣ, только бурмицкія зерна ея роскошнаго головнаго убора не перемѣшаны съ королью-

ками и стеклянными бусами. Правда и теперь еще встрѣтишь кой-гдѣ флигелекъ, выкрашенный зеленой краскою, затѣйливый домъ съ *бельведеромъ* въ родѣ дурацкаго колпака, а иногда огромныя запачканныя хоромы, на кровляхъ которыхъ бываютъ ежегодные покосы и ростутъ преспокойно грибы; но эти обращики изящнаго вкуса *нашихъ* средних вѣковъ и памятники давно минувшаго, становятся довольно рѣдкими; ученый антикварій долженъ ихъ отыскивать на краю свѣта, то есть у Лафертова, на Міусахъ, у Николы въ Хамовникахъ, за Сухаревой башней, въ Сущевѣ, или за Москвой-рѣкой на Зацѣпѣ. Я никогда еще не былъ въ нашей древней столицѣ, никогда еще не любовался ея живописнымъ мѣстоположеніемъ, ея древними соборами, высокими башнями и Цар-

скими теремами. Она съ перваго взгляда мнѣ чрезвычайно понравилась. Чтобъ разсмотрѣть ее хорошенько, я первые дни ходилъ съ утра до вечера по улицамъ, и не былъ ни у кого изъ моихъ знакомыхъ. Мнѣ хотѣлось пожить нѣсколько времени точно такъ, какъ живутъ обыкновенно путешественники, пріѣзжающіе въ большой городъ, гдѣ у нихъ вовсе нѣтъ никакихъ связей. На второй день нашего пріѣзда въ Москву, мой Никаноръ отпросился у меня походить по городу. Онъ пришелъ подъ вечеръ домой немного навеселѣ и рѣшительно безъ ума отъ Москвы. « Ахъ, сударь, что за городъ такой! » говорилъ онъ съ восторгомъ. « Ну уже подлинно матушка Москва золотыя маковки!... Церквей-то церквей! видимо невидимо! Ходилъ по соборамъ, сударь, былъ у Иверской. А большой-то

колоколъ и толстую пушку изволили видѣть?... Ну ужъ диковинки! Былъ я также и въ гостинномъ дворѣ, — по-здѣшнему городъ — не Петербургско-му чета! Ужъ я плуталъ, плуталъ! улицы, переулки, закоулки! Купечество такое авантажное, народъ разбитной, всѣ говорятъ свысока: « Что вамъ, ба-«ринъ, сударь, угодно-съ?... Пожалуй-«те сюда-съ, пожалуйте-съ! » Такъ за руки и хватаютъ. А зашолъ я въ Сундучный рядъ, да выпилъ тамъ кваску... ну!!! и клюквенной, и яблочной, и малиновой! Да прямо съ ледку пей сколько душѣ угодно. А калачи-то какіе! а растегайчики!.., Фу ты Господи, что за городъ такой!... Эхъ, сударь, хотите вы ѣхать въ какую-то Гишпанію,—помилуйте, да на что вамъ лучше Москвы?»

—« Я хочу, братецъ, путешествовать, поѣздить по свѣту.»

— Да мало ли мы ужъ съ вами ѣздили, сударь, по этой Нѣметчинѣ! Въ городѣ Берлинѣ были, въ Керехсбергѣ и въ разныхъ другихъ мѣстечкахъ. Ну что хорошаго? По улицамъ два воза не разъѣдутся, дома какъ голубятни; народъ неповадливой; ты съ нимъ говоришь толкомъ, а онъ наладитъ себѣ: «нихъ ферштантъ» да и только. Вина хоть въ ротъ не бери — вода водою; Церквей нѣтъ, все какія-то кирки.... Воля ваша, Владиміръ Сергѣевичъ! Если ужъ вы такъ жалуете все новые города смотрѣть, такъ мало ли ихъ на Руси? Вотъ давно ли мы выѣхали изъ Питера, а ужъ городовъ-то не перечтешь; Новгородъ, Тверь, Торжокъ, Волочекъ.... И сударь, сударь! Не даромъ старики говорятъ: « Донъ, Донъ, а все лучше домъ. »

—« Послушай, Никаноръ! » — пере-

рвалъ я;—«если ты въ самомъ дѣлѣ не желаешь ѣхать со мною за границу, такъ Богъ съ тобою; я принуждать тебя не намѣренъ; я дамъ тебѣ хоть завтра же отпускную.»

Никаноръ поблѣднѣлъ.—«Отпускную! повторилъ онъ.—«Какъ, сударь, отпускную?... Да на что мнѣ отпускная?... »

—«На то, чтобъ остаться въ Москвѣ.»

—«Да куда я безъ васъ дѣнусь? Что вы!... Нѣтъ, сударь, и не затѣвайте! Да я за вами пѣшкомъ уйду! Сохрани Господи! Мнѣ васъ покинуть? Да я безъ васъ съ кругу сопьюсь, съ тоски самъ руки на себя подыму... Что вы, что вы!... Богъ съ вами!»

—«Но вѣдь ты не хочешь ѣхать за границу?»

—« Эхъ, сударь, это только такъ говорится. Помилуйте, да мнѣ и Москва-то безъ васъ опостылитъ хуже Нѣметчины. Нѣтъ, сударь, куда вы, туда и я.

—« Смотри же, Никаноръ Федотычъ, чуръ послѣ не каяться.»

—« Ужъ я вамъ, сударь, докладываю, извольте ѣхать куда вамъ угодно, по мнѣ хоть въ Туретчину, лишь толькобъ быть при вашемъ лицѣ.»

Не знаю, испугался ли бы нынѣшній слуга моей угрозы, а Никаноръ не нашутку струсилъ, и долго послѣ этого не намѣкалъ мнѣ, что дома жить лучше, чѣмъ шататься по бѣлу свѣту.

Вотъ черезъ нѣсколько дней нагулявшись до сыта по улицамъ, я отправился любоваться Московскими окрестностями. Я началъ съ Воробьевыхъ горъ.

Когда, оставивъ позади себя рощи, которыя опушаютъ вершину этихъ горъ, я подошелъ къ обрывистому скату, составляющему крутый берегъ Москвы рѣки, то не могъ удержаться отъ невольнаго восклицанія: огромность и великолѣпіе панорамы, которая развилась передо мною, превосходитъ всякое описаніе! У самыхъ ногъ вашихъ, посреди обширныхъ поемныхъ луговъ, сверкаетъ излучистая рѣка. На право, какъ на зеленыхъ облакахъ, подымается надъ вершинами деревьевъ, бѣлое, стройное зданіе— это *Васильевское* съ своей обширной колоннадою и широкими террасами; рядомъ снимъ *Нескучное*—чудный, диковинный садъ, перерѣзанный глубокими оврагами, на днѣ которыхъ растетъ дремучій лѣсъ; еще нѣсколько садовъ и безконечное Замоскворѣчье усыпанное красивыми церквами. Прямо передъ вами зубчатыя

стѣны и круглыя башни Новодѣвичьяго монастыря; за нимъ на необъятной, волнистой равнинѣ тысяча разноцвѣтныхъ кровель, безчисленное множество блестящихъ главъ, позлащенныхъ крестовъ и высокихъ колоколенъ; вездѣ зелень, сады и отдѣляющіяся отъ темной массы деревянныхъ зданій, бѣлокаменныя палаты Русскихъ бояръ и именитыхъ гостей Московскихъ; вдали, какъ на амфитеатрѣ, весь Кремль, соборы, Царской дворецъ, Иванъ великій; а за ними, въ туманѣ, опять безчисленныя главы церквей и остроконечные верхи колоколенъ.

Я до того былъ восхищенъ этой неизъяснимо - великолѣпной панорамою, что не находилъ словъ для выраженія моего восторга. «Боже мой!» сказалъ я наконецъ въ полголоса,—какой очаровательный видъ!»-«Что, сударь, нравится

вамъ?» раздался позади привѣтливый голосъ. Я обернулся: въ пяти шагахъ отъ меня, подъ тѣнью толстаго дуба, сидѣли: пожилой, почтеннаго вида, купецъ съ своей дородной сожительницею, двое молодыхъ гостинодворцевъ и три купеческія дочки. На разостланномъ коврѣ стоялъ огромный самоваръ и полный чайный приборъ. Старикъ купецъ вѣжливо, приподнявъ шляпу, повторилъ свой вопросъ.

—« Да кому не понравится этотъ очаровательный видъ?» — сказалъ я.— « Вся Москва какъ на ладонѣ. »

—« Куда вся! Помилуйте! Вѣдь нашу «матушку Москву въ два дня кругомъ не объѣдешь.»

Не прогнѣвайтесь, любезные читатели, это такъ—небольшое Московское хвастовство. Когда у васъ рѣчь зайдетъ

съ Москвичемъ средняго состоянія объ огромности нашей древней столицы, то знайте напередъ, онъ непремѣнно отпуститъ красное словце: «сорокъ сороковъ церквей и два сорока верстъ кругомъ», это ужъ дѣло извѣстное. Начните увѣрять Московскаго мѣщанина, что, напримѣръ, Лондонъ болѣе Москвы, онъ покачаетъ головою и скажетъ съ насмѣшливой улыбкою: «Помилуйте, батюшка! слав-
«ны бубны за горами! Гдѣ быть горо-
«ду больше Москвы? Да наша бѣло-ка-
«менная и Царьграду не уступитъ, такъ
«другимъ бы прочимъ городишкамъ и соваться нечего.»

—«Осмѣлюсь спросить, батюшка,»— продолжалъ купецъ,—«вы здѣшній обыватель?»

—«Нѣтъ, я недавно пріѣхалъ изъ Петербурга.»

—« Такъ, сударь, такъ-съ! И мы бывали въ Питерѣ. Конечно до Москвы ему далеко, однакожъ знаменитый городъ; церквей только маленько, да и всѣ онѣ не походятъ какъ-то на здѣшнія. »

—« Это правда. Здѣсь все напоминаетъ старину; да такъ и быть должжно: Москва старинный Русской городъ. »

—« Что Русской то Русской, батюшка, кромѣ одного Кузнецкаго моста; да вѣдь онъ невеликъ. »

—« А Нѣмецкая-то слобода, любезный? »

—« И, сударь, давнымъ давно обрусѣла. »

—« Скажите мнѣ »—продолжалъ я,—« какъ называется этотъ монастырь—вотъ что противъ насъ за рѣкою? »

—« Новодѣвичьимъ, батюшка.»

—« А эта площадь, или большой лугъ, что передъ нимъ? »

—« Дѣвичьимъ полемъ, сударь. »

—« Желалъ бы я знать, монастырь ли получилъ названіе отъ поля, или поле названо Дѣвичьимъ по монастырю? »

—« Монастырь, батюшка.

—« Почему же вы это думаете?»

—« А вотъ изволите видѣть.... Да не угодно ли вамъ.... Имя и отчества вашего не знаю....»

—« Владиміръ Сергѣевичъ. »

« Такъ милости просимъ, Владиміръ Сергѣевичъ! Не погнушайтесь, присядьте вмѣстѣ съ нами, выкушайте нашего чайку.

—« Милости просимъ!» — повторила дишкантомъ толстая купчиха, купеческія

дочки взглянули на меня изъ-подлобья, улыбнулись и опустили къ низу свои длинныя рѣсницы; молодые гостинодворцы поразодвинулись, и меня, какъ почетнаго гостя, посадили рядомъ съ старымъ купцомъ. Вотъ началось пичиванье; я выпилъ чашку, другую, третью.

— « Еще чашечку, Владиміръ Сергѣевичъ! »—сказалъ купецъ.—« Наливай жена! »

— « Покорнѣйше васъ благодарю! »

— « Выкушайте, батюшка! Чаёкъ *ей-же-ей* хорошій! Изъ пробнаго цыбика! Одну только чашечку.... сдѣлайте милость!.... »

Чтобъ не огорчить доброго старика, я выпилъ четвертую чашку.

— « Вотъ батюшка, Владиміръ Сер-

гѣевичъ, одолжили, такъ одолжили!.... Ужъ сдѣлайте милость, выкушайте еще!»

— « Право не могу!»

— « Ну хоть полчашечки!»

— « Помилуйте! я и такъ выпилъ четыре чашки!»

—Такъ ужъ куда нейдетъ пятая. Сдѣлайте милость!... *Да кланяйся жена!...*»

Въ эту самую минуту раздался позади меня шорохъ; я оглянулся: въ двухъ шагахъ отъ насъ стоялъ мужчина довольно высокаго роста, въ сюртукѣ, кожаномъ картузѣ, худощавый, немного растрепанный, худо выбритый, но съ такимъ замѣчательнымъ лицемъ, что оно и до сихъ поръ еще не вышло изъ моей памяти; такой веселой, умной и въ то же время добросердечной улыбки я никогда не видывалъ; во всѣхъ чертахъ лица его изображалось какое-то безпеч-

ное спокойствіе и даже лѣнь, но въ этихъ глазахъ, какъ будто бы немного заспанныхъ, сверкалъ такой самобытный умъ, такой Русской толкъ, что, спустя много лѣтъ послѣ, я тотчасъ вспомнилъ объ этомъ незнакомцѣ, когда прочелъ въ одной прелестной баснѣ два стаха:

« Не движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ.

Поглядѣвъ на насъ еще съ полминуты, онъ вынулъ записную книжку, черкнулъ въ ней карандашемъ и повернулъ прямо въ рощу. Если одинъ изъ нашихъ величайшихъ писателей могъ нѣкогда похвастаться стройнымъ станомъ, то я готовъ биться объ закладъ, что это былъ онъ. Да! я увѣренъ, что Иванъ Андреевичъ Крыловъ живалъ съ молоду въ бѣлокаменной, и что въ ней-то именно онъ подсмотрѣлъ нашъ Рус-

ской простой бытъ и подслушалъ этотъ народный языкъ, которымъ плѣняетъ насъ въ своихъ неподражаемыхъ басняхъ.

Я не могъ отдѣлаться, и выпилъ пятую чашку чаю; но рѣшительно отказался отъ шестой, и попросилъ купца изъяснить мнѣ, почему онъ полагаетъ, что Дѣвичье поле имѣло это названіе прежде, чѣмъ построенъ былъ на немъ Новодѣвичій монастырь?»

—«А вотъ изволите видѣть»—сказалъ купецъ, поглаживая свою сѣдую бороду— «Жена, поставь-ка чайникъ на канфорку. Вотъ что, батюшка, Владиміръ Сергѣевичь, нашимъ пращурамъ разсказывали ихъ дѣды и прадѣды. Не безызвѣстно вамъ, что Божіимъ попущеніемъ, поганая нехристь, Татары окаянные, владѣли нѣкогда не только первопре-

стольнымъ градомъ Москвою, но и всѣмъ нашимъ православнымъ Царствомъ. То-то былъ срамъ для всей земли Русской! Наши Великіе Князья ѣздили на поклонъ въ Орду и встрѣчали баскаковъ, сирѣчь Татарскихъ пословъ, не у себя въ дому, а по тогдашнему за городомъ, на нынѣшней *Болвановкѣ*, которую прозвали Болвановкой потому, что̀ Татарскіе послы заставляли тутъ Князей Русскихъ кланяться деревянному, болвану, изображающему ихъ верховнаго Болдыхана. Эти нечестивые Агаряне въ грошъ не ставили нашихъ Князей, обижали бояръ, грабили народъ, и даже, входя въ храмы Божіи, не ломали шапокъ передъ святыми иконами. Много было всякихъ денежныхъ поборовъ съ Москвы; но самая-то тяжкая дань была натурою: ежегодно отправляли въ Орду по пятидесяти что не лучшихъ

Московскихъ дѣвицъ. Когда приходило время, со всѣхъ концевъ Москвы сгоняли ихъ сердечныхъ, словно беззащитныхъ овечекъ, на большое поле передъ Лужниками; тутъ Татарскіе браковщики выбирали изъ нихъ самыхъ лучшихъ красавицъ и отправляли на свое подворье за Москву-рѣку. Это урочище и теперь еще прозывается по-Татарски Берсень, а все это мѣсто за Москвой-рѣкой слыветъ Бабьимъ городомъ. Вотъ, батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ, почему Дѣвичье поле называется Дѣвичьимъ. Теперь, изволите видѣть, что не оно отъ монастыря, а монастырь отъ него получилъ свое названіе.»

Вы вѣрно догадаетесь, любезные читатели, что я вовсе не выдаю этого народнаго преданія за какой нибудь историческій фактъ: я повторяю толь

ко то, что слышалъ отъ купца, который, окончивъ свой разсказъ, принялся снова подчивать меня чаемъ. Видя бѣду неминучую, я, какъ догадливый Фока въ баснѣ «Демьянова уха»

Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,

ударился бѣжать, но только не домой, а въ низъ подъ гору. Извилистая тропинка довела меня до самой рѣки; я переѣхалъ въ лодкѣ на другой берегъ, и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже подъ стѣнами Новодѣвичьяго монастыря. Тутъ нѣкогда, снѣдаемая жаждой властолюбія, вздыхала о свободѣ надменная сестра Петра Великаго. Изъ этого же самаго монастыря Московскіе жители долго не могли вызвать Бориса Годунова, чтобъ вручить ему скиптръ и державу Царства Русскаго. Вопреки

мнѣнію почти всѣхъ историковъ, я увѣренъ, что въ этомъ продолжительномъ упорствѣ Годунова не соглашаться на желаніе всей Москвы, не было ничего притворнаго. Онъ давно уже былъ Правителемъ Россіи, но боялся назваться Царемъ ея. Я понимаю это чувство: надобно родиться въ порфирѣ, чтобъ безтрепетно возложить на главу свою эту завѣтную шапку Мономаха. Не даромъ всѣ короны бываютъ усыпаны драгоцѣнными каменьями. Нѣтъ! эта царственная роскошь заключаетъ въ себѣ глубокую мысль. Да! блестящъ и свѣтелъ Царскій вѣнецъ, но за то какъ тяжело носить его!»

Трудно найти такого неутомимаго пѣшехода, какимъ я бывалъ встарину; но день былъ жаркой, меня пекло солнцемъ, и я почувствовалъ наконецъ необходимость отдохнуть гдѣ нибудь въ

тѣни. Шагахъ въ пятидесяти отъ монастыря передъ двухъ-этажнымъ каменнымъ домовъ спускался по отлогому скату къ Москвѣ-рѣкѣ небольшой, но очень густой и тѣнистый садъ. Я прошелъ къ отпертой калиткѣ; прибитая подлѣ нея дощечка съ надписью возвѣщала всѣмъ и каждому, что гулять по саду можно, но только съ тѣмъ, чтобъ не рвать цвѣтовъ, не ломать деревьевъ и не ходить по травѣ. Въ полной увѣренности, что не нарушу ни одного изъ этихъ условій, я пошелъ по липовой аллеѣ; она привела меня къ зеленому лугу, на которомъ передъ самымъ домомъ разбросаны были клумбы цвѣтовъ. Этотъ лугъ былъ окруженъ съ двухъ сторонъ прелестными рощицами изъ густыхъ кустовъ сирени, бузины и акацій. На противуположной сторонѣ дома, высокія подстриженныя шпалеры,

какъ зеленой стѣною, перерѣзывали поперегъ весь садъ. У единственнаго входа за эту живую ограду прибита была на столбѣ еще дощечка, а на ней написано: «входъ въ лабиринтъ». Я невольно улыбнулся, прочтя эту надпись. Лабиринтъ!... прошу покорно, какія претензіи!... Я увѣренъ, подъ всѣмъ садомъ нѣтъ и четырехъ десятинъ земли, а нашлось мѣсто для лабиринта. Ну такъ и быть, пущусь безъ проводника; авось не пропаду безъ вѣсти! Пройдя нѣсколько шаговъ по узенькой дорожкѣ, я долженъ былъ поворотирь направо, потомъ повернулъ налѣво, а тамъ опять направо; дорожки поминутно пересѣкались, путались, и я черезъ нѣсколько минутъ рѣшительно не зналъ, въ которой сторонѣ былъ выходъ. Прокруживъ съ четверть часа почти на одномъ мѣстѣ, я попалъ наконецъ на тропин-

ку, которая свела меня въ узкую, поросшую кустарникомъ лощину; въ глубинѣ ея, изъ небольшаго, отдѣланнаго дикимъ камнемъ, грота, струился ручей; подлѣ него на деревянной скамьѣ лежалъ желѣзный ковшъ. Я присѣлъ, выпилъ водицы, отдохнулъ съ полчаса и отправился опять по той же самой тропинкѣ, которая привела меня къ гроту. Шелъ, шелъ и наконецъ уперся въ каменную стѣну, вдоль которой не было никакого хода. Я повернулъ назадъ, выбралъ на удачу другую дорожку; она извивалась, кружилась, переплеталась съ другими и вывела меня наконецъ на деревянный красивый мостикъ; глядь внизъ—лощина, гротъ, и ручей.... Что за вздоръ? .. Не льзя же мнѣ заплутаться въ этомъ кукольномъ лабиринтѣ! Это все равно, что утонуть въ стаканѣ воды!.. Я пошелъ по новой дорожкѣ; ка-

залось, она вела прямо къ дому. Вотъ я иду себѣ, да иду, а дорожка неприметно все поворачиваетъ, да поворачиваетъ въ сторону и вдругъ оканчивается лѣстницей. Попытаюсь сойдти.... Ахъ, батюшки! Опять лощина, гротъ и ручей.... Ужъ не правду ли говоритъ мой Никаноръ Федотычь, что когда обойдетъ лѣшій, такъ въ коноплянникѣ заплутаешся.... Что за дремучій лѣсъ, въ самомъ дѣлѣ! Я отправился скорымъ шагомъ назадъ. «А! вотъ наконецъ дорожка гораздо шире другихъ; она вѣрно выведетъ меня изъ этого проклятаго лабиринта.» И подлинно: я начинаю слышать голоса; кажется, идутъ ко мнѣ на встрѣчу; я прибавляю шагу, почти бѣгу...., голоса отдаляются, дорожка становится все у́же, у́же, и наконецъ приводитъ меня на берегъ небольшаго пруда; направо тростникъ и болото, на-

лѣво за кустомъ бузины журчитъ ручей.... Что это?... Ну такъ и есть! Опять эта несносная лощина съ своимъ дурацкимъ гротомъ и глупымъ мостикомъ.... Ахъ, чортъ возьми! Ужъ это становится скучно! Я усталъ до смерти, проголодался, да и пора домой: солнце начинаетъ садиться. Пойду прямо на проломъ! Я этимъ нарушу одно изъ условій, объявленныхъ мнѣ при входѣ въ садъ; но дѣлать нечего! не ночевать же мнѣ здѣсь на берегу *прозрачнаго ручейка*! Что я за Аркадской пастушокъ, въ самомъ дѣлѣ! При первой попыткѣ я удостовѣрился, что это насильственное средство никуда не годится: по сторонамъ дорожекъ, густо обсаженныхъ деревьями, тянулись такіе плотные шпалерники изъ колючихъ кустовъ, что мнѣ пришлось бы прорубать себѣ дорогу, еслибъ я захотѣлъ пройти цѣликомъ. Ходя взадъ и

впередъ по дорожкамъ, я нашелъ на одной изъ нихъ бѣлыя женскія перчатки. Въ то время, какъ я разсматривалъ мою находку, за частымъ шпалерникомъ въ двухъ шагахъ отъ меня послышались женскіе голоса. «Да куда же ты ихъ дѣвала, Сонюшка?» говорилъ кто-то протяжнымъ голосомъ. «Ужъ не забыла ли ты ихъ въ лавкѣ?» — «Нѣтъ, тетушка! Я очень помню, что держала ихъ въ рукѣ, когда мы ѣхали,» отвѣчалъ другой голосъ, такой благозвучный, исполненный такой необычайной прелести, что я весь превратился въ слухъ и притаилъ дыханіе, боясь проронить хоть одно слово.

— «Да развѣ ты ихъ не надѣвала мой другъ?» продолжалъ первый голосъ.

— «Нѣтъ, тетушка! вы видите на мнѣ

старыя.... Любовь! не тебѣ ли я отдала мои перчатки?«

—«Нѣть—ma chère!» раздался третій голосъ, такъ же очень пріятный, но котораго звуки не потревожили моего сердца и не заставили его биться сильнѣй обыкновеннаго.

—«Такъ я вѣрно ихъ оставила въ каретѣ. Иванъ? поди, посмотри тамъ...»

—«Не безпокойтесь?» перервалъ я громкимъ голосомъ. «Я нашелъ ваши перчатки.«

Вругъ все замолкло.

—«Только не знаю, какъ ихъ отдать, продолжалъ я. «Мы близко другъ отъ друга, но мнѣ не льзя къ вамъ подойдти. Постойте!.;. Насъ раздѣляютъ однѣ шпалеры: если угодно, я перекину перчатки на вашу сторону.»

—«Сдѣлайте милость!»

Я бережно свернулъ перчатки мячикомъ и перекинулъ ихъ черезъ деревья.

— « Покорнѣйше васъ благодарю! » сказали мнѣ этимъ плѣнительнымъ голосомъ, отъ котораго вся кровь моя бросилась къ сердцу.

— « Извините—одно слово! » закричалъ я, услышавъ, что мои сосѣдки идутъ прочь. « Не можете ли вы мнѣ сказать, какъ выдти изъ этого лабиринта? Я заплутался. »

Мнѣ послышалось, что мои дамы-невидимки потихоньку смѣются.

— « Я чувствую самъ, что это очень забавно, » сказалъ я; « но признаюсь, мнѣ вовсе не до смѣху: вотъ ужъ два часа, какъ я ищу и не могу найдти выходу. Сжальтесь надо мною! Я, право, начинаю бояться, что умру здѣсь голодной смертью. »

За шпалерами раздался громкой хохотъ, и послѣ минутнаго молчанія тѣмъ же очаровательнымъ голосомъ проговорили: «Теперь извольте идти на лѣво, держитесь все правой стороны, покуда не дойдете до высокой черемухи; позади ее, за большимъ кустомъ сирени, начинается тропинка, которая выведетъ васъ изъ лабиринта.» Представьте себѣ: я двадцать разъ проходилъ мимо этой черемухи! На этотъ разъ, благодаря данному мнѣ наставленію, я, отыскалъ тропинку и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ наконецъ изъ этой проклятой западни. Вдали, у воротъ дома, стояла карета; къ ней подходили дамы вѣроятно тѣ самыя, съ которыми я разговаривалъ. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось увидѣть ихъ въ лице, или лучше сказать, посмотрѣть на ту, которая очаровала меня своимъ ангельскимъ голосомъ; но

прежде чѣмъ я успѣлъ подойти, дамы сѣли въ карету, кучеръ погналъ лошадей, и онѣ шибкой рысью помчались вдоль Дѣвичьяго поля.

Когда я пришелъ домой Никаноръ подалъ мнѣ визитную карточку, на которой было написано прескверпымъ почеркомъ: «Дѣйствительный статскій «совѣтникъ Кузьма Петровичъ Кукуш-«кинъ.»—«Что это значитъ?» спросилъ я. «Почему узнали, что я въ Москвѣ, и кто этотъ Кукушкинъ!»

—«Его люди говорятъ, сударь, что онъ генералъ и баринъ добрый,» отвѣчалъ Никаноръ. «Я по вашему приказу отвозилъ къ его сожительницѣ посылку.»

—«А, да, да! Мнѣ эту посылочку въ два пуда навязала въ Петербургѣ княгиня Любская. Что, этотъ Кукушкинъ самъ пріѣзжалъ?«

— « Никакъ нѣтъ, сударь! Присылалъ человѣка и проситъ васъ завтра къ себѣ кушать.»

— « Хорошо.»

Я сталъ раздѣваться. «Ну, сударь!» сказалъ Никаноръ развязывая мнѣ галстукъ, «какія знатныя палаты у этого Кукушкина! А дворня-то какая! Въ передней проходу нѣтъ: биткомъ набита; и народъ все такой проворный, наметанный; одежонка на людяхъ плохая —это правда, да за то кормятъ хорошо; передъ обѣдомъ каждому чарка вина. Я поразговорился съ однимъ парнемъ—такой ласковый! Ну, сударь, видно этотъ генералъ Кукушкинъ не изъ простыхъ, живетъ бариномъ: и пѣвчіе, и музыка такая, и музыка роговая! Они совсѣмъ было собрались ѣхать въ свою подмосковную, верстъ восемьдесятъ отсюда, да старая барыня что-то прихворнула.

Теперь ей получше, слава Богу; дня черезъ три ѣдутъ.»

Никаноръ Федотычь долго еще болталъ и разсказывалъ мнѣ разныя подробности о домѣ Кукушкиныхъ; но я давно уже его не слушалъ: въ ушахъ моихъ безпрестанно раздавался плѣнительный голосъ незнакомки. «Боже мой!» думалъ я, «какъ она должна быть прекрасна! Какъ бы я желалъ взглянуть на нее, или, по крайней мѣрѣ, хотя еще одинъ разъ послушать, какъ она говоритъ!... Однако чтожъ это значитъ?... Я безпрестано о ней думаю.... Ужъ не влюбился ли я?... Какой вздоръ! Я ее не видалъ, не имѣю никакого понятія о ея наружности, не знаю, что она: глупа или умна, любезна или нѣтъ.... Все такъ! А межъ-тѣмъ этотъ голосъ не выходитъ у меня изъ головы,

«Послушай, Никаноръ,» сказалъ я громко; «какъ ты думаешь? можно ли влюбиться въ одинъ голосъ?»

— «Каковъ голосъ, сударь; отъ инаго голоса вотъ такъ и растаешь! Изволите помнить, еще при вашемъ покойномъ батюшкѣ, былъ безсмѣнный фолеторъ Митька—такъ! недоростокъ и лицемъ-то не ахти мнѣ; а что за голосъ былъ такой —фу ты батюшки! Бывало какъ затянетъ бестія:

Ты дѣтинушка, сиротинушка,
Безпріютная твоя головушка!

такъ, вѣритель Богу, Владиміръ Сергѣевичь, слеза пробьетъ! Федосья ключница,—вы знаете, дѣвка была немололая, степенная, а какъ послушала Митькиныхъ пѣсенокъ, такъ вовсе по немъ зачахла. Ужъ чего она, сердечная, не дѣлала! и по ворожеямъ-то бѣгала, и

какой-то приворотной корешокъ доставала. Въ одинъ годъ высохла какъ соломенка, да такъ и въ могилу пошла. Бывало, глядитъ на него, не наглядится; а чего было смотрѣть? Чай изволите помнить? Голова съ пивной котелъ, кривоногой, черномазый, рябой, вся рожа въ узорахъ! Такъ чтожъ, сударь? Чѣмъ онъ сокрушилъ Ѳедосью-то? Вѣстимо голосомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, развѣ нельзя имѣть прекрасный голосъ и преотвратительную наружность? Можетъ быть, моя незнакомка дурна, какъ смертный грѣхъ! Коса, кривобока; можетъ быть у нее красный носъ, ротъ до ушей.... Нѣтъ, нѣтъ! Такіе очаровательные, гармоническіе звуки могутъ ли выходить изъ безобразнаго и огромнаго рта? Она, можетъ быть, не хороша со-

бою; но я увѣренъ, что ротикъ у нее прекрасный.

На другой день, послѣ довольно продолжительной утренней прогулки, я принарядился, велѣлъ Никанору надѣть ливрею и отправился въ наемной каретѣ къ Кузьмѣ Петровичу Кукушкину. Его каменный двухъ-этажный домъ былъ подлинно очень великъ; но не всякой согласился бы назвать домомъ эту огромную кучу кирпича, не смотря на то, что въ ней были пробиты окна, сдѣланы двери, что надъ нею была желѣзная кровля, а на воротахъ висѣла дощечка съ надписью: «свободенъ отъ постоя». Представьте себѣ.... Да нѣтъ, я личностей терпѣть не могу! Этотъ уродливый домъ давно уже перестроенъ, но живъ еще въ памяти всѣхъ Московскихъ обывателей; слѣдовательно описать его, или даже намѣкнуть толь-

ко на какой онъ улицѣ, будетъ тоже самое, что указать на него пальцемъ. За чѣмъ тревожить прахъ добраго Кукушкина? Онъ выстроилъ этотъ огромный кирпичный балаганъ не столько для собственной своей потѣхи, сколько изъ благороднаго патріотизма: онъ хотѣлъ украсить имъ одну изъ лучшихъ улицъ первопрестольнаго града Москвы. На одрѣ болѣзни, въ послѣднюю минуту своей жизни, онъ утѣшался мыслію, что благодарное потомство будетъ благословлять его имя и повторять вмѣстѣ съ Фамусовымъ:

Кузьма Петровичъ, миръ ему!

Выходя изъ кереты, я началъ съ того, что у самаго подъѣзда попалъ въ лужу и забрызгалъ грязью сапоги; потомъ, идя по узкой и крутой лѣстницѣ, чуть было не сломилъ себѣ шеи. Въ передней,

на деревянныхъ скамьяхъ, сидѣло человѣкъ двадцать слугъ: одни дремали, другіе въ полголоса разговаривали межъ собою. Въ одномъ углу играли въ шашки, въ другомъ двое слугъ лупили третьяго немилосердно по носу засаленными картами. Мой приходъ перервалъ эти мирныя занятія; всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.... Господи!... Гдѣ я? Не въ Муромскомъ ли лѣсу?... Что за пьяныя, небритыя рожи! У этого подбитые глаза вовсе заплыли отъ перепою, у другаго изорванный сюртучишка надѣтъ безъ жилета, у третьяго волосы торчатъ на головѣ какъ щетина, у четвертаго все лице на сторону.... На стѣнахъ висятъ ружья, пистолеты, охотничьи ножи... Ахъ батюшки! да это, ни дать ни взять, разбойничья пристань! Я не совсѣмъ еще опомнился отъ удивленія, какъ вдругъ изъ этой толпы одинъ оборванный парень

бросился мнѣ прямо подъ ноги, а двое другихъ кинулись на меня съ такимъ остервенѣніемъ, что сердце мое замерло отъ ужаса; я хотѣлъ закричать караулъ, но не успѣлъ: въ одну секунду съ меня сорвали шинель и вычистили мнѣ сапоги. « Дома ли Кузьма Петровичъ?» спросилъ я трепещущимъ голосомъ.

—« Ступай, Фомка, доложи!» прошепталъ одинъ слуга другому.

—« Ступай самъ! »

—« Да пошелъ же, тебѣ говорятъ! »

—« Вотъ я васъ!» закричалъ старикъ лѣтъ шестидесяти съ толстымъ брюхомъ, въ Нѣмецкомъ поношеномъ кафтанѣ и въ бумажныхъ заштопанныхъ чулкахъ. « Что вы копаться чтоль хотите? Бѣги доложить хоть ты, Андрюшка.... Ну что сталъ? Пошелъ!» Эти послѣднія слова были произнесены такимъ строгимъ

голосомъ, что Андрюшка бросился какъ бѣшеный, столкнулся со мною въ дверяхъ и сшибъ меня съ ногъ. Въ лакейской раздался громкой крикъ, и почти всѣ остальные слуги кинулись на меня какъ разъяренные львы. «Ну!» подумалъ я, «пришелъ мой послѣдній часъ! Не вставать мнѣ живому!» Однакожъ, слава Богу, всѣ ребра мои остались цѣлы. Меня схватили, подбросили кверху, поймали на воздухѣ и поставили на ноги благополучно; только одинъ изъ слугъ, вѣроятно портной, оцарапалъ мнѣ щеку иглою, которая была у него заткнута въ рукавѣ. «Пожалуйте-съ!» закричалъ Андрюшка, распахнувъ настежъ двери столовой. Выходя изъ этого разбойничьяго вертепа, я оглянулся назадъ: въ толпѣ слугъ стоялъ мой вѣрный Никаноръ съ своимъ беззаботнымъ и добродушнымъ лицемъ. «Боже мой!» прошеп-

талъ я невольно; «что-то съ нимъ будетъ? Убьютъ они его до смерти!»

Хозяинъ встрѣтилъ меня въ гостиной. Онъ показался мнѣ съ перваго взгляда человѣкомъ ласковымъ, добродушнымъ — въ этомъ я не ошибся — и весьма простымъ, что также черезъ нѣсколько минутъ оказалось совершенно справедливымъ. Въ послѣдствіи я познакомился очень коротко съ Кузьмой Петровичемъ: онъ принадлежалъ къ этому довольно многочисленному разряду полу-богатыхъ, полу-просвѣщенныхъ и полу-знатныхъ Русскихъ дворянъ, которые, чтобъ не отставать отъ своей *братьи* вельможъ, *топорщутся*, *пыхтятъ и надуваются* точь въ точь, какъ въ баснѣ Крылова лягушка, желающая сравниться съ быкомъ; и точно такъ же, какъ она, всегда кончаютъ

тѣмъ, что лопаются съ натуги. Ему по наслѣдству досталось чистыхъ полторы тысячи душъ и полмилліона наличными деньгами. Деньги онъ убилъ какъ разъ, а души заложилъ въ Опекунскій Совѣтъ, вовсе не думая о томъ, что, не заплатя долга, ему нельзя будетъ снова заложить свое имѣніе. Весьма натурально, что человѣкъ просвѣщенный и богатый заводитъ большую библіотеку, картинную галлерею, и, если можетъ, содержитъ свой собственный оркестръ; вѣроятно онъ это дѣлаетъ потому, что любитъ Словесность и всѣ Изящныя художества: Кузьма Петровичъ, совершенно на оборотъ, полагалъ себя обязаннымъ покровительствовать всѣмъ талантамъ, любить Музыку, Живопись, заниматься Словесностію и даже писать стихи, потому что у него была большая библіотека, картинная галлерея и свой

собственный оркестръ. По женѣ своей онъ былъ въ дальнемъ родствѣ съ двумя-тремя вельможами; они смѣялись надъ нимъ, говорили ему: «mon cousin» и изрѣдка у него обѣдали, такъ диво ли, что Кузьма Петровичъ помѣшался на знатности? Люди и поумнѣй его сходятъ отъ этого съ ума. Когда онъ читалъ какого нибудь Французскаго философа, возстающаго противъ аристократовъ, то говорилъ всегда: «толкуйте себѣ, господа, толкуйте! а *мы* необходимы.» Его страсть называть себя вельможею дошла наконецъ до того, что всѣ слуги затвердили наизусть это слово и употребляли его иногда весьма забавнымъ образомъ. Однажды очень умный человѣкъ, отъ котораго я самъ это слышалъ, пріѣхалъ къ нему съ визитомъ. «Дома ли ба-

ринъ?» спросилъ онъ въ передней у дворецкаго

—«Никакъ нѣтъ, сударь: *она* изволила уѣхать въ деревню.»

—«Она?... Да ты вѣрно не слышалъ, о комъ я тебя спрашиваю?»

—«Слышалъ, сударь! О его превосходительствѣ Кузьмѣ Петровичѣ.»

—«Такъ чтожь ты говоришъ: *она изволила* уѣхать?»

—«Да какъ же-съ? Вѣдь *она* вельможа.»

—«Se non e vero, ben trovato!» скажутъ мои читатели. Клянусь честію, это истинная правда, такъ же какъ и то, что я буду имѣть честь разсказать вамъ сію минуту.

—«Очень радъ, Владиміръ Сергѣевичъ, что имѣю удовольствіе съ вами

познакомиться!» сказалъ Кузьма Петровичъ, протягивая ко мнѣ руку, «Моя свояченица, княгиня Любская, пишетъ, что вы пробудете въ Москвѣ около мѣсяца.»

—«Едва ли.»

—«И, полноте! Поживите у насъ подолѣе. Да прошу покорно садиться! Я сей часъ буду имѣть честь представить васъ моимъ дамамъ,» продолжалъ Кузьма Петровичъ, когда мы усѣлись на диванъ. «Онѣ еще не кончили своего туалета. Мы обыкновенно обѣдаемъ часу въ пятомъ, такъ теперь еще у насъ утро.»

Я невольно взглянулъ на бронзовые часы, которые стояли надъ каминомъ: стрѣлка показывала три часа съ половиною.

—«Вы вѣрно смотрите на эту картину, что виситъ подлѣ камина?» сказалъ хозяинъ.

Чтобъ не вовсе солгать, я только что кивнулъ головою.

—«Хорошая картина,» продолжалъ Кузьма Петровичъ. «Мнѣ она досталась въ мѣняльной лавкѣ за бездѣлицу: я далъ за нее двѣ золотыя табакерки, рублей въ шестьсотъ, да старыя брилліянтовыя серги. Я думаю, вы съ перваго взгляда узнали, что это Ванъ-Дикъ? Посмотрите, какая жизнь въ лицѣ! Не правда ли? Выньте эту картину изъ рамы—и вы съ нею заговорите.»

Я опять и по той же самой причинѣ кивнулъ только головою.»

—«Вы вѣрно знатокъ, Владиміръ Сергѣевичъ?»

—«Извините! Я только что люблю хорошія картины.»

«— А если любите, такъ не угодно ли взглянуть на мою галлерею?... Милости прошу!»

Я пошелъ въ слѣдъ за хозяиномъ. Изъ столовой мы вошли въ узкую и продолговатую залу. Въ ней на запачканныхъ стѣнахъ висѣло картинъ пятьдесятъ, подлинно диковинныхъ! Изъ числа ихъ было однакожъ нѣсколько картинъ недурныхъ. Я остановился противъ одного пейзажа: вода, воздухъ, зелень—все было въ немъ изображено и вѣрно и хорошо.

—«Эта картина не стоитъ вашего вниманія,» сказалъ хозяинъ. «Я, право, не знаю, какъ она сюда попала. Это копія.»

—«Можетъ быть, только весьма не-

дурная. Посмотрите, какъ хороша эта даль, какъ вѣренъ этотъ воздухъ, какъ свѣжа эта зелень.... »

—« Ну да, конечно—свѣтло, зелено, un plat d'épinards! Самая ученическая работа!... Не угодно ли вамъ сюда? У меня, батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ, надписей на рамахъ нѣтъ: мои картины сами за себя говорятъ.... Вотъ настоящій Корреджій; я купилъ его въ Римѣ.... Подлѣ него Андрей дель-Сарто; а объ этой картинѣ, кажется, и говорить нечего—манера Гвидо-Рени такъ всѣмъ извѣстна. Вотъ чудный Басано! Посмотрите, какъ онъ сохранился!... Вы вѣрно думаете, что это Вуверманъ? Нѣтъ, это Рубенсъ. Онъ во всю жизнь свою написалъ только одну картину въ этомъ родѣ. А это, какъ вы полагаете, что такое? »

—« Право не знаю. »

—« Настоящій, подлинный Эспаньіолетъ. Вамъ извѣстно, какъ рѣдки картины Испанской школы. Ужъ я за ней волочился, волочился!... Что вы скажете объ этомъ Теньерѣ?... А этотъ Вандерверъ? Я купилъ ихъ обоихъ въ Амстердамѣ за пятьсотъ червонныхъ—даромъ! »

У меня заболѣла шея отъ безпрестаннаго киванья головою. Съ полчаса хозяинъ гонялъ меня сквозь строй по своей картинной галлереѣ; наконецъ, когда мы пересмотрѣли поодиначкѣ всѣхъ этихъ самозванцевъ, Кузьма Петровичъ сѣлъ на стулѣ, посадилъ меня возлѣ себѣ и сказалъ торжественнымъ голосомъ: « Теперь я покажу вамъ послѣднюю мою покупку. Эй, Ванька! »

У дверей появился плѣшивый старикъ съ заспанными глазами и длин-

нымъ носомъ, на которомъ замѣтны были слѣды весьма упругихъ очковъ; его коричневый сюртукъ, замаранный во многихъ мѣстахъ разноцвѣтной краскою, ясно гласилъ, что я вижу передъ собою одного изъ домашнихъ артистовъ Кузьмы Петровича Кукушкина.

—« Принеси-ка, братецъ, сюда, да смотри—бережненько,»—сказалъ хозяинъ,—«эти двѣ картины, что я купилъ на аукціонѣ.»

Доморощенный артистъ поклонился и вышелъ вонъ.

—« Надобно вамъ разсказать,»—продолжалъ Кукушкинъ,—«какъ это случилось. Подлинно правда: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Представьте себѣ: третьяго дня я заѣхалъ на публичный аукціонъ— такъ— отъ нечего дѣлать; гляжу, продаютъ картины. Ну, это по нашей части, по-

смотримъ, что такое?—Плохія копіи, нѣсколько оригиналовъ, писанныхъ Богъ знаетъ кѣмъ, однимъ словомъ — дрянь. Только что я хотѣлъ отправиться домой, выносятъ двѣ картины: глядь на ту, которая побольше.... Ба, ба, ба!... Кисть знакомая.... Что за вздоръ! Протираю глаза.... Смотрю.... да! такъ точно! Одинъ изъ лучшихъ пейзажей Пуссеня!.... Другая картина, такъ же оригиналъ необычайнаго достоинства. Вотъ я, батюшка, себѣ на умѣ, притаился—молчу, какъ будто бы ничего; посматриваю по сторонамъ, а самого вотъ такъ варомъ и обдаетъ!... Послушаемъ оцѣнку: за обѣ картины сто рублей!... А, сударь? Каково вамъ покажется — сто рублей! Посмотримъ, что будетъ.... Всѣ молчатъ, и я молчу. Вотъ кто-то позади закричалъ: « рубль! » а я пятьдесятъ: онъ опять рубль, а я сто; онъ

опять рубль, а я двѣсти! Не отстаетъ, проклятый! И добро бы знатокъ какой-нибудь, а то, чортъ знаетъ, кто такой! Какой-то лоскутникъ, аферистъ.... Видно догадался, что я не даромъ набиваю цѣну, или хозяинъ аукціона растолковалъ ему достоинство этихъ картинъ: я самъ видѣлъ, какъ они послѣ перешептывались. Вотъ, сударь, пошло за тысячу, — тысячу двѣсти, — тысячу триста,—не за мной! Я наддаю вдругъ пять сотъ: разъ, два—стукъ!... мои!..Фу, батюшки! такъ и отлегло отъ сердца! Повѣрите ли, Владиміръ Сергѣевичъ, я вошелъ въ такой азартъ, что хоть до ножей; и еслибъ этотъ аферистъ былъ понастойчивѣе, у насъ пошла бы такая рѣзня, что Божс упаси!... А! вотъ онѣ!... несутъ!... Тише, Ванька, тише! Не зацѣпи въ дверяхъ.»

Лысый Ванька придвинулъ къ намъ два стула, поставилъ на каждый по

картинѣ, задернутой зеленой тафтою, и съ низкимъ поклономъ подалъ своему барину метелку изъ перьевъ. Кузьма Петровичъ началъ съ той картины, которая была гораздо болѣе; онъ отдернулъ занавѣску, махнулъ по картинѣ своей метелкою и, взглянувъ на меня съ гордостію, сказалъ: «Что, сударь?...., а?... Есть ли этакой Пуссенъ въ Эрмитажѣ?... »

Господи Боже мой, что это!... Вода молочнаго цвѣта, зеленоватое небо, черные листья на деревьяхъ; сатиръ, который потому только не вовсе походитъ на пенёкъ, что у него козлиныя ноги; и вмѣсто нимфъ какіе-то тараканы! Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ? Ужъ не дурачитъ ли меня господинъ Кукушкинъ? Нѣтъ! добродушное лице Кузьмы Петровича сіяетъ такою радостію,

онъ такъ счастливъ, такъ доволенъ своей покупкою!...

—«Теперь извольте взглянуть на эту!»—сказалъ хозяинъ, отдернувъ занавѣску другой картины и обмахнувъ ее метелкою.—«Что, сударь? Я вижу, вы поражены необычайнымъ достоинствомъ этого геніальнаго произведенія,»—продолжалъ Кукушкинъ, замѣтивъ мое удивленіе.—«Посмотрите, какъ групированы эти Музы около Апполона! Какая широкая кисть! Какой колоритъ!... Чудо! Что это оригинальная картина лучшаго времени Италіянской школы, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; да только чья? вотъ тутъ-то и запятая! Утвердительно и я сказать не могу, а крѣпко подозрѣваю, что она должа быть Аннибала Караччіо.»

—«Позвольте!»—перервалъ я, взявъ въ руки эту картину, которая возбуж-

дала и во мнѣ сильное подозрѣніе. Я повернулъ ее къ себѣ изнанкою.

—« Не смотрите!»—сказалъ Кукушкинъ,—«надписи никакой нѣтъ.» Но я искалъ не надписи: мнѣ показолось, что въ одномъ мѣстѣ какъ будто бы бумага чуть-чуть поотстала отъ холстины.... Ну такъ и есть! я не ошибся. Это гравированный эстампъ, наклееный на холстину, размалеванный масляной краской и покрытый лакомъ!!! Вы не вѣрите? Эхъ, любезные читатели! да еслибъ дѣло пошло на выдумки, такъ я придумалъ бы что нибудь и забавнѣе и вѣроподобнѣе этого. Повѣрьте мнѣ, нѣтъ такого сумазбродства, такой очевидной глупости, къ которой не былъ бы способенъ человѣкъ недальняго ума, если онъ прикидывается знатокомъ. Слушая безцвѣтную, ледяную музыку, онъ будетъ таять отъ восторга, заплатитъ

тысячу рублей за грошевую картину и станетъ плакать отъ умиленія, повторяя какой нибудь пошлый стихъ моднаго поэта. Онъ думаетъ этимъ доказать, что вполнѣ постигаетъ непостижимое для невѣжественной толпы; что онъ открываетъ небесныя красоты тамъ, гдѣ люди обыкновенные видятъ одну нескладицу, безобразіе и пустой наборъ словъ; что онъ, однимъ словомъ, записной, отъявленный знатокъ. Просвѣщенные и безпристрастные цѣнители дарованій—находка для художника и писателя; но они очень рѣдки. За то ужъ сколько почтенныхъ Кукушкиныхъ, отъ которыхъ да избавитъ васъ Господь Богъ, любезные читатели, какъ отъ нашествія иноплеменныхъ, язвы, огня и потопа!

Разумѣется, я не сообщилъ моего открытія Кузьмѣ Петровичу, который, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на эту

картину, воскликнулъ: «Да, да! это точно долженъ быть Аннибалъ Караччіо! Рисунокъ, манера, драпировка—все его! Я подозрѣваю только, что деревья писаны не имъ, а ученикомъ его, Албаномъ. Не правда ли?»

Я кивнулъ головою, которая отъ безпрестаннаго движенія насилу держалась у меня на плечахъ.

—«Марья Ивановна проситъ васъ въ гостиную,»—проговорилъ довольно опрятно одѣтый мальчикъ, войдя въ галлерею.

—«Пойдемте, Владиміръ Сергѣевичъ,»—сказалъ Кукушкинъ вставая.— «Жена и племянница нетерпѣливо желаютъ съ вами познакомиться. Княгиня, моя свояченица, такъ много объ васъ пишетъ. Пойдемте, пойдемте!»

Кузьма Петровичъ представилъ меня

сначала женѣ, женщинѣ пожилой, но довольно еще свѣжей. « А вотъ моя племянница, или лучше сказать дочь, »—сказалъ онъ, подводя меня къ дѣвицѣ лѣтъ девятнадцати. Когда я поцѣловалъ ея бѣлую, прелестную ручку (тогда было еще въ обычаѣ *подходить къ рукѣ),* то, Богъ знаетъ отъ чего, вовсе растерялся, съ трудомъ могъ выговорить два, три слова, и сказалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать. Вы вѣрно подумаете, что она поразила меня своей красотою? Ни мало! Я видалъ женщинъ несравненно ея лучше, по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ съ перваго взгляда; сначала я не замѣтилъ даже, что у нее прекрасные голубые глаза съ черными рѣсницами, прелестный ротикъ, жемчужные зубы,—все это я разсмотрѣлъ ужъ послѣ.

—« Да, Владимiръ Сергѣевичъ, »—про-

должалъ Кукушкинъ,—«ее зовутъ Софьей Николаевной Ладогиной, а меня Кузьмой Петровичемъ Кукушкинымъ; а она все-таки мнѣ не племянница, а дочь. Я думаю, вы часто объ ней слыхали отъ свояченицы моей, княгини Любской?»

—«Какъ же!»—прошепталъ я; а въ самомъ-то дѣлѣ эта Любская, у которой я бывалъ изъ году въ годъ, никогда мнѣ объ ней не говорила.

—«Если вы слышали отъ моей свояченицы, что Сонюшка круглая сирота, что у ней нѣтъ ни отца, ни матери, такъ не вѣрьте этому. Не правда-ли, мой другъ?»

Софья Николаевна улыбнулась. Боже мой! ну можно ли этакъ улыбаться!... Отъ этой улыбки сошли бы съ ума всѣ Греческіе софисты, стоики и му-

дрецы; а тотъ изъ нихъ, который осмѣлился назвать человѣка, слѣдовательно и женщину, двуногимъ животнымъ безъ перьевъ, непремѣнно бы удавился отъ отчаянія, что сказалъ такую нелѣпость.

Хозяйка посадила меня подлѣ себя на диванѣ. Марья Ивановна Кукушкина, — дай Богъ ей царство небесное! — была женщина добрая, привѣтливая; но такая говорунья, что упаси Господи! Она болтала безпрерывно днемъ, бредила безпрестанно ночью и каждый день давилась за обѣдомъ, потому что хотѣла и ѣсть и говорить въ одно время. Я всегда любилъ наблюдать, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ она переходила отъ одного предмета къ другому; съ какой необычайной ловкостію пользовалась всѣмъ, чтобъ сбить васъ съ поля, завладѣть мѣстомъ сраженія и уничтожить всякую попытку, съ ва-

шей стороны, сдѣлать изъ ея безконечнаго *монолога* хотя что нибудь похожее на разговоръ. Если вы чихнете, или остановитесь, чтобъ перевести духъ, она уже и тутъ; а если закашляетесь, такъ дѣло и съ концемъ. Слушайте себѣ или не слушайте, все равно, а ваша рѣчь впереди. Съ своими домашними она была нѣсколько великодушнѣе, и дозволяла имъ иногда говорить съ собою, вѣроятно потому, что ужъ все съ ними переговорила; а я былъ для нее человѣкъ совершенно свѣжій, непочатой, такъ вы можете себѣ представить, какая разразилась надо мной словесная буря. Съ полчаса уже продолжался ея монологъ. Кузьма Петровичъ зѣвалъ, нюхалъ табакъ и посматривалъ съ умиленіемъ на своего Вандика; Софья Николаевна молча перебирала шнурки своего ридикюля, а я во все это время изъ

вѣжливости глядѣлъ прямо въ глаза Марьѣ Ивановнѣ, потомъ сталъ по немногу коситься и посматривать изъ подлобья на племянницу, сначала украдкою, а тамъ безъ всякаго зазрѣнья совѣсти. Вдругъ ужасный визгъ и фырканье раздались въ сосѣдней комнатѣ. « Что это?» вскричала Марья Ивановна, вскочивъ съ дивана. « Вѣрно опять Азоръ подрался съ Алиною!... Негодная, вотъ я ее!... »

Лишь только Марья Ивановна вышла изъ гостиной, собачій визгъ прекратился; но вмѣсто его началось такое отвратительное мяуканье, такой отчаянный кошечій вопль, что мы всѣ должны были заткнуть себѣ уши, Пока продолжалась эта экзекуція, я успѣлъ собраться съ духомъ и рѣшился заговорить съ Софьей Николаевной. « Позволь-

те васъ спросить,» — сказалъ я, — « вы бывали когда нибудь въ Петербургѣ? »

—« Нѣсколько разъ. Мы съ тетушкой были тамъ прошлаго мѣсяца. »

—« Боже мой!»—подумалъ я,—«этотъ голосъ.... »

—« А вы вѣрно,» —продолжала Софья Николаевна,—«всегдашній Петербургскій житель?. »

Ахъ, какъ забилось мое сердце!... Такъ точно, это она!... Она—и прекрасна какъ ангелъ! Софья Николаевна повторила свой вопросъ.

— « Да-съ! » — прошепталъ я какъ школьникъ, который не знаетъ своего урока.—«Прежде-съ я былъ Петербургскимъ жителемъ, а теперь.... »

—« А теперь сдѣлайтесь-ка нашимъ братомъ Москвичемъ, »—перервалъ Кузь-

ма Петровичъ.—« Право такъ, Владимiръ Сергѣевичъ! Вѣдь у насъ здѣсь рай земной! »

—« О, вы совершенно правы—здѣсь точно рай земной!»—сказалъ я съ такимъ восторгомъ, что Софья Николаевна вдругъ вспыхнула и стала еще прекраснѣе. Въ эту минуту я отдалъ бы все на свѣтѣ,—за что вы думаете?... за одно позволенiе сказать ей, что я во всю жизнь не видалъ ничего небеснѣе, ничего обворожительнѣе ея темно-голубыхъ глазъ, алыхъ щечекъ и опущенныхъ къ низу черныхъ рѣсницъ.

Марья Ивановна вошла опять въ гостиную. Она держала въ своихъ объятiяхъ какое-то безобразное, толстое чудовище, похожее на моську.—»Представьте себѣ!»—сказалъ она,—«какъ эта скверная кошка изувѣчила Азора! Посмотри, Кузьма Петровичъ!»

—« Бѣдный Азоръ! »—вскричалъ Кукушкинъ.—« Онъ весь изцарапанъ! Голубчикъ ты мой!... Да и ты, Марья Ивановна, хочешь, чтобъ кошка съ собакою жили дружно! »

— « Какой прекрасный мопсъ! »—сказалъ я.

— « Не правда ли, Владимiръ Сергѣевичъ? »—подхватила Марья Ивановна.— « Я вамъ разскажу, какимъ страннымъ случаемъ онъ ко мнѣ попался: Княгиня Анна Петровна Зарѣцкая.... Вы знаете ее?..- Да вѣрно знаете, хоть по наслышкѣ: ея жизнь настоящiй романъ. Она по третьему году осталась сиротой. Отецъ ея, Петръ Ивановичь Выдыбаевъ-... Слыхали вы о немъ?... Вотъ былъ странный человѣкъ!... Представьте себѣ, однажды, онъ былъ еще тогда холостымъ... »

Къ счастiю, моська, которая до того

только что хрипѣла, вдругъ начала снова визжать; тётушка занялась ею и я могъ опять заговорить съ племянницею. « Я совершенно очарованъ вашей Москвою, »—сказалъ я.—Какой оригинальный городъ? Какіе прелестные виды! И сколько прекрасныхъ садовъ! А чей это садъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ которомъ вы вчера гуляли?»

Софья Николавна посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

—« Онъ невеликъ, »—продолжалъ я, —« но очень милъ! Вы вѣрно тамъ часто бываете?»

—« Да-съ, это правда: но почему вы знаете?...»

—« Я колдунъ. Вы были тамъ вмѣстѣ съ вашей тетушкою и одной изъ вашихъ пріятельницъ: ее зовутъ Любовью.»

— « Это правда! Да по чему же вы знаете?»

— « Я вамъ говорю, что я колдунъ. Вы гуляли недолго, а успѣли потерять ваши перчатки.»

— « И это правда! Да, точно! Я потеряла мои перчатки...»

— « А я нашелъ ихъ.»

— « Ахъ, Боже мой! Такъ это были вы? Тетушка, слышите?»

— « Слышу, матушка, слышу!.. Такъ это мы васъ, Владиміръ Сергѣевичь спасли отъ голодной смерти?...»

И тетка и племянница обѣ засмѣялись.

— « Такъ это вы?» — закричалъ Кукушкинъ. — « Да какъ вы ухитрились заплутаться въ этомъ лобиринтишкѣ?... Прошу покорно! А я не хотѣлъ имъ вѣрить.»

— «Скажите, какой странный случай!» — перервала Марья Ивановна. — «Вотъ точно также прошлаго года....»

— «Но почему же вы меня узнали?» спросила Софья Николаевна. — Вѣдь вы насъ не видали.»

— «Я слышалъ вашъ голосъ».

— «Да развѣ можно узнать по голосу?»

— «Почему же нѣтъ, мой другъ?» — подхватила тетка. — «Я помню, лѣтъ двадцать тому назадъ, — это было на масляницѣ, въ маскарадѣ у Графини Знатовой...»

— «Федосья Юрьевна Костоломова съ сестрицею!» — прокричалъ слуга, войдя въ гостиную.

— «Проси« — сказалъ Кукушкинъ. — Да кушать давать!»

Черезъ минуту вошли двѣ пожилыя барыни, и лишь только хозяйка усадила ихъ возлѣ себя на диванѣ, то я сей часъ увидѣлъ, что ей придется худо. Ну язычки! Онѣ не дали опомниться Марьѣ Ивановнѣ, пристали къ ней впились въ нее, начали передавать ее другъ другу, хватали на-лету каждое слово, и наконецъ до того ее затрепали, что она и руки опустила. Черезъ нѣсколько минутъ тотъ же слуга доложилъ, что прiѣхала Агриппина Карповна Морганцева съ племянницею. Наружность этой Морганцевой мнѣ очень не понравилась. Я видѣлъ ее въ первый разъ; но готовъ былъ побиться объ закладъ, что она зла, глупа, упряма, что она таскаетъ за волосы своихъ дѣвокъ, бьетъ по щекамъ слугъ, и круглый годъ сокрушаетъ ихъ плоть строгимъ постомъ и воздержанiемъ. За то племянница,

стройная барышня, лѣтъ восьмнадцати, не смотря на грустное выраженіе лица своего, показалась мнѣ очень миловидною. Софья Николаевна встрѣтила ее съ большимъ изъявленіемъ дружбы; онѣ начали шептаться межъ собою. Кажется, рѣчь шла обо мнѣ, по крайней мѣрѣ вновь пріѣхавшая гостья безпрестанно поглядывала на меня украдкою; и когда Софья Николаевна назвала ее Любовью, то мнѣ нетрудно было догадаться, что это та самая пріятельница, которая гуляла съ нею наканунѣ. Межъ тѣмъ тетка ея сдѣлала сильную диверсію въ пользу хозяйки: она заняла разговоромъ старшую сестрицу Костоломову; другая, оставшись одна противъ хозяйки, не могла долго выдерживать ея сильныхъ натисковъ. Раза два пыталась она возстановить равновѣсіе, но напрасно: бой былъ неровный; къ томужъ она имѣла

несчастіе поперхнуться. Опытная Марья Ивановна тотчасъ этимъ воспользовалась и напала съ такимъ ожесточеніемъ на свою соперницу, что въ одну минуту смяла, втоптала ее въ грязь и заговорила до смерти.

Когда насъ позвали обѣдать, я увидѣлъ въ столовой еще новое лице. Кузьма Петровичь, указывая мнѣ на худощаваго старика, который поклонился ему съ большимъ подобострастіемъ, сказалъ: «Рекомендую вамъ Алексѣя Андреевича Мордоченко; это мой капельмейстеръ. Мастеръ своего дѣла! Дайте ему, сударь, мужика изъ-подъ сохи, черезъ два мѣсяца онъ у него заиграетъ на чемъ угодно; а черезъ годъ кладите передъ нимъ смѣло Ботговена и Моцарта: начнетъ такъ памахивать, что только держись! Что и говорить! золо-

той человѣкъ Алексѣй Андреевичъ Мордоченко!... золотой!»

Я смотрѣлъ съ любопытствомъ на этого золотого человѣка, по милости котораго наши Русскіе мужички такъ легко знакомились съ Бетговеномъ и Моцартомъ. Представьте себѣ олицетворенное смиреніе и кротость въ видѣ худощаваго старичка въ рыжеватомъ парикѣ и вишневомъ Нѣмецкомъ кафтанѣ; онъ держалъ себя въ струнѣ передъ Кузьмою Петровичемъ, и помѣстясь съ нами за столъ, не сѣлъ, а какъ-то прилѣпился къ кончику стула. Хозяинъ посадилъ меня подлѣ себя и такъ далеко отъ своей племянницы, что я во весь обѣдъ не могъ перемолвить съ ней ни слова. «Какъ жаль, Владиміръ Сергѣевичъ,» сказалъ Кукушкинъ, продолжая говорить о своей музыкѣ, «что я не могу васъ попотчивать моимъ оркестромъ:

я отправилъ всѣхъ музыкантовъ въ подмосковную; мы сами скоро ѣдемъ, да и къ тому же,—что грѣхъ таить! моя первая скрыпка, фаготистъ, второй кларнетъ и одна волторна, больно зашалились! Что будешь дѣлать? Москва не деревня; на каждой улицѣ трактиръ, такъ какъ за этими пострѣлами усмотришъ? А жаль право жаль, что они въ подмосковной!... Впрочемъ, чтожъ такое? Вѣдь она не за горами: восемь часовъ ѣзды—прогулка; вы же человѣкъ совершенно свободный. Милости просимъ! Да этакъ, знаете, недѣльки на двѣ, на три. Что вамъ за радость теперь въ Москвѣ-то пыль глотать? Конечно, вамъ, столичному жителю, ѣхать недѣли на двѣ въ деревню къ какому нибудь мелкому дворянчику, страшно! Я испыталъ это на себѣ: накормятъ васъ чёртъ знаетъ чѣмъ, напоятъ жиденькимъ чайкомъ съ

домашнимъ *папушникомъ*, положатъ спать въ какой нибудь бесѣдкѣ или передбанникѣ...... А претензій-то сколько! Господи Боже мой! Ты желаешь остаться одинъ, уйдешь къ себѣ въ комнату, а хозяинъ тутъ какъ тутъ Какъ же! вѣдь надобно занимать гостя Хочешь выкурить трубку табаку—нельзя! барыня встала и проситъ къ себѣ вь гостиную. Погода прекрасная, сбираешься идти гулять—какъ бы не такъ! Прошу сидѣть въ душной комнатѣ, да не угодно ли по грошу въ лото! Нѣтъ, сударь, у меня не такъ! Свобода полная во всемъ; дѣлайте что вамъ угодно, занимайтесь чѣмъ хотите; вы не въ гостяхъ, вы у себя дома. Вамъ скучно — мы пожалѣемъ, а удерживать не станемъ; полюбится—живите все лѣто. А мѣсто-то какое, батюшка, мѣсто! На Клязьмѣ, за двадцать верстъ кругомъ

видно! Ну что, Владиміръ Сергѣевичъ, такъ ли? По рукамъ!»

Разумѣется, я принялъ съ благодарностію предложеніе добраго Кукушкина. Въ деревнѣ всѣ барыни любятъ хозяйничать, такъ вѣрно ужъ тетушка примется варенье варить, заготовлять брусничную и смородинную воду, дѣлать различныя наливки; слѣдовательно не станетъ меня мучить съ утра до вечера своей болтовнею и не помѣшаетъ мнѣ познакомиться короче съ ея племянницею. Жить подъ одной кровлею съ Софьей Николаевной, каждый день, покрайней мѣрѣ, каждый хорошій день, гулять въ лѣсу, ходить по полямъ, въ лунную ночь кататься на шлюбкѣ по рѣкѣ, изрѣдка любоваться солнечнымъ восходомъ и все это вмѣстѣ съ нею!... Да это не жизнь, а рай земной!.. Рѣшено — ѣду! Непремѣнно ѣду!... Не

тотчасъ въ слѣдъ за ними—это можетъ показаться нѣсколько страннымъ, а такъ черезъ недѣлю; и проживу у нихъ... ну чтожъ?... двѣ... три недѣли.... цѣлый мѣсяцъ.... А моя поѣздка въ Андалузію?... Э, Боже мой! успѣю! Теперь хорошо и здѣсь даже лучше чѣмъ въ Южной Испаніи. Тамъ пріятно жить только зимою, а лѣтомъ.... Не вѣрю этому Англичанину. Не можетъ быть, чтобъ тамъ не задыхались отъ жару!»

Все это я думалъ, слушая, или лучше сказать, не слушая предлинную диссертацію Кузьмы Петровича о достоинствѣ вообще всѣхъ Рейнскихъ винъ, а въ особенности знаменитаго *штейнъвейна*, которое подали намъ передъ десертомъ. «Да-съ!» продолжалъ онъ, наливая мнѣ вторую рюмку. «Да-съ! Про это винцо потолковать можно: оно досталось мнѣ отъ дѣдушки. Каковъ, су-

дарь, букетъ—а?.. Истинно бальзамъ небесный!... Мой родственникъ, Князь Иванъ Залуцкой, умиралъ отъ разслабленія желудка; послалъ я къ нему полдюжины бутылочекъ; чтожъ вы думаете?... Ожилъ, сударь, ожилъ! Съ недѣлю тому назадъ, онъ у меня обѣдалъ, да такъ ѣлъ, что дай Богъ всякому: цѣлое баранье плечо съ начинкою одинъ изволилъ скушать!»

Мы отобѣдали ровно въ шесть часовъ. Марья Ивановна велѣла подати карты и предложила мнѣ сѣсть въ бостонъ съ нею, съ Агриппиной Карповной Морганцовой и съ одной изъ Костоломовыхъ, которыя никогда не играли вмѣстѣ. Я отказался, надѣясь, что хозяинъ сядетъ вмѣсто меня и мнѣ можно будетъ поговорить съ Софьей Николаевной; но я ошибся въ расчетѣ: Кузь-

ма Петровичь не сѣлъ, а подалъ карточку своему капельмейстеру.

— « Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, увольте! »—сказалъ Мордоченко съ низкимъ поклономъ,

— « Что ты, батюшка, Алексѣй Андреевичь! » вскричала Марья Ивановна.— « Помилуй! что съ тобою сдѣлалось?...»

— « Не могу, ваше превосходительство! Право не могу! »

— « Да вѣдь ты всегда играешь съ нами, когда нѣтъ четвертаго? »

— « Я всѣ эти дни игралъ такъ несчастливо. »

— « Отыграешься, любезный! » — перервалъ хозяинъ.

— « Нѣтъ ужъ, Кузьма Петровичь, сдѣлайте милость! »

— « Экой ты, братецъ, какой! Ну такъ садись за меня. »

— « Воля ваша, не могу. »

— « Да что ты, любезный, рехнулся чтоль, въ самомъ дѣлѣ? »

— « Почти, ваше превосходительство.

— « Что ты, братецъ, что ты! »

— « Осмѣлюсь доложить, » — продолжалъ Мордоченко съ такой несчастной миною, что жалко было на него смотрѣть, — « со мною что-то дѣлается неловкое; вотъ ужъ пятый вечеръ я играю пули по три сряду въ бостонъ — совсѣмъ ошалѣлъ! Въ головѣ такая безпорядица: взятки, увертюры, ремизы, симфоніи, все такъ перемѣшалось!... Возьму въ руки партицію — вмѣсто нотъ двойки да тройки.... По ночамъ сна вовсе нѣтъ; а лишь только вздремну, такъ мнѣ чудится, что я пиковый валетъ — такъ сердце и замретъ! Ужъ я жмусь, жмусь!... Мечусь во всѣ стороны, того

и гляжу, что меня тузомъ покроютъ!... Нѣтъ, ваше превосходительство, увольте! Бога ради, увольте!»

Всѣ засмѣялись, и я также вмѣстѣ съ другими; но только смѣхъ мой скоро прошелъ: Кузьма Петровичь, уволивъ отъ бостона своего капельмейстера, приказалъ племянницѣ взять карточку. «Садись, мой другъ, за меня,» сказалъ онъ. «Проиграеть, я плачу; а выиграешь, все твое. Вы себѣ здѣсь козыряйте, а мы съ Владиміромъ Сергѣевичемъ пойдемъ въ кабинетъ. Я хочу передъ нимъ похвастаться моей библіотекою. Милости прошу! Да не прикажете ли трубочку табаку?»

—«Я не курю.»

—«Такъ позвольте мнѣ выкурить. Пойдемте, Владиміръ Сергѣевичъ.»

Дѣлать было нечего: я не-хотя, а по-

шелъ за Кузьмою Петровичемъ. Его кабинетъ въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ вниманія: большая коллекція мадалей, минералогическій кабинетъ, собраніе рѣдкостей во всѣхъ родахъ и огромная библіотека занимали пять обширныхъ комнатъ. Кузьма Петровичь, закуривъ щегольскую пѣнковую трубку, началъ мнѣ показывать рѣдкія книги, изъ которыхъ нѣкорыя были дѣйствительно весьма замѣчательны по своей древности. «Вотъ сударь,» сказалъ онъ, развертывая передо мною одно in folio, напечатанное готическими буквами, « это Латинская Библія, изданная въ 1460-мъ году подъ руководствомъ Гутенберга. Посмотрите! всѣ заглавныя буквы дѣланы отъ руки. За эту книгу дали бы въ Англіи тысячу гиней, да только я-то съ нею ни зачто не разстанусь. Вотъ эта псалтырь, хотя моложе цѣлымъ вѣкомъ, а едва ли

еще не драгоцѣннѣе. Заглавнаго листа нѣтъ, но по всѣмъ примѣтамъ надобно полагать, что она печатана знаменитымъ Фаустомъ.»

—«Полно такъ ли, Кузьма Петровичь? Фаустъ и Гутенбергъ были современники.»

—«Что вы, что вы, Владиміръ Сергѣевичь! Да ужъ позвольте намъ знать: мы на этомъ стоимъ. Здѣсь, сударь, хранятся у меня древнія Русскія книги и манускрипты,» продолжалъ Кукушкинъ, подводя меня къ небольшому шкапу. «Вотъ часословъ Франциска Скорины, печатанный въ Стрѣтинѣ. Рѣдкая книга! Требникъ Петра Могилы.... Ариѳметика, изданная при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.... А вотъ, Владиміръ Сергѣевичъ, преинтересная книжка! Въ ней нѣтъ ни начала, ни конца, и въ срединѣ

много листовъ вырвано, а не смотря на это она чрезвычайно любопытна! Посмотрите, какія неуклюжія, безобразныя буквы!... Удивительно!» Дошло дѣло до рукописей. Взглянувъ мимоходомъ на полдюжины восточныхъ манускриптовъ, одинъ Еврейскій Талмудъ, писанный на кожѣ, и два Алкорана, мы добрались наконецъ до Русскихъ лѣтописей и духовныхъ книгъ. Тутъ Кузьма Петровичъ совершенно погрязъ въ своей заемной учености; онъ забросалъ меня техническими терминами, засыпалъ исковерканными Греческими словами: Анфологіонъ, Ирмологій, Октоихъ, Типиконъ, Хронографы, Сказанія, Временники, Космографіи. Меня начала одолѣвать дремота, и я заснулъ бы непремѣнно, еслибъ, для сохраненія должнаго приличія, не кивалъ въ знакъ согласія головою всякой разъ, когда Кукишкинъ

восклицалъ: «Ну, сударь, что скажете? Каковъ почеркъ? Печать двѣнадцатаго столѣтія—печать! А этотъ полууставъ какъ вамъ нравится? Не правда ли: картина, бисеръ—прелесть!... а эта скоропись.... Посмотрите: вѣдь настоящій узоръ! каждая буква въ завитушкахъ.... двухъ словъ не разберешь сряду.... Истинные *характеры* шестнадцатаго столѣтія!»

Наконецъ Кузьма Петровичъ умилосердился, позвалъ человѣка, велѣлъ разставить по мѣстамъ всѣ вынутые фоліянты и повелъ меня назадъ въ гостиную. Бостонъ кончился; но Софья Николаевна, вѣроятно опасаясь, чтобъ ее не заставили играть другую пулю, ушла съ своей пріятельницей къ себѣ въ комнату. Посидѣвъ еще съ полчаса, я раскланялся и по-

ѣхалъ домой, давъ слово Кукушкинымъ бывать у нихъ какъ можно чаще.

Кажется, не нужно говорить, что я сдержалъ мое обѣщаніе. Кукушкины прожили еще дней пять въ Москвѣ: я проводилъ у нихъ всѣ вечера, слушалъ росказни Марьи Ивановны, любовался картинами Кузьмы Петровича, игралъ въ бостонъ съ Морганцовой, которая крала у меня фишки, и вистовалъ Костоломовой, не смотря на то, что она всегда меня топила; однимъ словомъ, чтобъ видѣть каждый день племянницу, я угождалъ не только дядюшкѣ и тѣтушкѣ, но даже всему ихъ обществу. Очень часто я умиралъ съ тоски; но иногда мнѣ удавалось говорить по цѣлому часу съ Софьей Николаевной. Когда игралъ въ бостонъ, она садилась подлѣ меня; разумѣется, я дѣлалъ ренонсы, пропускалъ игры, забывалъ

брать къ своему ремизу и всегда оставался въ проигрышѣ. Все это очень нравилось моимъ старушкамъ. Однажды, кажется, наканунѣ отъѣзда Кукушкиныхъ въ деревню, Софья Николаевна, желая разсмотрѣть хорошенько мою игру, наклонилась ко мнѣ такъ близко, что черный локонъ ея распущенныхъ по плечамъ волосъ коснулся моей щеки. Боже мой, какое странное чувство! Ну что такое локонъ волосъ?. . . А еслибъ я не сидѣлъ—бѣда! У меня ноги подкосились. «Вамъ говорить, Владиміръ Сергѣевичъ!» сказала Марья Ивановна. Я прошепталъ, заикаясь, восемь въ сюрахъ, и взялъ только двѣ взятки. Старушки умерли со смѣху, обобрали у меня всѣ марки и очень долго толковали о томъ, что я играю горячо, что у меня не было даже и бостона. Одна Софья Николаевна дога-

далась, кажется, отъ чего я съ двумя взятками сказалъ на восемь: во весь тотъ вечеръ она ужъ ни разу не заглядывала ко мнѣ въ карты.

Кузьма Петровичъ отправился наконецъ со всѣми домашними въ свою подмосковную, взявъ съ меня честное слово, что я прiѣду къ нему погостить на цѣлый мѣсяцъ. Вотъ прошли одни сутки. Ну, право, въ нихъ было по крайней мѣрѣ сорокъ восемь часовъ! Чтобъ хотя немного себя разсѣять, я поѣхалъ на другой день съ визитами. Меня принимали вездѣ очень ласково, приглашали обѣдать и вездѣ мнѣ было скучно, всѣ мнѣ надоѣдали—отцы и матери, своею чопорностiю и претензiями; а ихъ дочери, эти Парижанки Московскаго издѣлья, своей Французской болтовнею. Все мнѣ было не по сердцу, вездѣ такая пустота; въ домахъ скука,

на улицахъ и душно и пыльно.... Поѣду за городъ.... къ Симонову монастырю. Я очень часто слышалъ, что отъ него видъ еще лучше, чѣмъ съ Воробьевыхъ горъ.... Какой вздоръ! Ну что въ немъ хорошаго? Небольшая гора, скверная лужа, въ которой Карамзинъ утопилъ свою бѣдную Лизу, куча карточныхъ домиковъ, низенькія церкви, неуклюжія колокольни.... и это называютъ прекраснымъ видомъ!...Нѣтъ! попытаюсь лучше возобновить мои прежнія впечатлѣнія: поѣду на Воробьевы горы.... Что это? Неужели Московскія окрестности мѣняются какъ декораціи?... Да это вовсе не то, что я видѣлъ прежде; это все такъ обыкновенно, такъ пошло, такъ мелко!... Вотъ, кажется, тотъ садъ, въ которомъ я услышалъ въ первый разъ этотъ очаровательный, небесный голосъ!... Такъ и быть! Не хо-

тѣлось, а дѣлать нечего; поѣду съ визитомъ къ Агриппинѣ Карповнѣ Морганцевой; по крайней мѣрѣ съ ея племянницей мнѣ можно будетъ поговорить о Софьѣ Николаевнѣ.

Я засталъ Агриппину Карповну въ передней: она, вѣроятно для моціона, изволила трудиться надъ щеками какого-то засаленнаго поваренка, который, ради вящаго удобства, стоялъ передъ нею на колѣняхъ. Отвѣсивъ ему окончательную оплеуху, она пригласила меня къ себѣ въ гостиную. Тутъ я узналъ, что ея племянница уѣхала на нѣсколько дней въ подмосковную къ Кукушкинымъ. «Я, батюшка, и сама бы съ ней поѣхала,» продолжала Агриппина Карповна, « да, право, некогда: жду съ часу на часъ Любинкина жениха; черезъ мѣсяцъ свальба, такъ, знаете, то надобно приготовить, о томъ должно позаботиться; а

положиться на людей—помилуйте, какъ можно! Охъ, батюшка! наказалъ насъ Господь этимъ родомъ—воры, пьяницы, лѣнтяи! То и дѣло, что колотишь съ утра до вечера: тѣмъ только и домъ держится! То-то, подумаешь, вдовье дѣло! При покойникѣ все-таки было полегче. Мы, батюшка, съ нимъ очередовались: бывало то онъ держитъ въ порядкѣ людей, то я; а теперь, вѣрите—ль Богу, Владиміръ Сергѣевичъ, рукъ не покладываю!»

Около часу пробылъ я у этой смиренной вдовицы. Не смотря на то, что уже было поздно, она хотѣла непремѣнно играть со мною въ пикетъ; но я кой-какъ отдѣлался и поскалъ домой, чтобъ приготовить все къ моему отъѣзду, только не въ Италію. Какое мнѣ дѣло до роскошной Андалузіи: *ее* тамъ нѣтъ; пусть тамъ ростетъ зеле-

ный лавръ и спѣетъ на пламенномъ солнцѣ золотой апельсинъ—все это прекрасно и въ прозѣ и въ стихахъ, а можетъ быть и на самомъ дѣлѣ; но я чувствую, что умеръ бы тамъ съ тоски. Тихій и спокойный берегъ Клязьмы, на которомъ *она* живетъ, зеленый лугъ, по которому гуляетъ, березовая роща, въ которой отдыхаетъ послѣ своей прогулки—вотъ мои сады Гесперидскіе, моя Альмерія, мой рай земной!... Да! я люблю ее, люблю до безумія. Если она также меня полюбитъ, то къ чорту всѣ померанцовыя и апельсинныя деревья! Я пойду любоваться на нихъ въ оранжерею, а ужъ конечно не поѣду туда, гдѣ они ростутъ на открытомъ воздухѣ...Развѣ съ нею вмѣстѣ—о, это другое дѣло!»

Я воротился домой часовъ въ одиннадцать. Трактирный слуга отперъ мнѣ двери моего номера.

— « А гдѣ Никаноръ?»—спросилъ я,

— « Онъ еще не приходилъ.»

— « Какъ не приходилъ? Въ десять часовъ ночи!...»

— « Онъ мнѣ говорилъ, что вы изволили его отпустить въ театръ.»

— « Совсѣмъ забылъ! Подай же мнѣ огню, да принеси отъ хозяина счетъ за все время.»

Чрезъ полчаса явился мой Никаноръ Федотычъ.

— « Насилу!»—сказалъ я.—« Гдѣ ты до сихъ поръ шатался? Неужели театръ....»

— « Только что кончился, сударь. »

— « Укладывайся. Мы завтра поутру ѣдемъ.... Ну что ты выпучилъ глаза?»

— « Завтра поутру!»—повторилъ Никаноръ, почесывая въ головѣ.—« Ахъ ты

батюшки!... Ну, воля ваша!... Да куда же мы поѣдемъ?»

— « Въ подмосковную къ Кузьмѣ Петровичу Кукушкину.»

— « Вотъ что!»—вскричалъ Никаноръ. « Ну слава Богу! А я было, сударь, испугался. »

— « Чего? »

— « Да такъ-съ! Сегодня на театрѣ представляли какой-то некрещеной народъ—людоѣды что-ль какіе? Такъ мнѣ и пришло въ голову: ну если барину-то вдумается поѣхать въ ихъ землю? Избави Господи! »

— « А что такое давали въ театрѣ?»

— « Не могу знать, сударь; только больно хорошо! Всѣ въ перьяхъ, съ дубинами; а самой-то главный такой молодчина, что и сказать нельзя!... Какъ

бишь его зовутъ?... дай Богъ память.... Имя такое чудное.... Рыла нерыла....»

— « А, понимаю! Ролла? Такъ сегодня давали трагедію « Смерть Роллы?»

— « Да, точно такъ-съ! трагедію. Другіе-прочіе играли и туда и сюда, а ужъ этотъ Ролла—ну, сударь, у насъ въ Питерѣ нѣтъ такого актера.»

— « Право? »

— « Ужъ я вамъ доложу! Дѣтина ражій, проворный; а голосина-то какой!... И все съ перемѣнами: сначала примется шептать — шепчетъ, шепчетъ, да какъ вдругъ- рявкнетъ! Фу ты батюшки, словно изъ бочки! А тамъ начнетъ дрожать, да поскрыпывать зубами.... Отлично хорошо! А руками-то, руками, вотъ такъ и хлещетъ!... Предъ концемъ онъ сталъ потише. Вотъ я думаю себѣ: «ну, братъ, видно умаился.» Куда умаил-

ся! Передъ самымъ-то послѣднимъ концемъ какъ будто его бѣшеная собака укусила—какъ завопитъ! батюшки свѣты! и въ грудь-то себя кулаками и по бокамъ. Внизу молчатъ, а у насъ вверху стонъ-стономъ. Вотъ онъ ревѣлъ, ревѣлъ да какъ хлобыснется о-земь, да лежа-то и ну говорить и то и се, «и я тебя люблю, и ты меня любишь».... Славно!... Эка диковинка, подумаешь! Какъ онъ, бестія, впрахъ не расшибся? Вѣдь такъ со всѣхъ ногъ и грянулся! Ну знатный актеръ! Вотъ вы изволите смѣяться, Владиміръ Сергѣевичъ, а въ театрѣ я самъ видѣлъ: барыни, да какія еще барыни—въ чепцахъ, въ шелковыхъ платьяхъ, такъ и разливаются! Глядя на нихъ, и мнѣ стало грустно; сначала я крѣпился, да какъ онъ затылкомъ-то свистнулся о-полъ, такъ и меня слеза прошибла. Жалко!»

— « Хорошо, хорошо! » — перервалъ я. — « Укладывайся. »

— « Не извольте безпокоиться: все будетъ готово! »

— « Да смотри, не проспи; завтра чѣмъ свѣтъ ступай за лошадьми. »

— « Слушаю, сударь; будутъ готовы. »

На другой день часу въ осьмомъ утра мы отправились.

II.

Перемѣнивъ лошадей въ Новой деревнѣ, мы пріѣхали въ уѣздный городъ Богородскъ, отъ котораго осталось до села Кузьмы Петровича съ небольшимъ тридцать верстъ. Мы выѣхали изъ Богородска ровно въ двѣнадцать часовъ, и, отъѣхавъ верстъ пять, повернули въ сторону по проселочной дорогѣ. На

право и на лѣво мимо насъ мелькали веселые перелѣски, холмистыя поля и небольшія деревеньки; изрѣдка виднѣлись по сторонамъ господскія усадьбы и подымались колокольни деревенскихъ церквей. Вотъ вдали по опушкѣ сосновой рощи сверкнула изгибистая Клязьма; черезъ нѣсколько минутъ она спряталась въ глубинѣ бора, потомъ показалась опять и снова исчезла за березовой рощею.

—«Ну что,»—спросилъ я у ямщика,—«далеко ли еще до села Кохмы?»

—«Да не такъ чтобъ очень, сударь. Вотъ отъ этого липняга считается до Бунькова двѣ версты, отъ Бунькова до Коврижкиной верстъ восемь, а тамъ не то пять, не то шесть до самой Кохмы. Знатное село! Да и баринъ-то, Кузьма Петровичъ, дай Богъ ему здоровье, янералъ, а такой повадный и

ласковый, что и Господи! Привезешь къ нему гостей, велитъ накормить, напоить; а поклонишься, такъ и овсеца отпустятъ изъ господскаго амбара.... Важный баринъ ... Эй вы, соколики! »

Прошло еще около часу, вдали на горѣ забѣлѣлась каменная церковь, потомъ изъ-за густой рощи сталъ показываться выкрашенный свѣтлосѣрой краскою домъ съ высокимъ бельведеромъ.

—« Вотъ, сударь, видите? »—сказалъ ямщикъ. — « Это село Кохма. »

—«Ступай же проворнѣй, любезный; на водку дамъ. »

Мы помчались. Не доѣзжая полверсты до села, ямщикъ сталъ сдерживать лошадей.

—« Ну что ты?» — спросилъ я.

—« Да вотъ сей часъ будетъ спускъ

на Клязьму. Крутенько нéмного, да и дорога-то пойдетъ косогоромъ.»

—«Постой! я выду.»

Я выпрыгнулъ изъ коляски, а Никаноръ слезъ съ козелъ и пошелъ въ слѣдъ за мною. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы очутились на крутомъ берегу Клязьмы. Чрезъ нее былъ переброшенъ широкій и красивый мостъ, а на другой сторонѣ начинался длинный порядокъ избъ; онъ огибалъ подошву довольно высокаго холма, на которомъ помѣщались господская усадьба и церковь.

—«Ну ужъ подлинно барской домъ!» сказалъ Никаноръ.—«Смотрите-ка, сударь, смотрите! Экъ настроено! Словно городъ какой! И село-то знатное! Избы все бѣлыя, крыты драньемъ.... Славное село!»

—« Какое прекрасное мѣстоположеніе! »—сказалъ я.

—« Да-съ, да-съ, прекрасное! » — повторилъ Никаноръ съ необычайнымъ восторгомъ. Что за диковинка! Давно ли мой вѣрный Личарда сталъ восхищаться природою?... Я невольно взглянулъ въ ту сторону, куда устремлены были его жадные взоры.... Ага! вотъ что!... На лѣво, подлѣ одной избы, толпится народъ, надъ дверьми Всероссійскій гербъ и ёлка.... Понимаю! — Но вотъ дорога поворачиваетъ на право. Никаноръ остановился, вздохнулъ отъ глубины души, и, бросивъ послѣдній взглядъ на свое *прекрасное мѣстоположеніе*, пошелъ въ слѣдъ за мною. « Знаете ли что, Владиміръ Сергѣевичъ? » сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. « Вѣдь это село достанется Софьѣ Николаевнѣ, племянницѣ Кузьмы Петровича. »

—«Такъ чтожъ?»

—«Какъ, сударь, что? Да вѣдь она и сама по себѣ богатая невѣста.»

—«Тѣмъ лучше для нее.»

—«Да не худо, Владимiръ Сергѣевичъ, будетъ и тому, кто на ней женится.»

—«Женится? — повторилъ я почти съ испугомъ.—«А развѣ ты что нибудь слышалъ?»

—«Слышать не слышалъ; да вѣдь извѣстное дѣло, богатыя невѣсты въ дѣвкахъ не засиживаются. Эхъ, сударь! чтобы вамъ....»

—«Что такое?»

—«Да чѣмъ вы не женихъ?»

—«Вотъ вздоръ какой!»

—«Что за вздоръ, сударь? Не даромъ люди-то меня разспрашивали: «что, братъ, твой баринъ сердитъ или нѣтъ?

много ли у васъ душъ? въ какой губерніи?...» Какъ же! подпоить хотѣли; да нѣтъ, шутишь! Выпить-то я выпилъ, а нагородилъ имъ такихъ турусовъ на колесахъ....»

—«Глупецъ! за чѣмъ ты это дѣлалъ?»

—«Помилуйте, Владиміръ Сергѣевичъ! да что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ такой, чтобъ сказать всю правду? И они говорили мнѣ, что у барыни слишкомъ двѣ тысячи душъ; а какъ пойдетъ на чистоту, такъ дай Богъ, чтобъ тысяча нашлась. Ужъ это такъ заведено, обычаи такой. Вотъ вы, сударь, человѣкъ съ достаткомъ, а скажи—ка я всю правду, такъ подумаютъ, что вамъ перекусить нечего. Э, Владиміръ Сергѣевичъ!... Посмотрите-ка! Никакъ самъ генералъ идетъ къ намъ на встрѣчу?... Ну такъ и есть—онъ!»

Кузьма Петровичъ встрѣтилъ меня съ отверстыми объятіями. Шаговъ за двадцать онъ принялся кричать: « Милости просимъ, Владиміръ Сергѣевичъ, милости просимъ! Вотъ ужъ одолжили, такъ одолжили! »

—« Мнѣ хотѣлось скорѣй воспользоваться вашимъ обязательнымъ приглашеніемъ, »—сказалъ я , разцѣловавшись съ добрымъ Кукушкинымъ;—« и если позволите , пробуду у васъ нѣсколько дней? »

—« Какъ нѣсколько дней! что вы?... Да развѣ можно за восемьдесятъ верстъ ѣздить въ гости на нѣсколько дней? Нѣтъ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ! пріѣхали, такъ поживите. Черезъ двѣ недѣли мои имянины: мы попируемъ вмѣстѣ; а тамъ недѣли черезъ три рожденье Марьи Ивановны.... »

—«Да это будетъ болѣе мѣсяца.»

—«А почемужъ вамъ не прожить у насъ и все лѣто? Разумѣется, если вамъ будетъ весело.»

—«О, въ этомъ я увѣренъ!»

—«А если увѣрены, такъ о чемъ и говорить. Да пойдемте скорѣй къ нашимъ дамамъ, а не то онѣ перессорятся: у нихъ идетъ такой споръ, что святыхъ вонъ понеси! Жена бьётся объ закладъ, что къ намъ пріѣхалъ ея двоюродный братецъ, князь Иванъ; Любовь Дмитріевна Хапрова, которая у насъ гоститъ, увѣряетъ что вы сосѣдъ нашъ, Ѳедоръ Николаевичъ Недочетовъ; и я тоже думалъ; одна племянница,—этакіе зоркіе глаза!—вѣдь тотчасъ узнала, что это вы.»

Мы нашли Марью Ивановну, Софью Николаевну и ея пріятельницу Любовь

на обширной террасѣ дома, съ которой видны были всѣ окрестности. Ласковая хозяйка осыпала меня привѣтствіями, и не давъ мнѣ опомниться, принялась разсказывать о своихъ сосѣдяхъ, о ихъ житьѣ-бытьѣ, о томъ, что какой-то Егоръ Андреевичъ Фурсиковъ развелся съ своей женою, что какая-то Аграфена Минишна Вопіюхина подала жалобу на своего роднаго брата, Сергѣя Минича Мухоморкина, за то, что онъ затравилъ у нее борзыми собаками двухъ свиней. Вы можете себѣ представить, какъ мнѣ было весело слушать эту болтовню въ то время, какъ я горѣлъ нетерпѣніемъ подойти къ Софьѣ Николаевнѣ, съ которой не успѣлъ еще перемолвить ни словечка Кузьма Петровичъ, сдавъ меня съ рукъ на руки своей барынѣ, ушелъ о чемъ-то хлопотать; наконецъ онъ возвратился къ намъ на

террасу и пригласилъ идти обѣдать. Столъ былъ накрытъ въ огромной залѣ въ два свѣта. Лишь только мы сѣли, на хорахъ грянула музыка. Кажется, играли какую-то увертюру, симфонію, или даже ораторію, право не помню; я не забылъ только одного, что надобно было во все горло кричать, чтобъ слышать другъ друга. Господинъ капельмейстеръ Мордоченко стоялъ впереди всѣхъ музыкантовъ передъ пупитромъ, и конечно ни одинъ крестьянинъ не работаетъ такъ усердно цѣпомъ, какъ онъ помахивалъ своей дирижерной палочкой. Сначала все шло изрядно; но подъ конецъ флейты стали оттягивать, кларнетъ запищалъ, волторны заревѣли нелѣпымъ голосомъ, а фаготъ началъ сипѣть такъ отвратительно, что меня морозъ подралъ по кожѣ. « Эй, Филька, шалишь! » закричалъ Кузьма

Петровичъ. «Алешка, Фомка!... вотъ я васъ!... Фаготъ! фаготъ! опять закутилъ!»

Капельмейстеръ шикалъ, махалъ своей палочкой, топалъ ногою, подымалъ обѣ руки вверхъ, и наконецъ началъ бить такту по головамъ своихъ духовыхъ инструментовъ, которые вышли рѣшительно изъ всякаго порядку.

—«Стой!»—закричалъ Кузьма Петровичъ. Музыканты перестали играть. «Что это, батюшка, Алексѣй Андреичъ,» продолжалъ онъ, обращаясь къ капельмейстеру, «что это у тебя духовая-то музыка?»

—«Помилуйте, ваше превосходительство!»—завопилъ несчастный Мордоченко,—«что мнѣ дѣлать съ этими разбойниками? Фаготистъ Антонъ лыкомъ не вяжетъ, Фомка чуть живъ съ похмѣлья;

а Филькѣ какъ можно играть на вол-торнѣ: онъ сегодня подрался въ кабакѣ. Извольте посмотрѣть, какъ у него разбиты губы! Ну какому тутъ быть амбушуру?»

—«Негодяи! Гони ихъ вонъ! Ужъ я съ ними перевѣдаюсь! Да нельзя ли безъ нихъ хоть польской какой?»

—«Сейчасъ, ваше превосходительство.»

—«Ну вотъ, ВладимірЪ Сергѣевичъ,»—продолжалъ хозяинъ,–«заводи оркестръ! Скоты!... Никакого самолюбія, никакой амбиціи!... Канальи!... Посмотришь, въ чужихъ краяхъ, любо-дорого! Музыкантъ, такъ ужъ музыкантъ! А здѣсь.... Экой народецъ!... Срамники!...

Я не сказалъ, а подумалъ про себя: «Правда! Въ Германіи, на примѣръ, кто музыкантъ, тотъ ужъ точно музыкантъ;

да за то вѣдь тамъ какой-нибудь Кукушкинъ не возметъ крестьянина отъ сохи, и не скажетъ ему: «Ты мужикъ высокой, катай на контрабасѣ! Ты плечистъ—дуй въ волторну! У тебя передніе зубы цѣлы — играй на фаготѣ! А есть ли у тебя охота или нѣтъ, объ этомъ тебя и спрашивать не станутъ.»

— «Ну чтожъ вы?»—закричалъ Кукушкинъ.— «Играйте что нибудь!»

Музыка грянула какой-то польской, и хозяинъ успокоился.

Послѣ обѣда Кузьма Петровичъ повелъ меня по своимъ заведеніямъ. Во всякое другое время я сталъ бы любоваться его оранжереями, коннымъ заводомъ, скотнымъ дворомъ: все это было прекрасно; но на этотъ разъ очень былъ бы ему благодаренъ, еслибъ онъ уволилъ меня отъ этого инспекторскаго

смотра, который продолжался часа три сряду. Потомъ я попалъ опять въ руки къ Марьѣ Ивановнѣ: она принялась мнѣ досказывать, какимъ образомъ началась и продалжается ссора сестрицы Вопіюхиной съ братцемъ Мухоморкинымъ. Вплоть до ужина я не могъ оторваться отъ нея ни на минуту, и пошелъ спать въ приготовленную для меня комнату, почти не сказавъ двухъ словъ съ Софьей Николаевной; но я цѣлый день пробылъ съ нею вмѣстѣ, глядѣлъ на нее и, прощаясь, поцѣловалъ ея руку. Сколько я могъ замѣтить, Софья Николаевна была обрадована моимъ пріѣздомъ. Каждый разъ, когда наши взоры встрѣчались, она краснѣла и опускала къ низу свои прелестные глаза. Обыкновенно краснѣютъ отъ трехъ причинъ: отъ гнѣва, стыда и удовольствія. Если взоръ, въ которомъ она могла прочесть всю

любовь мою, заслуживалъ ея гнѣвъ, или по крайней мѣрѣ досаду; то зачѣмъ было ей сидѣть по цѣлымъ часамъ противъ меня? Если онъ возбуждалъ въ душѣ ея чувство стыда, то ужъ вѣрно бы она не мѣнялась такъ часто со мною взглядами: слѣдовательно, глядя на меня, она краснѣла отъ удовольствія. Отъ удовольствія!... Боже мой!... Что еслибъ въ самомъ дѣлѣ.... Нѣтъ!... Я даже и вѣрить не смѣю такому счастію!...»

Однакожъ я скоро увѣрился, что Софья Николаевна смотритъ на меня точно съ удовольствіемъ. Дня черезъ три, когда Кузьма Петровичь мнѣ все показалъ, а Марья Ивановна все высказала, я сдѣлался свободнѣе. Хозяинъ перестaлъ со мною церемониться: ложился послѣ обѣда отдыхать, потомъ ходилъ по своимъ заведеніямъ и не таскалъ меня вмѣстѣ съ собой. Марья

Ивановна обратилась такъ же къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ: по нѣскольку разъ въ день заходила въ ткацкую, кормила своихъ заморскихъ куръ, павлиновъ, выводила канареекъ и разбирала ссоры своихъ барскихъ барынь и горничныхъ дѣвушекъ. Я замѣтилъ также, что дядюшка и тетушка любили соснуть порядкомъ, то есть до десяти часовъ утра; а Софья Николаевна вставала очень рано. Я этимъ воспользовался и каждый день часу въ седьмомъ утра встрѣчалъ ее вмѣстѣ съ Любовью Дмитріевной Хопровой, или въ саду, или въ дубовой рощѣ, которая окружала съ трехъ сторонъ господскую усадьбу. Эта Хопрова была премилая дѣвушка, такая добродушная, привѣтливая! Мнѣ одно только въ ней не нравилось: она почти всегда казалась грустною. Конечно ей, бѣдняжкѣ, радоваться было нечему:

она совершенно зависѣла отъ своей тетки, и какой тетки!... Агриппины Карповны Морганцевой! Но дѣвушка въ восьмнадцать лѣтъ часто улыбается и сквозь слезы; а Любовь Дмитріевна никогда не улыбалась. Не смотря на это, я скоро съ нею сблизился; гораздо скорѣе, чѣмъ съ Софьей Николаевной, которая сначала примѣтнымъ образомъ меня дичилась; да и я — что грѣхъ таить! въ первые дни до того былъ съ нею робокъ и ненаходчивъ, что очень часто, встрѣчая ее по утру въ саду, не зналъ, что ей сказать и раза по три спрашивалъ о ея здоровьѣ. Впрочемъ это продолжалось недолго. Мало по малу, Софья Николаевна стала обращаться со мною свободнѣе, я сдѣлался смѣлѣе, и недѣли черезъ полторы мы какъ будто бы вѣкъ жили вмѣстѣ.

Съ каждымъ днемъ открывалъ я но-

вые достоинства въ Софьѣ Николаевнѣ и, разумѣется, съ каждымъ днемъ любовь моя увеличивалась: она росла не по днямъ, а по часамъ. Мнѣ казалось каждое утро, что я люблю ее столько, сколько можно любить человѣку. День проходилъ, наступалъ вечеръ, и я, ложась спать, чувствовалъ, что люблю еще болѣе прежняго; но, не смотря на это, я боялся не только говорить, но даже намекнуть ей о любви моей. Конечно, она обращалась со мною такъ просто, такъ мило; и хотя истинная любовь всегда труслива и недовѣрчива; однакожъ я не могъ не видѣть, что при встрѣчѣ со мною глаза ея оживлялись радостію, что, слушая меня, она улыбалась, и что, эта улыбка была такъ ласкова, такъ привѣтлива! Но развѣ дружба, и даже самая обыкновенная пріязнь, не выражаются точно также? Еслибъ она была

постоянно ласкова со мною въ городѣ, окруженная толпою своихъ обожателей, то я могъ бы, по крайней мѣрѣ, видѣть въ этомъ какое-то предпочтеніе; но въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ вовсе общества, гдѣ подъ часъ радехонекъ, что какой нибудь безграмотный сосѣдъ заѣдетъ въ гости, что значитъ эта ласка? Ровно ничего. Если Софья Николаевна не раздѣляетъ моихъ чувствъ, то ужъ вѣрно при первомъ словѣ любви перемѣнитъ со мною свое обращеніе, станетъ убѣгать меня, мнѣ должно будетъ уѣхать.... Уѣхать! Боже мой!... О нѣтъ, нѣтъ! Быть неразлучно вмѣстѣ съ нею, слышать ея очаровательный голосъ, гулять съ нею рука съ рукою, упиваться воздухомъ, который вылетаетъ изъ ея прелестныхъ устъ, все это было такимъ неизъяснимымъ для меня блаженствомъ,

что я не смѣлъ и даже не хотѣлъ желать ничего болѣе.

Однажды рано по утру Софья Николаевна гуляла со мною по берегу Клязьмы. Любови Дмитріевны съ нами не было: она читала до трехъ часовъ ночи новый романъ Коцебу «Мальчикъ у ручья» и, натурально, не могла встать въ шестомъ часу утра. Мы подошли къ мосту. «Посмотрите,» сказалъ я, «какъ вашъ домъ красивъ, когда на него смотришь съ этой стороны.»

— «Да, это правда. Отсюда онъ кажется гораздо болѣе.»

— «Какъ вы думаете, Софья Николаевна, можно ли отсюда узнать въ лице, если кто нибудь выйдетъ на террасу?»

— «Не думаю; по крайней мѣрѣ я ужъ вѣрно не узнаю.»

— « Право? Однакожъ вы невсегда бываете такъ близоруки. Помните ли, какъ я пріѣхалъ къ вамъ въ деревню, я былъ здѣсь на мосту, а вы на террасѣ? Однакожъ вы меня узнали.»

— « Кто это вамъ сказалъ?»

— « Вашъ дядюшка.»

Софья Николаевна покраснѣла. «Да, это правда,» — прошептала она; — « но вѣроятно я узнала васъ отъ того...»

— « Отъ того,» — перервалъ я шутя, — « что, можетъ быть, сверху въ низъ виднѣе, чѣмъ снизу въ верхъ.»

Софья Николаевна покраснѣла еще болѣе. « Послушайте, Владиміръ Сергѣевичъ,» — сказала она, помолчавъ нѣсколько времени, — « я вамъ скажу всю правду: я не могла разсмотрѣть ваше лице, а назвала васъ потому.... Ну да по-

тому что мнѣ хотѣлось, чтобъ это были вы.»

Она желала меня видѣть!... И это говоритъ она сама!... Не знаю, можно ли умереть отъ радости; но задохнуться, онѣмѣть и сойдти съ ума очень можно: я это испыталъ на себѣ. Я чувствовалъ, вся кровь бросилась къ моему сердцу, въ глазахъ потемнѣло, я не могъ дышать, не могъ говорить; и, слава Богу! въ эту минуту я точно былъ сумасшедшій, и заговорилъ бы такой вздоръ, что испугалъ бы до смерти Софью Николаевну. «Скажите, Владимiръ Сергѣевичъ,» — продолжала она, пройдя со мною молча нѣсколько шаговъ,« — вы еще не скоро поѣдете назадъ въ Москву?

— « Въ Москву?»—повторилъ я съ невольнымъ содроганіемъ;—«да что я тамъ буду дѣлать? умирать съ тоски?»

— « А здѣсь вамъ нескучно?»

— « Здѣсь, Софья Николаевна? Да, еслибъ отъ меня зависѣло....»

— « Такъ вы бы навсегда здѣсь остались?»

— « О, съ радостію!... Когда бъ вы знали, какъ я здѣсь счастливъ!...»

— « Право? Такъ вы очень любите деревенскую жизнь?»

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ такимъ простымъ и натуральнымъ голосомъ. « Что жъ это значитъ?» подумалъ я. « Да неужели она меня не понимаетъ? Не можетъ быть!»

— « Вы любите деревню!» — продолжала Софья Николаевна. — « Да это отъ того, что вы всегда жили въ городѣ. Въ деревнѣ бываетъ иногда очень скучно. Вы хорошо сдѣлали, что къ намъ прі-

ѣхали, Владиміръ Сергѣевичъ! Ужъ если пошло на откровенности, такъ я вамъ скужу всю правду: мы съ Любинькой ждали васъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Вы такъ любезны! Съ вами весело!... А здѣшніе сосѣди.... Ахъ, еслибъ вы знали, какіе они несносные! Да вотъ, постойте, завтра дядюшкины имянины, гостей наѣлетъ къ намъ множество, и вы увидите, что за лица!... что за обхожденье!..»

Уфъ! какимъ обдало меня холодомъ!.. Такъ вотъ за что меня ласкаютъ!... Вотъ почему желали, чтобъ я пріѣхалъ!... Глупецъ! я это отгадывалъ, я зналъ напередъ, что меня любятъ просто какъ забаву, какъ развлеченіе, и не смотря на это, готовъ былъ вѣрить..., О, женщины, женщины! самая лучшая изъ васъ не стоитъ ничего! Она рада одурачить бѣднаго мущину, свести его съ ума, погубить его будущность, и все

это для того, чтобъ ей не было скучно!... Какой отвратительный эгоизмъ!... Уѣду-непремѣно уѣду!..,. «Вы такъ любезны, съ вами весело: забавляйте меня до тѣхъ поръ, пока не явится другой, съ которымъ мнѣ будетъ веселѣе, чѣмъ съ вами. Кокетка!...» Уѣду-завтра же уѣду!

Разумѣется; я не говорилъ, а думалъ, все это, идя подлѣ Софьи Николаевны. Она молчала, я также; мы смотрѣли въ разныя стороны. На знаю, что дѣлалось съ моимъ лицемъ; но когда я взглянулъ украдкою на Софью Николаевну, то замѣтилъ, что щеки ея пылали. «Посмотрите,» сказала она, стараясь примѣтнымъ образомъ избѣгать моихъ взоровъ, « вѣдь это, кажется, нашъ капельмейстеръ—вонъ тамъ, на берегу.»

— « Да, кажется, это онъ,»—отвѣчалъ

я, вѣроятно очень смѣшнымъ и страннымъ голосомъ, потому что Софья Николаевна улыбнулась.... Злодѣйка!

— «Онъ удитъ рыбу,»—продолжала она.«—Вы, Владиміръ Сергѣевичь, кажется, не любите этой забавы?»

— «Нѣтъ, сударыня.»

— «Почему жъ?»

— «Потому что я не люблю забавляться страданіемъ даже какого нибудь карася или окуня·»

— «Что это, Владиміръ Сергѣевичъ? Ужъ не вѣрите ли вы переселенію душъ?»

— «Нѣтъ, Софья Николаевна, я только не понимаю, что за утѣха подцѣпить на желѣзный крючокъ и вытащить на берегъ бѣдную рыбу, которая можетъ страдать физически точно такъ же, какъ

и мы всѣ страдаемъ. Къ тому жъ, въ этой жестокой забавѣ есть что-то лукавое, предательское: этотъ поплавокъ, который, какъ шпіонъ, слѣдитъ и высказываетъ мнѣ всѣ движенія моей жертвы; эта приманка, подъ которой скрывается смерть.,.. Знаете ли, что она мнѣ напоминаетъ! Улыбку коварной женщины, когда она хочетъ, для своей забавы, вскружить голову, то есть погубить какого-нибудь глупца, который думаетъ, что его любятъ, потому что онъ самъ имѣетъ дурачество любить.»

— «Да развѣ есть такія женщины?»

— «Помилуйте!... Всѣ женщины менѣе или болѣе любятъ кружить головы легковѣрнымъ мущинамъ. Вѣдь мы созданы для вашей забавы—не правда ли?»

— «И вы это думаете обо всѣхъ?... сказала Софья Николаевна, взглянувъ

мнѣ прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было что то похожее на упрекъ. Я смутился.

—« Позвольте, позвольте! »—продолжалъ я;—« дайте мнѣ изъяснить вамъ хорошенько мою мысль. Я вовсе не думаю, что всѣ женщины холодныя, бездушныя кокетки—избави Господи! Большая часть изъ нихъ стараются нравиться мущинамъ—такъ, безъ всякой цѣли, и сводятъ ихъ съ ума самымъ невиннымъ образомъ. Вотъ вы, напримѣръ, когда глядите на кого-нибудь съ этой очаровательной улыбкой, говорите съ нимъ этимъ плѣнительнымъ голосомъ, вы вѣрно не желаете свести его съ ума, обмануть, сдѣлать на вѣкъ несчастливымъ,—о, нѣтъ! вамъ это и въ голову не приходитъ! Вы это дѣлаете не по разсчету, безъ всякаго намѣренія: вамъ не въ чемъ упрекать себя; но развѣ отъ

этого легче тому, кто сойдетъ съ ума по вашей милости? А можете ли вы поручиться, что никого съ ума не сводили? »

—« О, конечно могу!»

—« Полно такъ ли? Послушайте. Если до сихъ поръ сердце ваше было спокойно, то, по крайней мѣрѣ, вамъ случалось оказывать кому-нибудь хотя небольшое предпочтеніе, то есть, быть съ нимъ любезнѣе и ласковѣе, чѣмъ съ другими?»

—« Право не знаю! Кажется, я стараюсь одинакимъ образомъ быть ласкова со всѣми. »

—« Извините! Я не очень вѣрю этому равенству. Вотъ, напримѣръ, вы признались, что мой пріѣздъ сдѣлалъ вамъ удовольствіе, а почему знать,» продолжалъ я робкимъ голосомъ, «можетъ быть

есть кто нибудь, который своимъ пріѣздомъ обрадовалъ бы васъ еще болѣе?»

—« О, нѣтъ! »

Боже мой!... Не ошибаюсь ли я?... Такъ точно: это невольное восклицаніе вырвалось изъ души ея!...

—« Возможно ли?»—вскричалъ я. — « Такъ вы желали меня видѣть не потому только, что у васъ нѣтъ никакого общества, и стали бы желать этого даже и тогда, еслибъ всѣ ваши знакомые были здѣсь вмѣстѣ съ вами?... Ахъ, отвѣчайте! Прошу васъ, отвѣчайте!...»

Софья Николаевна задумалась, яркій румянецъ исчезъ съ ея поблѣднѣвшихъ щекъ, грудь волновалась; она хотѣла что-то промолвить, но вдругъ остановилась, и сказала въ полголоса: « Посмотрите, вотъ идетъ Любовь Дмитріевна. Пойдемте къ ней на встрѣчу. »

—« Но вы не отвѣчали на мой вопросъ. »

—« Да чтожъ мнѣ вамъ отвѣчать?..,»

—« Скажите только одно слово....»

—« Одно слово,» — повторила Софья Николаевна. « Ну—если вы хотите... Да, нѣтъ! вѣдь вы мнѣ не повѣрите: всѣ женщины кокетки!»—прибавила она съ такой обворожительной улыбкою, что я непремѣнно упалъ бы передъ нею на колѣни (тогда еще на колѣни становились), еслибъ къ намъ не подошла Любовь Дмитріевна. Софья Николаевна бросилась къ ней на шею и начала ее цѣловать, какъ будто бы цѣлый вѣкъ съ нею не видѣлась.

—« Что ты, Софи? Что съ тобою сдѣлалось? » — сказала съ удивленіемъ Хопрова.

—« Ничего, мой ангелъ, ничего! Ахъ, какъ я люблю тебя, Эме!»

—« Въ самомъ дѣлѣ? »

—« До безумія!... »

Вотъ я опять на небесахъ—на долго ли?—Странное дѣло! Давно ли я говорилъ самому себѣ: «быть вмѣстѣ съ нею, видѣть ее, слышать ея голосъ, есть уже такое неизъяснимое блаженство, что я не смѣю и даже не хочу желать ничего болѣе;» а теперь, когда я увѣрился, что она не вовсе ко мнѣ равнодушна, мнѣ ужъ этого было мало. «Она меня пред-« почитаетъ другимъ, думалъ я. Да раз-« вѣ это что нибудь значитъ? Развѣ « предпочтенье любовь? Любовь!... Да, « да! я хочу, я долженъ, я не могу жить « безъ того, чтобъ не узнать рѣшитель-« но, любитъ ли она меня или нѣтъ. И « что это за жизнь? Это не жизнь, а

« безпрерывная пытка! Я чувствую, мнѣ « душно подъ открытымъ небомъ, меня « давитъ воздухъ, земля горитъ подо « мною.... О, неизвѣстность хуже всего « на свѣтѣ! Да не лучше ли во сто разъ « тому, кто долженъ разстаться съ жиз- « нію, умереть вдругъ, чѣмъ томиться « медленной смертію, умирать по немно- « гу, по частямъ, умирать каждую ми- « нуту!... Нѣтъ, нѣтъ! одинъ громовый « ударъ и все кончено! »

Такъ думалъ я всякой разъ, когда оставался одинъ; но лишь только по- являлась Софья Николаевна, вся храб- рость моя исчезала. Какое презрѣнное созданіе былъ бы военный человѣкъ, еслибъ онъ трусилъ на полѣ сраженія, точно такъ же, какъ я робѣлъ всякой разъ, когда случайно оставался съ нею на нѣсколько минутъ безъ свидѣтелей! Сколько разъ признанье въ любви, такъ

сказать, вертѣлось у меня на языкѣ; но этотъ проклятый языкъ меня не слушался, и я, заикаясь отъ избытка чувствъ, говорилъ съ нею о хорошей погодѣ, или самымъ нѣжнымъ, прерывающимся голосомъ, разсказывалъ, что капельмейстеръ Мордоченко подцѣпилъ на уду двухъ ершей и одного окуня. Въ одну изъ этихъ минутъ я увидѣлъ себя нечаянно въ зеркало. Боже мой! что за смѣшная фигура у человѣка, который влюбленъ и не смѣетъ въ этомъ признаться! Глаза у него вертятся какимъ-то страннымъ образомъ, онъ весь изковерканъ, говоритъ такой вздоръ.... Ну, нечего сказать! Не привели Господи влюбиться въ женщину, которая насъ не любитъ! Мы въ это время играемъ такую жалкую ролю, что должны быть ей вѣчно благодарны, если она, глядя на насъ, не умираетъ со смѣху.

Такъ прошелъ весь этотъ день. Вечеромъ Кузьма Петровичъ, который все утро занимался у себя въ кабинетѣ, какъ нарочно не отходилъ отъ меня ни на минуту, и вплоть до самаго ужина проговорилъ со мною, какъ вы думаете, о чемъ? О нашей лирической поэзіи! Впрочемъ, надобно сказать правду, тогда было о чемъ поговорить. Какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ послѣ «Людмилы» и «Свѣтланы»; а потомъ послѣ «Кавказскаго плѣнника» и «Бахчисарайскаго фонтана» баллады и повѣсти въ стихахъ затопили нашу словесность, точно также въ то время всѣ Русскіе поэты, стихотворцы и рифмачи, увлеченные примѣромъ вдохновеннаго пѣвца «Фелицы» пустились писать оды торжественныя, философическія, дидактическія. Смирновъ выдалъ Русскую Мессіяду, въ которой сатана

ходитъ пѣшкомъ по небесамъ и шагаетъ черезъ тысячи планетъ; Бобровъ непечаталъ свою « Тавриду », гдѣ нѣсколько счастливыхъ стиховъ утопало въ безднѣ описательной и звукоподражательной премудрости. Въ слѣдъ за этой « Тавридою » появились сотни стиховъ, въ которыхъ то:

На сизо-голубомъ эфирѣ
Плыветъ янтарно-блѣдная луна,

То:

Средь бурныхъ тучь грохочутъ громы
И съ визгомъ вихрь въ ущеліяхъ свиститъ.

Или:

Тамъ слышанъ шелестъ шумныхъ водопадовъ,
Тамъ съ ропотомъ ручей по камушкамъ журчитъ.

Всѣ эти звукоподражательныя штучки весьма нравились Кузьмѣ Петрови-

чу. Съ какимъ восторгомъ повторялъ онъ извѣстный стихъ:

От топота копытъ пыль по полю несется.

— «Вотъ это, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, поэзія! « — говорилъ онъ. — « Слышите ли, сударь, какъ лошадь скачетъ, какъ она бьетъ копытомъ въ землю? « Отъ топота копытъ... » Удивительно! Сказать вамъ по секрету, Владиміръ Сергѣевичъ, я и самъ кой-что началъ, не оду — нѣтъ! Куда намъ такъ высоко! Съ насъ довольно и басенки; а кажется, будетъ не дурна: мысль новая и стишки есть изрядныя; особливо одинъ звукоподражательный стишокъ — ну, я вамъ скажу, хорошъ! Удачно вылился, отмѣнно удачно! Теперь ужъ поздно, а завтра, если позволите, я вамъ кой-что изъ нее прочту и съ ва-

ми посовѣтуюсь. Вотъ изволите видѣть: я набросалъ нѣсколько стиховъ; конецъ у меня готовъ, начало почти придумано; да главное-то, сударь, главное: идея, цѣль этой басни, не совсѣмъ еще обрисована, и мнѣ бы очень хотѣлось.. »

— « Я не большой въ этомъ знатокъ, Кузьма Петровичъ. »

— « Полноте скромничать! »

— « Увѣряю васъ. »

— « Добро, добро! Пойдемте ужинать, а тамъ увидимъ: утро вечера мудренѣе. »

Софья Николаевна тотчасъ послѣ ужина ушла на свою половину, и я такъ же отправился, но только не спать: я зналъ напередъ, что у меня сна вовсе не будетъ. И подлинно, во всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ. Я

проклиналъ мое дѣтское малодушіе; доказывалъ самому себѣ, что долженъ для собственнаго спокойствія какъ можно скорѣе узнать свою участь; и наконецъ далъ себѣ честное слово побѣдить эту смѣшную робость и, во чтобъ ни стало, изъясниться съ Софьей Николаевной. Я заснулъ часу въ пятомъ утра и проспалъ до десяти. Когда я вышелъ изъ моей комнаты, со мною повстрѣчалась Любовь Дмитріевна.

— « Что это, Владиміръ Сергѣевичь, » сказала она, — « ужъ не у меня ли вы переняли? Мы часа три гуляли по саду, обошли всю рощу, а вы изволили почивать. »

— « Гдѣ Софья Николаевна? »—спросилъ я.

— « Она ужъ кончила свой туалетъ и, кажется, теперь на террасѣ. Ступай-

те къ ней, а я пойду одѣваться. Часа черезъ два начнутъ пріѣзжать гости. Вѣдь вы знаете, я думаю, что сего-дня имянины Кузьмы Петровича?»

— «Какъ же!»

Я вышелъ на террасу. Софья Николаевна читала съ такимъ вниманіемъ какую-то книгу, что сначала меня не замѣтила. Я сѣлъ подлѣ нее. Она была вся въ бѣломъ, одѣта просто; но такъ мила, такъ прекрасна, что я минуты двѣ молча на нее любовался.

— «Ахъ, это вы, Владиміръ Сергѣевичъ!» — вскричала она, увидѣвъ наконецъ, что я сижу подлѣ нее.

— «Что это вы читаете съ такимъ вниманіемъ?» — спросилъ я.

— «Матильду.»

— «Прекрасный романъ!»

— « Да, онъ очень интересенъ, и еслибъ въ немъ было поболѣе правдоподобія.... »

— « А чтожъ вамъ кажется въ немъ ненатуральнымъ? »

— « Характеръ Малекъ-Аделя. »

— « Почему же? »

— « Почему? Да развѣ можетъ любить такъ безпредѣльно и съ такимъ самоотверженіемъ.... »

— « Какой нибудь Турокъ или Мавръ? » — перервалъ я.

— « Нѣтъ, Владиміръ Сергѣевичъ, просто какой-нибудь мущина. »

— « Право? Такъ вы думаете, что однѣ женщины умѣютъ любить? »

— « О нѣтъ! Но любовь мущины никогда не можетъ быть такъ постоянна и такъ безкорыстна, какъ любовь женщины. Вы безпрестанно заняты,

васъ все развлекаетъ, вамъ нѣкогда любить. Эта неограниченная свобода, этотъ холодный здравый разсудокъ, которымъ вы такъ гордитесь , все мѣшаетъ вамъ предаваться вполнѣ чувству, почти всегда безотчетному ; вы любите такъ , мимоходомъ,—это ваше отдохновеніе. А женщины? Онѣ живутъ этимъ чувствомъ. Я не стану говорить о мужьяхъ ; но скажите, много ли найдете вы отцевъ, которые точно такъ же бы любили своихъ дѣтей, какъ любятъ ихъ матери? Да, Владиміръ Сергѣевичь! Мы родимся для того, чтобъ любить: это наше назначеніе. Женщина, которая ничего не любитъ—чудовище; а сколько есть мущинъ любезныхъ , милыхъ и даже добрыхъ.... »

— « Какая несправедливость !» — вскричалъ я. — И вы думаете....»

— « Не только думаю, но увѣрена, что слово *эгоизмъ* должно быть на всѣхъ языкахъ мужескаго рода; да и можетъ ли быть иначе? Этотъ порокъ есть необходимое слѣдствіе вашего образа жизни, вашей мужской опытности и холоднаго математическаго расчета. Мущины зовутъ его благоразуміемъ, разсудкомъ, и этимъ здравымъ смысломъ, въ которомъ они, и весьма справедливо, отказываютъ женщинамъ, потому что мы слабыя, легкомысленныя женщины, всегда любимъ не разсуждая и почти всегда предпочитаемъ счастіе того, кого любимъ, своему собственному.»

—« Позвольте же мнѣ»—сказалъ я,— « повторить вопросъ, который вы мнѣ сдѣлали сего дня поутру. И вы это думаете обо всѣхъ мущинахъ?»

— « О, нѣтъ! Конечно, есть исключенія; но онѣ такъ рѣдки....»

— « Да неужели, Софья Николаевна, вы полагаете, что женщины, способныя любить, какъ любила Матильда, встрѣчаютя на каждомъ шагу? Послушайте: я сирота, у меня никого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ и, чтобъ не чувствовать весь, ужасъ этого одиночества , я не жилъ никогда на одномъ мѣстѣ, бѣгалъ изъ дома въ домъ и вездѣ неразлучныя мои подруги, тоска и скука, встрѣчали меня на порогѣ. Ничто не привязывало меня къ отечеству : я рѣшился путешествовать; но лишь только переступилъ за границу, мнѣ стало грустно по моей родинѣ. О чемъ я грустилъ, по комъ тосковалъ, и самъ не знаю; но я воротился опять въ Россію для того, чтобъ снова умирать со скуки и жалѣть о томъ , что я торопился пріѣхать назадъ. Неужели вы думаете, что я не понимаю, чего требуетъ моя душа,

о чемъ она тоскуетъ? Неужели вы думаете, что встрѣтивъ женщину, которую я могъ бы навсегда назвать моимъ другомъ, я сталъ бы искать счастія далеко отъ своей родины?..,. Ахъ, Софья Николаевна! сколько разъ я былъ обманутъ! Сколько разъ подъ обольстительнымъ покровомъ любви я открывалъ одно холодное кокетство, или одно только желаніе выдти за мужъ за кого бы то ни было. Я не любилъ еще никого, и не могъ любить: до сихъ поръ меня обманывали такъ явно, такъ неискусно! Но еслибъ та, которую выбрало мое сердце и которая не способна ни къ какому обману, еслибъ она намекнула мнѣ только, что моя любовь ей не противна—о! съ какимъ бы восторгомъ я ей повѣрилъ, съ какою бъ радостію» — прибавилъ я, взявъ за руку Софью Николаевну —«назвалъ бы

я ее моею женою, моимъ другомъ, посвятилъ бы ей всю жизнь мою!...»

Софья Николаевна поблѣднѣла, рука ея дрожала въ моей рукѣ; но она ее не отнимала.

— «Еслибъ она,»—продолжалъ я,— «забывъ всѣ эти приличія, которыя такъ смѣшны, когда дѣло идетъ о счастіи всей жизни, шепнула мнѣ: и я также люблю тебя!...»

Не отвѣчая ни слова, Софья Николаевна подняла свои опущенные къ низу глаза; взоры наши встрѣтились, и я внѣ себя отъ восторга готовъ уже былъ упасть къ ногомъ ея, какъ вдругъ раздался въ гостиной голосъ Кукушкина. «А, вы здѣсь, Владиміръ Сергѣевичъ! Ужъ я искалъ, искалъ васъ!» Софья Николаевна вскочила, сбѣжала съ террасы; я хотѣтъ идти за нею, но Кузьма Петровичъ схватилъ меня за

руку и закричалъ: «Нѣтъ, батюшка! теперь я отъ васъ не отстану! Того и гляди, нагрянутъ гости и мнѣ некогда будетъ съ вами посовѣтоваться. Садитесь-ка, Владиміръ Сергѣевичъ, садитесь!»

— «Да о чемъ вы хотите со мной совѣтоваться?» — спросилъ я, почти не скрывая моей досады.

— «Какъ о чемъ? А басня-то, о которой я вамъ вчера говорилъ?»

— «Да ужъ я вамъ сказалъ, что вовсе толку въ этомъ не знаю.... Позвольте мнѣ....»

— «Куда, въ садъ? Не пущу! Вонъ видите, Сонюшка и Марья Ивановна показываютъ, гдѣ разставлять шкалики и плошки. Если вы къ нимъ пойдете, жена начнетъ съ вами говорить, племянница также: люди надѣлаютъ глупостей. Нѣтъ, не мѣшайте имъ!»

Нечего дѣлать! Софья Николаевна теперь не одна; намъ нельзя продолжать начатаго разговора; я же отъ этихъ проклятыхъ стиховъ, какъ больной отъ лекарства, никакъ не отдѣлаюсь. Ну, такъ и быть: *приму* эту басню! Мы сѣли. «Изволите видѣть,» сказалъ Кузьма Петровичъ, вынувъ изъ кармана исписанный листъ бумаги; «я набросалъ только нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ, а басня еще не кончена. Вотъ ея содержаніе: Утка и Курица стоятъ на берегу рѣки; Курица хочетъ переправиться на другую сторону; Утка остерегаетъ ее и грозитъ ей вѣрной погибелью; но надменная Курица ничего не слушаетъ и говоритъ ей:

«Послушай—ка, сестрица,
Чѣмъ хуже я тебя? Такая же я птица.
О, ты вѣдь плавать мастерица!
Такъ почемужъ и намъ
Нельзя носиться по волнамъ?

Вотъ Утка начинаетъ ей доказывать, что она не создана для воды: но Курица думаетъ:

Все это прибаутки:
Не хуже проплывемъ мы утки!

«Эй, остерегись!» говоритъ ей подруга:

Пускай бы мой дружечикъ
Былъ это ручеечикъ;
А то смотри, кума: ну видишь ли, рѣка
Широка
Какъ Ока.
« Какъ, какъ Ока?.. »

— « Что, сударь?... Каковъ звукоподражательный стишокъ?... «Какъ, какъ Ока?...» А!»

— « Да, точно удивительно!»

— « Призовите, батюшка, кого хотите: Француза, Нѣмца, Татарина, Японца, и каждый изъ нихъ отгадаетъ, что это говоритъ не человѣкъ, а насѣдка.»

— « Да, точно, насѣдка!»

— « А есть-ли тутъ какой нибудь подборъ, какая нибудь натяжка?... «Какъ, какъ Ока»... Я прошу васъ сказать иначе.»

— « Это правда.»

— « Да нѣтъ, вы мнѣ скажите, можно ли выразиться другимъ образомъ? Вамъ говорятъ, что это рѣка широка, какъ Ока, вы удивляетесь и восклицаете: « какъ, какъ Ока?» Что можетъ быть натуральнѣе? Да просто: нельзя сказать иначе, а межъ тѣмъ это кудахчетъ курица!»

— « Да, точно курица; но чѣмъ же кончится ваша басня?»

— « А вотъ чѣмъ: хвастливая курица бросилась съ берега въ рѣку:

Одно крыло какъ парусъ распустила,
Другимъ старалася грести;
Но вдругъ ее волною поглотило,
И не могло ее ничто спасти.

Она погибла въ виду своей пріятельницы, благоразумной утки. Теперь вотъ о чемъ я хочу съ вами посовѣтоваться: изъ этой басни можно извлечь два смысла; во — первыхъ нравоученіе для тѣхъ, которые поступаютъ опромстчиво; во—вторыхъ урокъ тѣмъ, которые, подобно уткѣ, не скупятся на пріятельскіе совѣты; но если надобно помочь, преспокойно остаются на берегу и смотрятъ, не двигаясь съ мѣста, какъ ихъ друзья погибаютъ. Въ первомъ случаѣ я сказалъ бы въ заключеніе:

Сей басни вотъ мораль:
Пусть скажутъ всѣ, что я педантъ и враль
Но вѣрю я Россійскому народу:
« Попробуй прежде броду,
« А тамъ ступай ужъ въ воду.»

Во второмъ случаѣ я могъ бы кончить басню слѣдующимъ образомъ:

Теперь скажу безъ шутокъ:
На свѣтѣ много утокъ;
Но много есть и куръ
Такихъ же дуръ.

Какъ вы думаете, Владимiръ Сергѣевичъ, который изъ этихъ двухъ смысловъ вѣрнѣе и приличнѣе для моей басни?»

— «Который? Да какъ бы вамъ сказать?... Первый очень хорошъ.»

— «Въ самомъ дѣлѣ?»

— «Не дуренъ и второй; а сверхъ того, мнѣ кажется, онъ нѣсколько поновѣе.»

— «Право?»

— «И если нѣтъ третьяго, то я совѣтовалъ бы вамъ придержаться втораго.»

— «Я и самъ тоже думаю.»

Теперь скажу безъ шутокъ:
На свѣтѣ много утокъ;
Но много есть и куръ
Такихъ же дуръ.

И сильно, и коротко, и ясно. Да, кажется, и римфы-то бредутъ! «Шутокъ, утокъ.» Конечно не дурно также: «враль, мораль.» Да послѣдніе-то три стиха какъ будто бы тянутся—не правда ли?»

— «Да, да! Есть немножко.»

— «И такъ рѣшено: я оставлю второе окончаніе. Покорнѣйше васъ благодарю, Владиміръ Сергѣевичъ!

— «Помилуйте! за что?»

— «Какъ за что? Безъ васъ я не зналъ бы, на что рѣшиться.... Э! посмотрите-ка! что это? Никакъ ужъ гости ѣдутъ.»

За Клязьмою тянулось по дорогѣ

нѣсколько экипажей, а за ними вдали замѣтны были цѣлыя облака пыли.

— « Ну! » — сказалъ Кузьма Петровичъ, — потирая руки, — «мы, кажется, изрядно попируемъ! Прошлаго года у меня сегодня обѣдало человѣкъ полтораста, да ночевало человѣкъ семьдесятъ; авось и въ нынѣшнемъ году также будетъ людно. Вѣдь ко мнѣ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, съѣзжаются въ этотъ день всѣ окольные помѣщики, все Покровское и Богородское дворянство. Конечно, народъ, по большой части, мелкой, нечиновный; да вѣдь не все же водить хлѣбъ-соль съ своею братьею: деревня не городъ. Однакожъ, не прогнѣвайтесь, Владиміръ Сергѣевичъ, пойду принарядиться. Всѣ городскіе чиновники пріѣдутъ въ мундирахъ, такъ—знаете, неловко остаться въ сюртукѣ; я же имянинникъ....»

— «Конечно, Кузьма Петровичъ, это такой день....»

— «Вотъ то-то и есть! Я черезъ пять минутъ буду готовъ.»

Кукушкинъ пошелъ отдѣваться, а я побѣжалъ въ садъ; но ужъ тамъ никого не было. Тетушка и племянница дожидались гостей въ диванной. Сколько я могъ замѣтить, приготовленія къ празднику были вовсе не шуточныя: тысячи шкаликовъ, плошекъ и цвѣтныхъ фонарей были разставлены и развѣшаны по саду; напудренные лакеи въ богатыхъ ливреяхъ, оффиціанты въ щегольскихъ фракахъ и шелковыхъ чулкахъ, толпились въ передней и стояли по комнатамъ: все было на барскую стать; а что и того лучше, все было чисто, опрятно и хорошо. Тутъ я въ первый разъ понялъ, что одинъ и тотъ же

человѣкъ можетъ быть въ Москвѣ смѣшнымъ полубариномъ и настоящимъ вельможею у себя въ деревнѣ. Въ Москвѣ Кузьма Петровичъ встрѣчалъ на каждомъ шагу людей знатнѣй и богаче себя; а здѣсь онъ давилъ всѣхъ и своимъ генеральскимъ чиномъ и своей столичной роскошью; ему не нужно было *прикидываться знатнымъ*: онъ и безъ этого былъ цѣлой головою всѣхъ выше.

Однакожъ, не смотря на это выгодное положеніе, Кузьма Петровичъ не разсудилъ остаться тѣмъ, чѣмъ создалъ его Господь. Я ахнулъ отъ удивленія, когда минутъ черезъ пять онъ явился передо мною во всемъ своемъ аристократическомъ блескѣ. Какъ теперь гляжу на его свѣтлоголубой фракъ съ золотыми пуговицами и пестрый жилетъ изъ

дорогой Турецкой шали. Съ какою важностію сыпалъ онъ на свои кружевныя манжеты Французской табакъ, нюхая его безпрестанно изъ золотой табакерки, въ которой было по крайней мѣрѣ фунта два вѣсу. На одномъ изъ пальцевъ правой руки его блисталъ огромный солитеръ; на часовой, украшенной эмалью цѣпочкѣ, висѣлъ цѣлый пукъ дорогихъ печатей, перстней и разныхъ золотыхъ штучекъ. Онъ выступалъ мѣрными шагами, закидывалъ назадъ голову, отдувалъ губы и какая—то надменная, но въ то же время благосклонная улыбка, поминутно являлась на устахъ его; однимъ словомъ, онъ показался мнѣ чрезвычайно смѣшнымъ: слѣдовательно былъ прекрасенъ для своего уѣзднаго общества. Простой не много возмешь у провинціа-

ловъ (*); нѣтъ! имъ давай такого знатнаго, чтобъ онъ былъ *важенъ въ сорокъ пудъ!*

Сурьезный взглядъ, надменный нравъ—

вотъ это вельможа! А то, въ самомъ дѣлѣ, что за знатный человѣкъ, который и ходитъ, и говоритъ, и смотритъ, какъ всѣ прочіе люди!

(*) Однакожъ не теперь. Въ наше время и въ провинціи уже увѣрились, что истинный вельможа всегда привѣтливъ, ласковъ и простъ въ обращеніи. Благодаря успѣхамъ просвѣщенія, нынче каждый Русской баринъ знаетъ, что если гордая лошадь прекрасна, то за то гордый человѣкъ и смѣшонъ и жалокъ. При семъ случаѣ я нужнымъ полагаю однажды навсегда попросить моихъ читателей перенестись за полвѣка назадъ. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ мы такъ подвинулись впередъ, что теперь списанный съ натуры недоросль фонъ Визина кажется намъ каррикатурою.

Черезъ полчаса весь домъ Кукушкиныхъ наполнился гостьми: Кузьма Петровичъ встрѣчалъ ихъ въ столовой. Дамы, поздравивъ его съ имянинами, проходили въ диванную къ Марьѣ Ивановнѣ; а мущины оставалися въ первой гостиной, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ приготовленъ былъ сытный завтракъ. Не смотря на часто повторяемыя приглашенія Кузьмы Петровича закусить « чѣмъ Богъ послалъ» гости церемонились; наконецъ одинъ молодой помѣщикъ, побойчѣе другихъ, налилъ себѣ рюмку мадеры и отрѣзалъ кусокъ пирога. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ: въ одну минуту завтракъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ. Изъ двухъ бутылокъ мадеры одна осталась неприкосновенною; но за то съ полдюжины графиновъ настойки и золотой *гданской* водки изсушились въ одно мгновеніе ока.

При семъ случаѣ особенно отличили себя чиновники уѣзднаго и земскаго судовъ. Проворство и ловкость, съ которыми они истребляли завтракъ, истинно заслуживаетъ удивленіе. Я не успѣлъ еще допить одной рюмки бѣлаго вина и съѣсть кусочикъ сыру, а мой сосѣдъ, толстый капитанъ-исправникъ, проглотилъ ужъ двѣ селедки и какъ грецкая губка втянулъ въ себя полграфина ерофеича. Въ числѣ гостей было нѣсколько дворянъ весьма порядочныхъ; но за то были и такіе, что не приведи Господи! Вотъ этакъ за часъ до обѣда, двери диванной отворились настежъ, и Марья Ивановна съ толпою барынь вошла къ намъ въ гостиную. Надобно сказать правду: она умѣла лучше своего мужа представлять ролю знатной барыни. Сначала все шло очень хорошо; Марья Ивановна подходила ко всѣмъ

поочереди: однимъ говорила привѣтствія, другихъ разспрашивала о семействѣ; но подъ конецъ трое помѣщиковъ совершенно сбили ее съ толку своими отвѣтами. Эти господа стояли рядомъ. Первый, лысый старичекъ съ небольшимъ двухъ аршинъ росту, худой, измозженный, запуганный, однимъ словомъ, настоящій Простаковъ фонъ-Визина; второй, мущина лѣтъ сорока, видный, дородный, неопрятно одѣтый, плохо выбртый, съ красными отъ перепоя глазами и огромнымъ богровымъ носомъ; третій, также баринъ лѣтъ пожилыхъ, съ простодушнымъ и даже добрымъ лицемъ, но съ такими бездушными глазами, что съ перваго взгляда они казались оловянными.

— « Что это, Яковъ Петровичъ, »—сказала Марья Ивановна первому изъ этихъ трехъ гостей,—« отъ чего это ва-

ша Ольга Филипповна сегодня къ намъ не пожаловала?»

— «Не очень здорова, ваше превосходительство.»

— «Что съ нею сдѣлалось?»

—« Да такъ-съ! Вчера поразстроилась, сердилась очень. Сама виновата, матушка, ваше превосходительство: завела кружевницъ, а съ ними только безпокойство, да досада; уроковъ не выплетаютъ, она гнѣвается, колотитъ ихъ по щекамъ, а что проку? Лишь только всякой разъ ручки отобьетъ! Ужъ я говорилъ, говорилъ: «эхъ, матушка! да послушайся! заведи ты пожалуйста деревянныя лопатки...»

Марья Ивановна закрыла лице платкомъ и оборнулась ко второму гостю: «Ну что, Лаврентій Пахомычь,»—сказала она,—«погода у насъ стоитъ прекрасная; вы вѣрно ею пользуетесь?»

— «Какъ же, сударыня! У меня сѣнокосъ давно конченъ; о жнитвѣ поговариваю.»

— «Я не о томъ хотѣла васъ спросить. Ну что, гуляете вы?»

— «Плохо, матушка, ваше превосходительство! Какое гулянье! Правда, третьяго дня были мы съ братомъ Степаномъ у сосѣда нашего Егора Андреевича Фурсикова, кой что выпили—вотъ этакъ бутылочки по двѣ на брата досталось—а настоящей гульбы не было.»

Марья Ивановна, видя, что ее не понимаютъ, обратилась къ третьему гостю и спросила его съ улыбкою: «Ну что, Парменъ Ѳедорычъ, здорова ли ваша Аграфена Минишна?»

— «Слава Богу, сударыня!»

— «Вѣрно занимается садомъ?»

— «Какъ же-съ.»

— « И все гуляетъ по прежнему?»

— « Эхъ матушка, ваше превосходительство! вѣдь это говорятъ напрасно.»

— « Какъ напрасно?»

— « Видитъ Богъ, напрасно! Отъ злыхъ людей не уйдешь. Ну право, матушка Марья Ивановна, и въ старину-то ничего не было, а теперь ей подъ сорокъ—помилуйте!»

— « Да чтожъ тутъ дурнаго?»

— « Какъ что дурнаго? Позвольте, ваше превосходительство? Да я-то на что? Да еслибъ она смѣла! Да я бы ей и руки и ноги переломалъ! Нѣтъ; матушка, вышла замужъ, такъ живи честно!» ———

Бѣдная Марья Ивановна совершенно смутилась и кончила свой обходъ, чтобъ не попасть въ пущую бѣду.

Обѣдъ былъ великолѣпный: шампанское лилось рѣкою во всѣ мужскіе желудки; конфекты сыпались во всѣ дамскіе ридикюли; музыка гремѣла; крестьяне, которымъ выкатили цѣлую бочку пива, гуляли на барскомъ дворѣ; пьяные кучера пѣли пѣсни и дрались на конюшнѣ: словомъ, все было въ порядкѣ. Разумѣется, во весь этотъ суматошный день мнѣ не удалось ни разу остаться одному съ Софьей Николаевной. Вотъ наступилъ вечеръ и огромное зарево разлилось по всей окрестности: обширный садъ Кузьмы Петровича, вплоть до самой Клязьмы, усыпался огнями, деревья унизались разноцвѣтными фонариками, въ одной куртинѣ раздались плѣнительные звуки роговой музыки; на рѣкѣ въ нарядной шлюпкѣ гаркнулъ хоръ удалыхъ пѣсельниковъ, и въ то же время на противополож-

номъ берегу загремѣли хороводныя пѣсни. Всѣ гости разбрелись по саду. Я встрѣтилъ Софью Николоевну съ пріятельницей ея Хопровой и двумя другими дѣвицами въ одной широкой сосновой аллеѣ, которая, начинаясь отъ средины сада, тянулась до самаго берега Клязьмы.

— « Какъ эта сосновая аллея »—сказала Софья Николаевна—»напоминаетъ мнѣ одно мѣсто на Крестовскомъ острову.»

— « А вы часто на немъ бывали? »— спросилъ я.

— « Нѣтъ, я была на немъ только два раза; но этѣ обѣ прогулки для меня очень памятны. Въ первый разъ я познокомилась тамъ съ Любовью, которая только что вышла изъ института; а во второй потеряла мой ридикюль.»

— « Ридикюль »—повторилъ я, и мысль

о находкѣ, которая такъ дорого мнѣ стоила, какъ молнія сверкнула у меня въ головѣ.—«Вы вѣрно потеряли его,» проговорилъ я робкимъ голосомъ, «гуляя по сосновой рощѣ, или катаясь съ горъ?...»

— «Нѣтъ! Мы поѣхали на Крестовской островъ въ шлюпкѣ; я положила ридикюль подлѣ себя на лавочкѣ, и видно какъ нибудь нечаянно столкнула его въ воду.

Въ воду!... Ай, ай!... Худо, очень худо!...

— «Правда, въ немъ почти ничего не было.»—прибавила Софья Николаевна.— «одинъ платокъ.»

— «И больше ничего!»—спросилъ я, заикаясь.

— «Кажется ничего.... Ахъ, что я

говорю! Въ немъ былъ хрустальный флакончикъ съ спиртомъ.»

Хрустальный флакончикъ!... Ну!!! у меня сердце такъ и замерло!

— « Да, помнится....» — продолжала Софья Николаевна.—«Да, да!... Точно! Тетушкина черепаховая бомбоньерка съ мятными лепешечками. Ужъ досталось мнѣ за нее!»

— « А записочка-то!»—подумалъ я;— « о ней ты не говоришь ни слова! Такъ вотъ эта скромная дѣвушка, которая до сихъ поръ никого не любила, никого не предпочитала! А ей пишутъ любовныя записки, говорятъ: «ты», называютъ «милымъ другомъ.» О, женщины, женщины!»

Въ эту самую минуту крестьянская дѣвочка подошла къ Софьѣ Николаевнѣ и подала ей перегнутый на двое кло-

чекъ бумаги. Лишь только Софья Николаевна взглянула на эту записку, то вдругъ измѣнилась въ лицѣ. «Что это?» подумалъ я. «Отъ кого эта записка? И почему она такъ тревожитъ Софью Николаевну? Тутъ что нибудь да есть!»

— « А, Сонюшка! ты здѣсь?»—раздался подлѣ насъ голосъ Кукушкина.

Софья Николаевна вздрогнула и второпяхъ бросила въ кусты записку, которую держала въ рукѣ.

— « А я тебя искалъ по всему саду,»— продолжалъ Кузьму Петровичь, взявъ подъ руку свою племянницу.—«Сей-часъ зажгутъ фейервекъ—пойдемъ! Mes dames! прошу покорно за мною!»

— « Ахъ, дядюшка! вы знаете,—я боюсь смотрѣть на эти фейерверки.!

— « Полно, мой другъ! шалишь!»— перервалъ Кузьма Петровичь, и не слу-

шая ничего, потащилъ насильно за собою Софью Николаену. Я остался одинъ. Въ двухъ шагахъ отъ меня бѣлѣлась подъ кустомъ брошенная бумажка. Пользоваться неосторожностію другихъ, читать потихоньку чужія письма—не хорошо, даже очень дурно, кто этого не знаетъ? Но прельщенье было такъ сильно, что я не утерпѣлъ, поднялъ записку и прочелъ слѣдующее:

« Я здѣсь! мой милый другъ! Черезъ «полчаса я буду тебя дожидаться въ дубо«вой рощѣ подлѣ Швейцарской хижины.

—« Что жъ это такое? Неужели и это любовная записка?... Какъ! въ тотъ самый день, когда она почти призналась мнѣ въ любви своей.... Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Но, кажется, рука мнѣ знакома?,.. Да. Не помню, гдѣ и когда. но только я точно видѣлъ этотъ почеркъ...Боже мой!.Не ошибаюсь ли я?...

Я бросился, какъ безумный вонъ изъ сада, прибѣжалъ къ себѣ въ комнату, спросилъ огня и досталъ изъ моего чемодана ридикюль, по милости котораго я чуть было не утонулъ въ Невѣ. Вотъ этотъ хрустальный флакончикъ, эта бомбоньерка, этотъ платокъ; на немъ вышиты буквы S. и L. Такъ точно: Софья Ладогина!... А! вотъ, наконецъ и эта, до половины смытая водою записка.... Боже мой! И такъ я не ошибся: одна и та же рука!... Нѣтъ! такое предательство, такое гнусное кокетство превосходитъ всякое вѣроятіе.... Она любитъ этого незнакомца... она.... Да! она его любовница! Теперь я всему вѣрю! Но для чего же и за что, Боже мой! обманывать и дурачить меня? За что? Глупецъ! Да развѣ ты не видишь; что ей нуженъ кто-нибудь, чтобъ отстранить всякое подозрѣніе. Когда всѣ будутъ думать, что

она къ тебѣ неравнодушна, то кому придетъ въ голову, что ея Петербургскій любовникъ здѣсь, что она имѣетъ съ нимъ свиданія по ночамъ въ лѣсу.... О, это уже слишкомъ!.... Вся кровь кипѣла въ моихъ жилахъ! Обманутая любовь, оскорбленное самолюбіе, ревность, досада, всѣ эти адскія чувства, какъ ядовитыя змѣи, зашипѣли въ груди моей и впились въ мое сердце. «Въ дубовой рощѣ,» шепталъ я, стиснувъ зубы, «подлѣ Швейцарской хижины!»—Это самая уединенная и глухая часть сада... Тѣмъ лучше!... Нѣтъ, почтенная Софья Николавна! я помѣшаю вашему свиданію! Съ вами мнѣ дѣлать нечего: вы женщина; но если вашъ любовникъ не подлецъ, то онъ ужъ вѣрно, по крайней мѣрѣ, здѣсь не назначитъ вамъ другаго свиданія!»

Я осмотрѣлъ мои дорожные пистолеты, зарядилъ ихъ и, положивъ къ сто-

ронѣ, отправился въ садъ. Въ дубовой рощѣ не было ниодного шкалика и я не встрѣтилъ никого: всѣ гости собрались вокругъ террасы, чтобъ смотрѣть фейервекъ. Дойдя почти ощупью до небольшаго луга, на которомъ выстроена была Швейцарская хижина, я спрятался за густой рябиновый кустъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышался шорохъ и закутанный въ широкій плащъ мущина вышелъ на поляну. На ней было свѣтлѣе, чѣмъ въ рощѣ, но я не могъ никакъ разсмотрѣть его въ лице. Прошло еще нѣсколько минутъ и снова раздался шорохъ: между деревьевъ мелькнуло бѣлое платье.... Это она!... «Ты здѣсь, Александръ?» раздался тихой голосъ О! я узналъ бы его изъ тысячи голосовъ! Да! это былъ ея голосъ! Незнакомый сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и Софья Николаевна съ радост-

нымъ крикомъ бросилась ему на шею. Не могу описать вамъ, что происходило со мною въ эту минуту: сердце мое не билось, кровь застыла въ жилахъ; я ухватился за сучья куста, чтобъ не упасть на землю. Я видѣлъ, какъ этотъ незнакомый прижималъ ее къ груди своей, я слышалъ его ласковый голосъ; но сначала чувства мои были въ такомъ одеревенѣніи, что я не могъ разобрать ни одного слова, и всѣ ихъ рѣчи сливались для меня въ какой-то невнятый шопотъ. Вотъ наконецъ я сталъ по немногу слышать и понимать то, что они говорили межъ собою

— « Ахъ, Александръ! какая неосторожность »—шептала Софья Николаевна.—« Что если узнаютъ.... »

— « Что жъ дѣлать, мой другъ! » — перервалъ незнакомый.—« Я рѣшился на

все.... Меня увѣдомили....»—Тутъ онъ такъ понизилъ голосъ! что я не могъ ничего разобрать.

—«И ты этому повѣрилъ, Александръ?»—сказала довольно громко Софья Николаевна.—«Да развѣ есть на свѣтѣ мущина, который могъ бы быть для тебя опасенъ?»

—«Но это мучительное состоянiе должно когда нибудь кончиться!»-вскричалъ незнакомый.—«Мнѣ жизнь становится несносною!»

—«Да что жъ дѣлать, мой другъ?»

—«Что дѣлать? Рѣшиться на все.»

—«Какъ! ты хочешь?....»

—«Да! мы должны убѣжать; другаго средства я не вижу.»

Вдругъ раздался громкiй трескъ и сотни ракетъ взлетѣли на воздухъ.

—«Ахъ, Боже мой!»—вскричала Софья

Николаевна—«фейерверкъ начался! Меня начнутъ искать по всему саду; быть можетъ, придутъ сюда.... Послушай, Александръ! Подожди здѣсь: я черезъ полчаса опять сюда приду.»

—«Софья Николаевна!»—раздался въ близкомъ разстояніи громкій голосъ.

—«Я здѣсь!»—вскричала она, бросившись на встрѣчу къ слугѣ, который искалъ ее по рощѣ.

Незнакомый и я остались одни. Въ душѣ моей происходила ужасная борьба; я чуствовалъ, что не имѣю никакой причины досадовать на этого незнакомца: Софья Николаевна любила его тогда еще, когда я не имѣлъ о ней никакого понятія. Виноватъ ли онъ, что эта бездушная женщина хотѣла, для своей забавы, вскружить мнѣ голову, и потому, что она женщина, потому что я не могу,

или не хочу, сказать ей въ глаза, что она гнусная, презрѣнная кокетка, онъ долженъ стрѣлятся со мною?... Какая несправедливость!... Несправедливость!.. Да почему я знаю, что они оба не смѣются надо мною?... Почему я знаю, что этотъ незнакомецъ не совѣтовалъ Софьѣ Николаевнѣ кокетничать со мною для того, чтобъ вѣрнѣе обмануть и тетушку и дядюшку, которыхъ и безъ того обмануть вовсе не трудно.... И я буду терпѣть это?... И я позволю себя дурачить?... Нѣтъ, нѣтъ!... Ни за что на свѣтѣ!...

Лишь только я хотѣлъ выдти изъ-за куста, вдругъ, вмѣстѣ съ оглушающимъ взрывомъ, тысячи ослѣпительныхъ звѣздъ взлетѣли на воздухъ, разсыпались по небу, и яркій, дневной свѣтъ озарилъ всѣ предметы. Въ это самое мгновеніе незнакомый повернулся ко

мнѣ лицемъ.... Праведный Боже!... это онъ, это Красноярской, тотъ самый морской офицеръ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ спасъ меня отъ неизбѣжной смерти!.... И я хотѣлъ.... Боже мой, Боже мой!

— «Это ты, Софья?» — спросилъ Красноярской, подходя къ рябиновому кусту, за которымъ раздался шелестъ моихъ шаговъ. «Кто здѣсь?» вскричалъ онъ; но я ужъ былъ далеко. Проходя мимо того мѣста, гдѣ горѣлъ фейерверкъ, я увидѣлъ въ толпѣ крестьянъ моего Никанора Федотыча. «Ступай за мною!» шепнулъ я.

— «Эхъ, батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ!» — сказалъ онъ. — «Позвольте! Сей часъ станутъ бураки пускать.»

— «Мы ѣдемъ! Ступай, укладывайся.

— « Какъ такъ?» — проговорилъ Никаноръ, остолбенѣвъ отъ удивленія.

— « Идешь ли ты!»

— « Слушаю, сударь.»

Войдя въ мою комнату, я повторилъ это приказаніе Никанору, а самъ схватилъ листъ бумаги, и вотъ что написалъ Софьѣ Николаевнѣ:

«Я возвращаю потерянный вами ри-
«дикюль. Вы найдете въ немъ все, даже
«любовную записку отъ этого господи-
«на, который такъ нечаянно обрадо-
«валъ васъ своимъ пріѣздомъ. Я видѣлъ
«и слышалъ все; однакожъ будьте спо-
«койны: я не помѣшаю вамъ убѣжать
«съ Красноярскимъ. Скажите ему, что
«я тотъ самый Завольскій, котораго онъ
«нынѣшней весною спасъ отъ смерти.
«Теперь мы, кажется, поквитались. Про-
«щайте, Софья Николаевна! Въ здѣш-

«немъ мірѣ мы никогда ужъ съ вами «не встрѣтимся.»

Я положилъ эту записку въ ридикюль. «Никаноръ!» сказалъ я, «возьми, заверни, да попроси кого нибудь повѣрнѣе, чтобъ онъ завтра поутру отдалъ это Софьѣ Николаевнѣ.»

— «Слушаю, сударь.»

— «Мы сей часъ отправляемся.»

— «Сей часъ! Такъ надобно привезти вашу коляску: она въ кузницѣ.»

— «Тѣмъ лучше! Отнеси туда чемоданъ и найми лошадей. Завтра поутру мы должны быть въ Москвѣ.»

— «Слушаю, сударь.»

Я началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ, а Никаноръ сталъ укладываться. «Что, сударь,» сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, «мы скоро вернемся назадъ?»

— « Никогда. »

— « Никогда? Помилуйте! да какъ это можно. »

— « А по чему же не льзя, болванъ? »

— « Какъ почему? Вѣдь вы изволите жениться на Софьѣ Николаевнѣ. »

— « Съ чего ты это взялъ? »

— « Помилуйте, сударь! Да вся дворня на васъ любуется; всѣ говорятъ, что вы женихъ и невѣста. Вотъ вчера еще, при мнѣ, мамушка Федосья говорила Матренѣ ключницѣ: «Эхъ, дѣвка! Ма-«ленько у насъ Голландскаго-то полотна, «не достанетъ на навлоки! А надо ско-«ро за работу приниматься. Дай Госпо-«ди всякаго счастія» примолвила она, «матушкѣ нашей барышнѣ—ангелъ не-бесный! » А Матрена-то искривила рожу, да мнѣ изъ подтишка и подмигиваетъ. Ну, вотъ изволите видѣть! »

— « Я вижу только, что онѣ такъ же врутъ, какъ и ты. Когда пріѣдемъ въ Москву, тотчасъ ступай за подорожной и нанимай лошадей.»

— «Какъ, Владиміръ Сергѣевичь. Такъ вы и въ Москвѣ-то не хотите пожить?»

— « Нѣтъ!»

— « Да куда же мы поѣдемъ?»

— « Все равно! Лишь только бы скорѣй изъ Москвы.»

— « Равно да не одно, сударь. Вѣдь подорожной-то не дадутъ на всѣ четыре стороны.»

— « Ну возьми подорожную до Кіева.»

— « Слушаю, сударь!»

— « Мы тамъ пробудемъ нѣсколько дней и отправимся за границу.»

— « Ужъ не опять ли къ Нѣмцамъ?»

— « Нѣтъ! Мы поѣдемъ въ Андалузію.»

— « Куда-съ?»

— « Въ Андалузію.»

— « А что это за земля такая? Гдѣ она, сударь?»

— « Въ Испаніи.»

— « Вотъ тебѣ разъ! Ахъ ты Господи! Да что вамъ далась эта Гишпанія?»

— « Молчи, дуракъ!»

— « Слушаю, сударь.»

Никаноръ сталъ затягивать ремни чемодана и ворчалъ про себя: «Эка невидаль — Гишпанія!...Чай хуже Нѣметчины. Вотъ не было печали, да черти накачали!»

— « Что ты тамъ бормочишь?» закричалъ я.

— « Ничего, сударь....Воля ваша.»

— « Да чтожъ ты ворочаешься? Укладывайся проворнѣй! »

— « Сей часъ, сударь! А что, Владиміръ Сергѣевичъ »—прибавилъ Никаноръ, почесывая въ головѣ,—«въ этой Гишпаніи Христа знаютъ, или нѣтъ?»

— « Полно врать, дуракъ! Бери чемоданъ и ступай.»

— « Чай порядкомъ и лба-то перекрестить не умѣютъ, проклятые басурманы!»—сказалъ Никаноръ, выходя изъ комнаты.

Часа черезъ два мы скакали уже по Московской дорогѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

М. П. Загоскина.

Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше,
Но вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

Крыловъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Мясницкой улицѣ.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 12-го дня 1859 года.

Цензоръ Н. *Гиляровъ-Платоновъ.*

Напечатано съ изданія 1839 года, безъ перемѣнъ.

XXI.

Подлинно правду говоритъ Русская пословица: «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.» Давно ли я пировалъ вмѣстѣ съ вами на имянинахъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Кукушкина! Съ тѣхъ поръ вы успѣли только, вмѣсто перваго тома, взять въ руки второй, а межъ тѣмъ прошло уже около девятнадцати мѣсяцевъ, и я живу теперь въ Альмеріи, въ

этомъ небольшомъ, но прелестномъ городкѣ Южной Испаніи. Да, любезные читатели, чрезъ шесть недѣль будетъ ровно годъ, какъ вашъ бѣдный, обманутый мечтатель, ускакалъ изъ подмосковной Кузьмы Петровича Кукушкина. Вы вѣрно думаете, что я прожилъ все это время въ Андалузіи? что подъ ея благодатными небесами жизнь моя текла спокойно и счастливо? Ахъ, нѣтъ! Я не скоро добрался до этой хваленой Альмеріи; со мною было много тревогъ и много горя. Если позволите, я разскажу вамъ все по порядку.

Я намѣренъ былъ сначала отправиться въ Испанію сухимъ путемъ; но когда пріѣхалъ въ Москву, то вдругъ овладѣло мною непреодолимое желаніе ѣхать моремъ. «Быть можетъ,» думалъ я, «опасности и тревоги морскаго путешествія будутъ лучшимъ лекарствомъ

для моего растерзаннаго сердца. Двѣ, три бури, и эта постылая любовь къ недостойной женщинѣ, любовь, которая и теперь еще наполняетъ мою душу, пройдетъ, исчезнетъ, какъ минутное безуміе; сильныя потрясенія почти всегда возвращаютъ разсудокъ сумасшедшимъ. Но если буря не кончится одной тревогою? Если намъ встрѣтится подводный камень? Такъ чтожъ? Тѣмъ лучше: всему конецъ. Грустно разставаться съ жизнію тому, кто счастливъ, кого любятъ; а вѣдь обо мнѣ и поплакать-то будетъ некому!

Я поскакалъ въ Петербургъ, пробылъ тамъ одни сутки и отправился въ Кронштатъ. Мнѣ не удалось даже повидаться съ Бурминымъ: фрегатъ, на которомъ онъ служилъ, вышелъ въ море. Въ Кронштатѣ я познакомился съ капитаномъ Англійскаго военнаго шлю-

па, который отправлялся обратно въ свое отечество. Этотъ морякъ полюбилъ меня, вѣроятно за то, что я говорилъ съ нимъ по Англійски, и точно такъ же, какъ онъ, никогда не улыбался. Господинъ Томсонъ (такъ называли капитана Англійскаго шлюпа) взялся довезти меня до Портсмута. «Если вы, мистеръ Завольскій,» говорилъ онъ, «не захотите побывать въ Лондонѣ, чему однакожъ я не вѣрю, то можете прямо изъ Портсмута отправиться въ Лиссабонъ, или даже въ одинъ изъ Испанскихъ портовъ Средиземнаго моря; впрочемъ я не сомнѣваюсь, что когда вы взглянете на берега нашей древней Англіи, то ужъ вѣрно захотите посмотрѣть эту столицу всей Европы, этотъ Лондонъ, въ которомъ вы будете на каждомъ шагу дивиться чудесамъ просвѣщенія и благоговѣть передъ колоссаль-

нымъ могуществомъ свободной Британіи.»

Я не хотѣлъ спорить съ господиномъ Томсономъ, но думалъ про себя, что всѣ эти столицы *всей Европы*, которыхъ, вѣроятно, начтется порядочное число, не стоятъ моей скромной, неизвѣстной, но счастливой Альмеріи: она не велика; ее можно выстроить на ладони — это правда; да за то въ ней круглый годъ точно также свѣтло, тепло и привольно, какъ сумрачно, холодно и тѣсно въ какомъ нибудь закопченномъ Лондонѣ, или грязномъ Парижѣ.

Вотъ мы вышли изъ Кронштатскаго порта и пролетѣли на всѣхъ парусахъ мимо угрюмыхъ береговъ Русской Финляндіи. Сначала я чувствовалъ себя довольно хорошо, но это продолжалось не долго; во второй день нашего путе-

шествія подулъ сильный вѣтеръ, взрылъ гладкую поверхность моря, шлюпъ запрыгалъ по волнамъ и къ вечеру меня совершенно укачало. Я слегъ въ постелю и не вставалъ съ нее до самаго пріѣзда въ Портсмутъ. Кто не испыталъ на самомъ себѣ этой морской болѣзни, тотъ не можетъ вообразить, до какой степени она мучительна. Она совершенно убиваетъ въ больномъ не только тѣлесныя, но и душевныя силы: все становится для него несноснымъ; сначала мучительная боль, потомъ неизъяснимоя тоска, а тамъ какое-то безчувственное одеревенѣніе, которое превращается подъ конецъ въ совершенное равнодушіе и даже отвращеніе къ самой жизни. Мой вѣрный слуга, Никаноръ Ѳедотычь, былъ въ отчаяніи. На всемъ шлюпѣ я одинъ только говорилъ по Русски; но я не могъ его успокоить,

потому что подъ конецъ пересталъ даже отвѣчать на его безпрерывные вопросы: «Что, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, полегче ли вамъ?» Не смотря на увѣреніе господина Томсона, что болѣзнь моя вовсе неопасна, я и самъ начиналъ уже сомнѣваться въ моемъ выздоровленіи. «Ахъ ты Господи Боже мой!» говорилъ Никаноръ, смотря на меня и обливаясь горькими слезами. «Эхъ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ! Не сидѣлось вамъ дома! Вотъ тебѣ и поѣхали моремъ!... А эти басурманы-то, разбойники, имъ какое дѣло, что вы умрете безъ покаянія. Этакіе звѣри, подумаешь!... Вотъ хоть этотъ матросъ съ красной рожей, что убираетъ вашу комнату: я ему сталъ толковать, что вы умираете, а онъ смѣется! «Что ты зубы-то скалишь, проклятый!» закричалъ я. «Развѣ баринъ у меня собака? Да и

собака умираетъ, такъ жаль; пострѣлъ этакой! Чтобъ тебѣ самому издохнуть, нехристь поганая!» А онъ пуще смѣется! Ну нечего сказать — народецъ!... Не даромъ же ихъ командиръ строгъ; а ужъ строгъ, Владимiръ Сергѣевичь! Каждый день жаритъ, жаритъ ихъ плетьми!... Ахъ ты Господи!... А послушаешь этихъ всякихъ мусьёвъ, что изъ чужихъ краевъ прiѣзжаютъ къ намъ наживаться, такъ у насъ только на Руси служивыхъ наказываютъ за вину палками, а у нихъ все гладятъ по головкѣ! Да по дѣломъ этимъ буянамъ! Еслибъ ихъ каждый день не пороли, такъ съ ними и ладу бы вовсе не было» (*).

(*) Чтобъ имѣть понятiе, съ какою строгостiю, или, лучше сказать, жестокостiю обращаются въ Англiи съ матросами и вообще нижними морскими

Какъ странна эта морская болѣзнь! Я казался умирающимъ, никакія лекарства не приносили мнѣ облегченія, и лишь только, по прибытіи нашемъ въ Портсмутъ, вышелъ на берегъ, то сталъ, не постепенно, а вдругъ совершенно здоровымъ. Разумѣется, этотъ внезапный переходъ отъ болѣзненнаго состоянія къ здоровью очень меня обрадовалъ, а когда мы радуемся, то бываемъ ко всему отмѣнно снисходительны: все порядочное кажется намъ хорошимъ,

---

чинами, должно прочесть сочиненіе нашего современнаго писателя, капитана Marriat'а. Баронъ Д'Осе (d'Haussez) говоря о дисциплинѣ сухопутнаго войска Великобританіи, разсказываетъ, что въ Англіи: сто, двѣсти, и даже триста ударовъ кнутомъ, есть самое обыкновенное наказаніе солдату за вину, которая достаточно была бы наказана мѣсячнымъ или двухъ-мѣсячнымъ арестомъ (La Grande-Bretagne en mil huit cent trente trois, par M-r le Baron d'Haussez Bruxelles. tom. I, pag. 134.)

хорошее превосходнымъ, а дурнаго мы даже и замѣчать не хотимъ. Портсмутъ городъ весьма обыкновенный, а мнѣ онъ показался великолѣпнѣе Петербурга. Улицы, дома, площади и даже туманно-сѣрыя небеса его, все меня восхищало, потому что я дышалъ свободно и чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Эта морская болѣзнь такъ меня напугала, что я рѣшился продолжать мое путешествіе сухимъ путемъ, то есть заѣхать на нѣсколько дней въ Лондонъ, потомъ отправиться общей дорогою всѣхъ путешественниковъ въ Дувръ, изъ Дувра переѣхать моремъ въ Калѣ, пожить недѣли двѣ въ Парижѣ, а тамъ черезъ Южную Францію и Пиринейскія горы добраться потихоньку до Испаніи.

На другой день моего прибытія въ Портсмутъ, я послалъ трактирнаго слу-

гу за почтовыми лошадьми, а самъ пошелъ вмѣстѣ съ Никаноромъ въ таможню за моимъ чемоданомъ, который для осмотра былъ туда отосланъ прямо съ корабля. Надобно сказать правду, трудно найдти грубѣе и непріятнѣе Англійскихъ таможенныхъ смотрителей. Чтобъ какъ нибудь скорѣе съ ними развязаться, я далъ имъ гинею, за которую впрочемъ не сказали мнѣ даже и спасибо. Это бы еще не бѣда; но вотъ что показалось мнѣ рѣшительно нестерпимымъ: въ моей дорожной шкатулкѣ, между прочихъ вещей, былъ серебряный чайный приборъ; небольшой, но такой уютный и такъ хорошо сдѣланный, что всѣ имъ любовались. Представьте себѣ мое удивленіе: мнѣ возвратили его въ кускахъ! «Чтожъ это значитъ?» вскричалъ я. «Зачѣмъ вы изломали мой чайный приборъ?»

— « Такъ должно, »—проговорилъ нехотя толстый начальникъ таможни, не обращая на меня никакого вниманія.

— « По нашимъ законамъ всѣ серебряныя вещи иностраннаго издѣлія запрещенный товаръ, » — сказалъ другой чиновникъ таможни:—«а какъ въ тоже время ввозъ собственно металла не запрещенъ, такъ мы конфисковали только фасонъ вашего чайнаго прибора, а серебро отдаемъ вамъ обратно»(*).

Разумѣется, послѣ этого говорить было нечего: я успокоился: но мой Никаноръ Федотычь не скоро уходился. « Ну сударь! » сказалъ онъ, когда мы вышли изъ таможни, «каковъ народецъ? Чтожъ это такое? Да это дневной грабежъ! »

(*) Не знаю теперь, а лѣтъ двадцать пять тому назадъ, этотъ законъ строго наблюдался во всѣхъ Англійскихъ таможняхъ.

— « Дѣлать нечего, братецъ; такой законъ.»

— « Помилуйте, сударь, какой это законъ! Гдѣ видано ломать чужое серебро?»

— « Да развѣ, Никаноръ, ты не слыхалъ Русской пословицы: «что городъ, то норовъ....»

— « Конечно, сударь, такъ! Да только вотъ что: когда они сами-то ѣздятъ по другимъ землямъ, ломаютъ ли у нихъ серебряные чайники и молочники? »

— « Кажется нѣтъ. »

— « Ну вотъ изволите видѣть! Такъ за чтожъ они-то другихъ обижаютъ? »

— « Да развѣ ты, Никаноръ, не знаешь, что у себя въ дому всякой господинъ и воленъ дѣлать, что хочетъ. »

— « Какъ не знать, сударь. »

— « Такъ о чемъ же и толковать. »

— « А что, Владiмиръ Сергѣевичь! » — сказалъ Никаноръ, помолчавъ нѣсколько времени, — « вы помните какъ мы еще жили при покойномъ вашемъ батюшкѣ въ Закамской его вотчинѣ, селѣ Турухтановѣ? »

— « Какъ не помнить. »

— « Вѣдь вы изволите знать, что это село было разнопомѣстное? »

— « Ну да, знаю. »

— « Вотъ, сударь, лѣтъ двадцать тому назадъ прiѣхалъ жить въ Турухтаново новый баринъ, не такъ чтобы очень богатый, а ужъ такой буянъ и обидчикъ, что не приведи Господи! На выгонѣ чуть только чужая скотина перейдетъ на его сторону, тотчасъ и загонитъ: плати ему за потраву, за по-

топку, за то, за сё.... Ему начнутъ говорить: « Помилуйте, ботюшка! ну какъ усмотрѣть, — дѣло сосѣдское, земля черезполосная! » А онъ себѣ оретъ свое: « я–дискать господинъ на своей землѣ, и что хочу, то и дѣлаю. »—« Этакъ-то?» сказалъ покойный вашъ батюшка, дай Богъ ему царство небесное! « Такъ постой же!...» Онъ загонитъ курицу, а у него барана; онъ корову, а у него лошадь! Чтожъ, сударь? Покуражился, покуражился, да дѣлать нечего: присмирѣлъ, полно буянить! »

— « Прошу покорно! »—подумалъ я про себя. — « Ай-да Никаноръ Федотычъ! какіе онъ изволитъ отпускать аллегоріи! »

Я засталъ у себя на квартирѣ господина Томсона, который пришелъ со мною проститься. Онъ совѣтовалъ мнѣ взъѣхать въ ту самую гостинницу, въ

которой жилъ одинъ изъ его сослуживцевъ. « Джонъ Шмитъ искренній мой пріятель, » сказалъ Томсонъ; « и когда вы отдадите ему это рекомендательное письмо, то онъ совершенно будетъ въ вашемъ распоряженіи. Вы еще не знаете, что такое Лондонъ. Въ немъ пріѣзжему человѣку безъ товарища и путеводителя,—бѣда! Это не городъ, а цѣлый міръ! » Я поблагодарилъ Томсона, простился съ нимъ и сѣлъ вмѣстѣ съ Никаноромъ въ почтовую коляску, въ которой, надобно сказать правду, можно бы было безъ стыда показаться на любомъ Московскомъ или Петербургскомъ гуляньѣ.

Мнѣ должно вамъ сказать, любезные читатели, что въ Портсмутѣ я рѣшился вести ежедневныя записки моего путешествія по Европѣ. Я кончилъ ихъ въ Гранадѣ. Быть можетъ, я ошибаюсь,

но мнѣ кажется, что для васъ будетъ пріятнѣе пробѣжать мимоходомъ отрывистыя записки молодаго человѣка, чѣмъ слушать безконечные разсказы старика, который живетъ одними воспоминаніями: слѣдовательно бываетъ всегда многорѣчивъ, когда разсказываетъ о приключеніяхъ своей молодости. Вотъ этѣ записки, не всѣ — большая часть изъ нихъ растеряна во время моего путешествія по Испаніи; но такъ какъ это не разсказъ, который требуетъ нѣкоторой полноты и цѣлости, а просто отдѣльныя замѣчанія и отрывки; то я надѣюсь, что эта потеря будетъ вовсе для васъ не замѣтна.

Журналъ Русскаго Путешественника.

Лондонъ.

....Весело ѣздить въ Англіи на почтовыхъ; берутъ дорого—это правда, но за то васъ везутъ отлично хорошо. Большая дорога гладка и ровна какъ скатерть, виды очаровательные; готическіе замки Англійскихъ лордовъ, прелестныя дачи, бархатные луга—все веселитъ взоры путешественниковъ. Напрасно только говорятъ, что въ Англіи нѣтъ нищихъ; конечно ихъ не менѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи; разница только въ томъ, что наши нищіе просятъ, а Англійске требуютъ. На каждой станціи, когда я сажусь въ коляску, цѣлая толпа оборванныхъ бродяхъ приступаетъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ.—«Прошу мнѣ дать на водку,» шепчетъ

одинъ. — «Вы чихнули, а я вамъ сказалъ: здравствуй!» — «Дайте мнѣ крону,» говоритъ другой: «я отпиралъ и запиралъ дверцы вашей коляски.» — «Пожалуйте мнѣ шилингъ!» кричитъ третій: «я снялъ у васъ съ плеча соломенку!» И что всего досаднѣе, имъ дашь, а они и шляпы не приподымутъ. Лондонъ сдѣлалъ на меня большое впечатлѣніе, но только не совсѣмъ пріятное. Это необычайное многолюдство, это безчисленное множество кирпичныхъ домовъ, какъ двѣ капли воды другъ на друга похожихъ, невольнымъ образомъ пугаютъ воображеніе путешественника; ему кажется, что онъ пропадетъ безвѣсти, вовсе изчезнетъ посреди этого необъятнаго людскаго муравейника. Правду сказалъ Томсонъ, что Лондонъ не городъ, а цѣлый міръ; но только міръ самый пасмурный, самый единообраз-

ный, и не смотря на свое многолюдство, едва ли не самый скучный изъ всѣхъ міровъ нашей солнечной системы. Безконечныя улицы, закопченые кирпичные дома, площади правильныя, но дурно обстроенныя, и цѣлыя облака угольнаго дыму, который, какъ густой туманъ, лежитъ на черныхъ кровляхъ: все это вмѣстѣ придаетъ городу видъ отмѣнно мрачный. Чтобъ добраться до трактира, который мнѣ рекомендовалъ господинъ Томсонъ, я долженъ быть ѣхать почти всѣмъ городомъ. На одной изъ площадей, по большому стеченію народа, коляскѣ моей нельзя было проѣхать; мы остановились. Посреди многолюдной толпы на деревянныхъ подмосткахъ стоялъ какой-то ораторъ; онъ говорилъ съ большимъ жаромъ, размахивалъ руками какъ сумасшедшій и билъ себя въ грудь кулакомъ; отъ вре-

мени до времени народъ принимался кричать съ такимъ отвратительнымъ визгомъ, что я заткнулъ себѣ уши. Ко мнѣ безпрестанно заглядывали въ коляску звѣрскія пьяныя рожи и растрепанныя безобразныя твари, которыхъ по одному только платью можно было назвать женщинами. Чрезъ полчаса народъ сталъ расходиться и я, наконецъ, доѣхалъ до моей квартиры.

....Я очень доволенъ моими комнатами: красивая и спокойная мебель; полы обиты коврами, прекрасныя зеркала, мраморный каминъ, нигдѣ ни пылинки, все чисто, свѣжо и опрятно. Я плачу за нихъ рублей тридцать въ сутки — это дорого, но въ Лондонѣ дешевы одни только деньги. Вчера я не успѣлъ познакомиться съ господиномъ Шмитомъ;

сего дня поутру я отнесъ къ нему письмо пріятеля моего Томсона. Этотъ Шмитъ очень добрый и любезный малой; мы живемъ съ нимъ въ одномъ корридорѣ и вѣроятно будемъ часто видѣться. Я спросилъ его между прочимъ, что значитъ это сходбище, которое мнѣ удалось вчера видѣть на площади.

— « Это одно изъ частныхъ народныхъ совѣщаній, » — сказалъ Шмитъ. — « Они называются у насъ: Mêting. »

— « Да о чемъ же говорятъ въ этихъ совѣщаніяхъ? »

— « По большой части о реформѣ, объ искорененіи разныхъ злоупотребленій. »

— « Вотъ что! Такъ они толкуютъ о важныхъ предметахъ? »

— « Да, по своему. »

— « Какъ же это мнѣ показалось, что не только ораторъ, но и большая часть

слушателей были не въ трезвомъ видѣ?»

— «Разумѣется, вѣдь порядочные люди никогда не бываютъ на этихъ сходбищахъ.»

— «Такъ какая же можетъ быть польза отъ этихъ совѣщаній?»

— «Никакой. Но это одно изъ священныхъ правъ свободнаго Англійскаго народа.»

— «И эти совѣщанія всегда оканчиваются спокойно?»

— «Почти всегда. Изрѣдка случаются небольшіе безпорядки, а особливо въ Манчестерѣ: тамъ эти совѣщанія бываютъ довольно шумны. Человѣкъ пять, шесть изувѣчатъ, перебьютъ нѣсколько стеколъ; но объ этихъ мелочахъ и журналисты не пишутъ.»

Господинъ Шмитъ хотѣлъ было идти вмѣстѣ со мною въ церковь святаго

Павла, но его захватили гости. Я надѣлъ фракъ, повѣсилъ въ петличку мой орденъ и сей-часъ отправляюсь одинъ осматривать этотъ великолѣпный храмъ, который, по своей огромности, считается первымъ послѣ Римскаго Петра и Павла.

Худо не знать обычаевъ города, въ которомъ живешь. Я воротился домой, не видавъ церкви святаго Павла. Вотъ какъ это случилось. Я шелъ .весьма спокойно по тротуару и хотя замѣчалъ, что почти всѣ проходящіе заглядывали мнѣ въ лице и косились, но я не обращалъ на это большаго вниманія; наконецъ необычайный шумъ заставилъ меня оглянуться: толпа оборванныхъ мальчишекъ бѣжала въ слѣдъ за мною; многіе изъ нихъ указывали на меня

пальцами и кричали: French dog! french dog! Я не могъ понять, что это значило. Къ счастію, одинъ Англичанинъ сжалился надо мною. « Снимите вашъ орденъ, » сказалъ онъ мнѣ.

— « Для чего? » — спросилъ я.

— « А для того, чтобъ васъ не закидали грязью. »

— « Грязью? Помилуйте! за что? »

— « За то, что вы хотите отличаться отъ другихъ. Въ Лондонскихъ улицахъ всѣ должны казаться равными. »

Я снялъ мой крестъ, но негодные мальчики не хотѣли отъ меня отстать и заставили по неволѣ воротиться домой.

Лондонъ.

Мнѣ хотѣлось прожить въ Лондонѣ съ полмѣсяца; но едва ли проживу и

недѣлю. Я очень понимаю, что человѣкъ, который ѣдетъ въ Англію для того, чтобъ видѣть своими глазами, до какой высокой степени можетъ достигнуть народная промышленность, найдетъ безпрерывную пищу для своего любопытства; для него мало и полжизни, чтобъ пересмотрѣть всѣ фабрики, заведенія и надивиться до сыта этимъ чудесамъ ремесленной механики, по милости которой Англія безпрестанно умножаетъ свои производящія силы и поддерживаетъ всемірную свою торговлю. Но я совсѣмъ не для этого оставилъ мое отечество: я искалъ свѣтлыхъ небесъ, тихой, спокойной жизни, простодушныхъ нравовъ и гостепріимнаго уголка, куда еще не достигало это Европейское просвѣщеніе, съ его лицемѣрною любовью ко всему человѣчеству, условными фразами, ложной чувствительностію, дѣй-

ствительнымъ эгоизмомъ, холоднымъ безвѣріемъ и этими новыми идеями, въ которыхъ выворочены на изнанку всѣ прежнія понятія и даже слова, для того только, чтобъ онѣ не казались старыми. Напримѣръ, здѣшняя вольность — ее, безъ всякаго сомнѣнія, назвали бы въ старину своевольствомъ. — Презрѣніе свое ко всѣмъ иностранцамъ, Англичане величаютъ благородной гордостію; а было время, что эту смѣшную спѣсь называли варварствомъ. Нельзя себѣ представить, до какой степени эта *благородная гордость* наполняетъ душу каждаго Англичанина; самый послѣдній ремесленникъ, нищій, считаетъ себя важнѣе всякаго иностранца, и при первомъ удобномъ случаѣ старается ему объ этомъ напомнить. Я сдѣлалъ довольно странное замѣчаніе: мнѣ здѣсь каждый день становится скучнѣе, а мой Ника-

норъ примѣтнымъ образомъ начинаетъ мириться съ Англичанами и даже иногда ихъ похваливаетъ. Отъ чего такая перемѣна?

Лондонъ.

Сегодня послѣ обѣда мой Никаноръ Федотычь вошелъ ко мнѣ съ подбитымъ глазомъ.

—« Что это у тебя правый глазъ? »— вскричалъ я.

— « Такъ-съ, ничего; не извольте безпокоиться: »

— « Да ты, мнѣ кажется, пьянъ? »

— « Есть немного, Владиміръ Сергѣевичъ! Воля ваша, не могъ отговориться. »

— « Да гдѣ ты былъ? »

— « Вонъ тамъ, сударь, на площади, въ харчевнѣ. Я пошелъ туда пообѣдать; гляжу, народу много. Въ одномъ углу стоитъ порожній столикъ; я сѣлъ, стукнулъ ножемъ и мнѣ тотчасъ подали каравай хлѣба, часть говядины, да кружку пива. Вотъ я сижу себѣ, да ѣмъ; вдругъ откуда ни возмись какой-то приземистой и толстой мусью, въ синемъ сюртукѣ, сталъ противъ меня, да и ну зубы скалить, да говорить: « Френчъ-догъ, Френчъ-догъ!» Что такое? подумалъ я. Ужъ не хозяинъ ли это? Видно спрашиваетъ, хорошъ ли столъ? Я кивнулъ ему головою и говорю: «славная, хозяинъ, говядина славная!» А онъ такъ и умираетъ со смѣху. Вотъ подсѣлъ ко мнѣ матросъ и началъ говорить со мной по русски—плохо, а разобрать можно. Онъ, изволите видѣть, долго жилъ въ Петербургѣ. «Послушай, камрадъ,» мол-

вилъ я, «что этотъ красноржій-то все ухмыляется, да говоритъ мнѣ: френчъ-догъ? Что это по нашему?»—«Да не хорошо,» сказалъ мотросъ. «Онъ называетъ тебя французской собакой·»—« Какъ такъ? за что? Ахъ онъ толстой чортъ! Скажи-ка братъ ему, чтобъ онъ отвалилвалъ а не то вѣдь я какъ разъ зубы пересчитаю.» Матросъ пробормоталъ что-то по своему; гляжу, этотъ буянъ сюртукъ долой, да и ну рукава засучивать. «Э, братъ! такъ ты хочешь развѣдаться по нашему! Изволь, я не прочь!» И я долой мою куртку. Вотъ всѣ сбѣжались и стали около насъ кружкомъ. Мы вышли другъ противъ друга; толстякъ наклонилъ колову словно быкъ, началъ вертѣть кулаками, дѣлать разныя штуки да вдругъ какъ свиснитъ меня подъ салазки.... Хорошо! Я хотѣлъ обезпокоить его по становой жилѣ, да нѣтъ—уверт-

ливъ! Я разъ, я два-все мимо: а онъ щолкъ да щолкъ! Ахъ, чортъ возьми, досадно! постой же, проклятый басурманъ! Вотъ вижу, что онъ нарахтится съѣздить меня по рожѣ: я какъ будто оплошалъ, а онъ размахался, размахался, да какъ хлысть! Я въ сторону, да на отмашь-то его царапъ подъ самое дыханье! Онъ и захлебнулся, глаза посоловѣли, руки опустились, а стоитъ! А я думаю про себя: «врешь, Нѣмецъ, упадешь!» Такъ и есть; покачался, покачался, да и грохъ о-земь. Вотъ тутъ, Владимiръ Сергѣевичъ я немного струхнулъ. Ну какъ изъ него душа вонъ? Вѣдь уголовщина: возьмутъ тебя на съѣзжую..., Какая съѣзжая! У нихъ объ этомъ и слуху нѣтъ! Гляжу, всѣ меня обступили, начали жать руку, посадили за столъ, да ну-ка подчивать пивомъ, виномъ.... А вино-то, Владимиръ Сергѣевичъ, лучше нашего: та-

кое забористое! Я пью, а они кричатъ по своему: ура! стучатъ ногами; шумъ, гамъ,... Ну, нечего сказать, честно поступили! Эхъ, сударь, жаль, что они по нашему-то не разумѣютъ; а вѣдь что не говори—бравой народъ!»

Теперь я понимаю, отъ чего Никаноръ Федотычь сталъ похваливать Англичанъ. Ихъ простой народъ любитъ подраться въ кулачки, уважаетъ тѣлесную силу, не боится съѣзжей и пьетъ джинъ, который ничѣмъ не хуже нашего пѣннаго вина.

....Я сей-часъ ложусь въ постелю; голова у меня проломлена, а лице такъ обезображено, что я не похожу на самого себя; и все это потому, что живу въ землѣ свободной, подъ защитою премудрыхъ законовъ. Вотъ какъ это случи-

лось. Я обѣдалъ сего-дня у одного изъ чиновниковъ Русскаго посольства. Возвращаясь домой въ наемной каретѣ, я былъ остановленъ, недалеко отъ Парламента, цѣлой толпою народа; въ одну минуту человѣкъ десять пьяныхъ Англичанъ окружили мою карету; одни осыпали меня проклятіями и ругательствами, другіе крича во все горло: hear, hear! дразнили языкомъ. Мой кучеръ ударилъ по лошадямъ, толпа разступилась, я думалъ, что этимъ отдѣлался; не тутъ-то было! Въ меня начали кидать грязью. Я поднялъ стекла и, вмѣсто грязи, каменный градъ посыпался на мою карету; куски стеколъ полетѣли мнѣ прямо въ лице, и одинъ камень попалъ въ голову. Пріѣхавъ на квартиру, я тотчасъ послалъ за докторомъ. Чрезъ полчаса явился ко мнѣ мой сосѣдъ, господинъ Шмитъ.

— « Я пришелъ васъ утѣшить,» — сказалъ онъ. — «Мнѣ извѣстно теперь все. Успокойтесь! Народъ изувѣчилъ васъ ошибкою.«

— « Вотъ забавно! Да развѣ мнѣ отъ этого легче?»

— « Васъ приняли за одного парламентскаго члена, котораго партія *радикальныхъ* терпѣть не можетъ.»

— « Вѣроятно за то, что онъ мыслитъ съ ними различно?»

— « Разумѣется.»

— « Такъ какой же вы хвалитесь свободою, когда у васъ и представители народа не имѣютъ свободы ни говорить, ни дѣйствовать по своей волѣ?»

— « Съ чего вы это взяли?

— « Да какъ же? Вѣдь они должны выбирать одно изъ двухъ: или кривить

душею для того, чтобъ во всемъ угождать вашей Лондонской черни; или говорить только то, что имъ внушаетъ совѣсть и ожидать всякой день, что имъ распроломаютъ головы? Прекрасная свобода! Парламентскій членъ лице неприкосновенное для Правительства; а какой нибудь лоскутникъ-журналистъ имѣетъ право осыпать его ругательствами, а какіе нибудь пьяные поденьщики и фабричные могутъ его бить, сколько ихъ душѣ угодно.»

— «Почемужъ вы это думаете?

— «Потому, что читаю Англійскіе журналы, и узналъ теперь на опытѣ, что вашъ народъ имѣетъ право кидать грязью и каменьями въ того, кто ему не нравится.»

— «Вы ошибаетесь. Кидать грязью онъ можетъ: по крайней мѣрѣ Правительство не обращаетъ на это никако-

го вниманія, да и стоитъ ли эта бездѣлка того, чтобъ стѣснять для нее права свободнаго народа? Но кидать каменьями у насъ запрещено.»

— «По этому, если бы я зналъ, кто проломилъ мнѣ голову, то могъ бы на него пожаловаться?»

— «Конечно могли бы.»

— «И онъ былъ бы наказанъ?»

— «Безъ всякаго сомнѣнія; разумѣется, еслибъ вы доказали, что онъ точно хотѣлъ бросить въ васъ камнемъ, а не захватилъ его нечаянно вмѣстѣ съ грязью.»

— «И послѣ этого вы смѣете хвалиться вашими законами?»

— «Да чтожъ въ нихъ страннаго? Они даютъ только возможность обвиненному оправдаться; впрочемъ ни у кого не отнята свобода; въ васъ кидаютъ грязью, кидайте сами.»

— « Да, конечно, это большое утѣшеніе. »

— « Я согласенъ съ вами, » — прибавилъ Шмитъ, помолчавъ нѣсколько времени, — « излишняя свобода нашего народа имѣетъ свою невыгодную сторону; но еслибъ вы знали, какимъ добромъ выкупается это ничтожное зло.... »

— « Можетъ быть, для васъ господа Англичане, » — перервалъ я съ досадою; — « но ужъ конечно не для тѣхъ, которые пріѣзжаютъ любоваться вашимъ закопченымъ Лондономъ. »

— « Вы сердитесь, мистеръ Завольской, » — сказалъ съ улыбкою Шмитъ. — « Въ вашемъ положеніи это извинительно. Но вотъ пріѣхалъ докторъ; я не хочу мѣшать вамъ. Прощайте! »

....

.......Мнѣ пустили кровь.... я чувствую,

что мнѣ становится все хуже и хуже....

Лондонъ.

Сего-дня въ первый разъ, послѣ тяжкой трехъ-мѣсячной болѣзни, я принялся снова за перо. Я былъ отчаянно боленъ. Не смотря на то, что мнѣ пустили кровь, у меня сдѣлалось сначала воспаленіе въ мозгу, потомъ изнурительная нервная горячка, а наконецъ такая слабость, что я нѣсколько недѣль сряду былъ каждый день на волосокъ отъ смерти. Теперь, слава Богу! я начинаю оправляться; но врядъ ли прежде мѣсяца мнѣ можно будетъ вырваться изъ Лондона! Господинъ Шмитъ навѣщаетъ меня каждый день; ко мнѣ такъ же часто заходитъ хозяинъ гостинницы, добрый и ласковый

старикъ, но такой фанатикъ-патріотъ, что съ нимъ нѣтъ никакой возможности говорить объ Англичанахъ, которые, по его мнѣнію, изъ всѣхъ народовъ Европы одни только и созданы по образу и подобію Божію. Во время тяжкой моей болѣзни Никаноръ Федотычъ не покидалъ меня ни на минуту и не былъ ни разу пьянъ; но за то ужъ послѣ дней пять сряду праздновалъ мое выздоровленіе. «Ахъ ты, Господи!» говорилъ онъ очень часто, «какой я дурачина-то, подумаешь! Вѣдь я, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, по глупости моей, завидовалъ здѣшней волѣ. То-то, думалъ я, разгульное житье! Никто ни кому и въ усъ не дуетъ! Анъ вотъ тебѣ и воля! За что они, разбойники, чуть-чуть не убили васъ до смерти? Нѣтъ, сударь, толкуй, что хочешь, а нашему брату жить безъ грозы

нельзя. Да вотъ хоть я — вы изволите знать, я парень бодрый, а бывало въ Питерѣ, на Гутуевомъ острову или въ Катерингофѣ, лишь только выпьешь лишнюю чарку, то и пошелъ бы всѣхъ Нѣмцевъ лущить; а за что? и самъ не знаешь. Да какъ вспомнишь, что тебя возьмутъ на съѣзжую, посадятъ въ сибирку, да частной-то на другой день съ тобою словечка два перемолвитъ, такъ небось никого пальцемъ не тронешь. То-то и есть! Вѣдь простой народъ безъ управы, что дикой звѣрь въ лѣсу. И добро бы ужъ я не зналъ, до чего это разгульное житье доводитъ; а то не разъ случалось видѣть: иной зарится, зарится на эту волю, а тамъ, глядишь, и запоетъ пѣсенку:

«Ахъ ты воля моя, волюшка,
«Ты сгубила добра молодца!»

Я часто, слушая простыя рѣчи моего Никанора, думаю: «завидуемъ мы Французской веселости, уважаемъ Нѣмецкую аккуратность, удивляемся Англійскому глубокомыслію; но про свой *Русской толкъ* и добраго слова не хотимъ сказать, а, право, онъ стоитъ того, чтобъ о немъ говорили.»

Сего-дня поутру вошелъ ко мнѣ хозяинъ гостинницы съ такимъ грустнымъ лицемъ, что я испугался. «Что съ вами сдѣлалось?» спросилъ я.

— « Ахъ, мистеръ Завольской!» вскричалъ трактирщикъ. — « попросите вашего пріятеля Шмита: онъ капитанъ фрегата, у него дядя адмиралъ, и если онъ только захочетъ, то можетъ спасти моего бѣднаго Жака.»

— « Да кто этотъ Жакъ? И что съ нимъ сдѣлалось?»

— « Это мой сынъ! единственный мой сынъ!... Проклятый пресъ! По милости его мой Жакъ теперь матросомъ!»

— « Я васъ не понимаю. По милости какого преса? Что это, рекрутской наборъ чтоль?»

— « Что вы, мистеръ Завольской! Англія свободное государство: у насъ нѣтъ рекрутскаго набора.»

— « А, вотъ что! Вы называете пресомъ вербовку? Вашего сына уговорили вступить въ морскую службу?»

— « Помилуйте! Да кто бы ему велѣлъ идти въ службу охотою? Онъ долженъ былъ черезъ мѣсяцъ жениться.»

— « Такъ видно у васъ это дѣлается по жеребью?»

— «Какай жеребій! Ужъ я вамъ сказалъ, что онъ попался въ пресъ.»

— «Да что это значитъ?»

— «Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, что такое пресъ?»

— «Нѣтъ, не знаю.»

Трактирщикъ посмотрѣлъ на меня съ примѣтнымъ состраданіемъ и, казалось, хотѣлъ сказать: какъ жалки эти иностранцы! они ни о чемъ не имѣютъ понятія! «Если вы не знаете, что такое пресъ,» продолжалъ онъ, «такъ слушайте. Когда вооружаютъ флотъ или эскадру, Король дозволяетъ всѣмъ начальникамъ военныхъ кораблей забирать силою нужное число людей для укомплектованія своихъ экипажей. Для этого посылаются вооруженныя команды по деревнямъ, трактирамъ, во всѣ публичныя мѣста; ночью въ расплохъ

пріѣзжаютъ эти команды на купеческіе корабли, хватаютъ всякаго, кто имъ приглянется, отвозятъ его на военный корабль и насильно заставляютъ служить матросомъ неопредѣленное число лѣтъ. Вотъ что называется у нас пресомъ.»

— «И вы это предпочитаете рекрутскому набору? Поздравляю!... Да не лучше ли въ тысячу разъ дѣлать правильную раскладку, наблюдать очередь, не брать одного сына отъ отца и матери, чѣмъ безъ всякаго разбора хватать насильно въ матросы людей, изъ которыхъ, вѣроятно, многіе или вовсе неспособны къ морской службѣ, или по образованію своему не могутъ и не должны служить простыми матросами? Ну, скажите сами, есть ли какой нибудь здравый смыслъ въ этомъ законѣ?»

— «Да кто вамъ говоритъ, что это

законъ? Мы никогда бы не допустили такого унизительнаго для нашей свободы закона; это только освященное временемъ злоупотребленіе силы, на которое мы смотримъ сквозь пальцы, потому что оно необходимо. Наши законы не могутъ стѣснять народной свободы; а поступая въ морскую службу, свободный Англичанинъ становится рабомъ, слѣдовательно онъ долженъ или добровольно отказаться отъ своихъ гражданскихъ правъ, или его надобно брать съ бою; и вотъ почему тотъ, кто попался въ прессъ, имѣетъ полное право до тѣхъ поръ, пока еще не привезенъ на свой корабль, и бѣжать и защищаться. Конечно и то и другое почти невозможно. Мой бѣдный Жакъ испыталъ это на себѣ: его схватили загородомъ въ трактирѣ. Сначала онъ сталъ защищаться — его прибили до

полусмерти; потомъ онъ хотѣлъ бѣжать— ему связали ноги; а теперь, когда ужъ онъ записанъ въ число матросовъ линейнаго корабля Нептуна, если онъ задумаетъ бѣжать, то его засѣкутъ плетьми, какъ дезертира; а если станетъ сопротивляться, такъ повѣсятъ какъ бунтовщика на большой мачтѣ.»

— «Все это прекрасно,»—сказалъ я;— «только мнѣ кажется, что ваша Англійская свобода бываетъ иногда не лучше Турецкаго деспотизма.»

— «Вы ошибаетесь, мистеръ Завольской. Но дѣло не о томъ: уговорите господина Шмита похлопотать въ адмиралтействѣ за моего сына. . . . Бѣдный Жакъ!... Онъ такъ любилъ свою невѣсту!... Повѣрите ли, мистеръ Завольской, когда я подумаю только, что моего Жака, который учился въ Оксфордскомъ университетѣ, будутъ за каждую без-

дѣлку бить линьками и сѣчь кошкою (*); то у меня сердце такъ кровью и обливается!»

Говоря это, бѣдный старикъ плакалъ какъ ребенокъ.

Жаль мнѣ моего хозяина, а нельзя никакъ пособить его горю: господинъ Шмитъ увѣдомилъ меня, что вчера вечеромъ стопушечный корабль Нептунъ отправился въ Калькуту. Бѣдный Жакъ! Не скоро же онъ обвѣнчается съ своей невѣстою!—Сего-дня я чувствую себя несравненно лучше и, можетъ быть, послѣ завтра.... Ахъ, дай-то Господи!

(*) Такъ называютъ Англичане плеть о семи концахъ, которою наказываютъ матросовъ, служащихъ на королевскомъ флотѣ.

Лондонъ.

Чрезъ полчаса я сажусъ въ дилижансъ, который отвезетъ меня въ Лувръ. Слава Богу! наконецъ я разстаюсь и, надѣюсь, навсегда съ туманными небесами, дымнымъ воздухомъ и неизъяснимой скукою этой обширной паровой машины, которую мы называемъ Англіею. Пусть чванится она своей колоссальной торговлею, своими флотами, чугунными дорогами и нѣсколькими миліонами *лошадиныхъ силъ*, посредствомъ которыхъ она варитъ лучшее пиво, прядетъ лучшую бумагу и выдѣлываетъ лучшее сукно въ цѣломъ мірѣ; передъ ней ея натяжное богатство, за которымъ таится ужасная нищета; пускай себѣ думаетъ она, что располагаетъ участію всей Европы, что при имени ея

трепещутъ всѣ народы; потому что это говорятъ ей члены парламента для того чтобъ въ нихъ не бросали грязью, а журналисты для того, чтобъ ихъ журналы раскупались. Пусть гордые Британцы остаются въ этомъ пріятномъ заблужденіи; ихъ это утѣшаетъ, а насъ смѣшитъ, слѣдовательно всѣ въ выигрышѣ. Но я совѣтовалъ бы знатнымъ и богатымъ Англичанамъ, ради здраваго смысла, выбрать одно изъ двухъ; или говорить, что у нихъ рай земный и сидѣть дома, или дѣлатъ то, что они дѣлаютъ, то есть, почти всегда жить внѣ своего отечества; но за то ужъ не хвастаться и не увѣрять простодушныхъ зѣвакъ, которыхъ вездѣ много, а особливо на матушкѣ святой Руси, что порядочному человѣку можно жить въ одной только Англіи.

Я сей-часъ заходилъ къ господину Шмиту, чтобъ проститься и поблагодарить его за ласку. « Не забудьте, » сказалъ я, « напомнить обо мнѣ вашему прiятелю Томсону. »

— « Ахъ, бѣдный Томсонъ! » — вскричалъ Шмитъ. — « Вы ничего о немъ не слышали? »

— « Ничего. »

— « Представьте себѣ, онъ вышелъ въ отставку и сидитъ теперь въ тюрьмѣ. »

— « Въ тюрьмѣ? за что? »

— « За то, что женился. »

— « Ужъ не отъ живой ли жены? »

— « О, нѣтъ! Томсонъ никогда не былъ женатъ. »

— « Такъ, можетъ быть, съ нимъ обвѣчалась замужняя женщина, или онъ увезъ дѣвицу и женился на ней противъ воли ея отца и матери? »

— « Ни то, ни другое. Томсонъ женился на вдовѣ. Онъ по уши былъ въ нее влюбленъ; казалось, и она ему тѣмъ же отвѣчала; все было сдѣлано законнымъ порядкомъ: никто не протестовалъ противъ ихъ свадьбы; а не смотря на это, бѣднаго Томсона на другой день посадили въ тюрьму. »

— « Да за что же? »

— « А за то, что какой-то Виліамъ Клифоръ представилъ ко взысканію векселя, подписанные его женою. »

— « Да ему-то какое до этого дѣло? »

— « Пребольшое! По нашимъ законамъ мужъ отвѣчаетъ за всѣ долги своей жены. »

— « Даже и за тѣ, которые она сдѣлала до своего замужества. »

— Даже и за тѣ. »

— « Вотъ прекрасно! Такъ по этому

у васъ должно, для собственной безопасности, вызывать передъ сватьбою кредиторовъ будущей своей жены? »

— « Да, это было бы гораздо вѣрнѣе; но тогда никто не пойдетъ за васъ замужъ. »

— « Какой странный законъ! А великъ ли долгъ, по которому Томсонъ содержится въ тюрьмѣ? »

— « Кажется двѣ или три тысячи фунтовъ стерлинговъ. »

— « Бѣдняжка! Да гдѣ онъ? »

— « Въ Портсмутѣ. »

— « А его жена? »

— « Здѣсь въ Лондонѣ. Ее вчера видѣли въ Итальянской оперѣ съ этимъ Клифоромъ, который засадилъ въ тюрьму ея мужа. »

— « Фуй, какая мерзость! »

— « Да, это очень не хорошо .»

— « Но за что же бѣдный мужъ и обманутъ и сидитъ въ тюрьмѣ?... »

— « Чтожъ дѣлать! Всякой законъ имѣетъ свою невыгодную сторону. На примѣръ, что можетъ быть святѣе нашего закона о долгахъ, которые не обезпечены никакимъ письменнымъ актомъ; а межъ тѣмъ по милости этого же самаго закона ни вы, ни я не можемъ сказать утвердительно, что не будемъ ночевать сего-дня въ тюрьмѣ. »

— « Это какимъ образомъ? »

— « А вотъ какимъ. Представьте себѣ, что какой нибудь негодяй захочетъ васъ упрятать въ тюрьму: онъ явится въ судъ и объявитъ, что вы должны ему на слово извѣстную сумму денегъ; его приведутъ къ присягѣ, а васъ объ этомъ и спрашивать не станутъ; но просто потребуютъ, чтобъ вы сей часъ заплатили этотъ долгъ. Разумѣется, не

будучи должны, вы платить не захотите и васъ, безъ дальнихъ церемоній, посадятъ въ тюрьму.»

— «Ахъ, Боже мой! Да за что же? Если я не долженъ, то могу и самъ присягнуть.»

— «Васъ къ этому не допустятъ: присягать можетъ только проситель, а не отвѣтчикъ.»

— «Все это очень хорошо, только позвольте, господинъ Шмитъ, сказать вамъ на прощаньи всю правду. Что въ Англіи есть много прекраснаго, полезнаго и достойнаго уваженія, объ этомъ никто съ вами спорить не станетъ; но не смотря на это, едва ли можно назвать то государство благоустроеннымъ, въ которомъ порядочный человѣкъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности; гдѣ вамъ говорятъ безпрестанно о свободѣ и поминутно

сажаютъ въ тюрьму; гдѣ простой народъ величаетъ себя вольнымъ, потому что имѣетъ право ругать правительство, сходиться толковать о государственныхъ дѣлахъ, которыхъ не понимаетъ, бросать грязью въ своихъ правителей и называть всякаго иностранца французской собакою. Я не спорю, все это должно быть чрезвычайно пріятнымъ для народнаго самолюбія, потому что эта свобода врать вздоръ и буянить заставляетъ Англичанъ забывать даже, что ни одинъ народъ въ мірѣ не отягченъ такими налогами, что они платятъ за все, за все безъ исключенія; даже за солнечный свѣтъ и воздухъ, которымъ дышутъ.»

—«Это, вѣроятно, риторическая фигура, мистеръ Завольскій,» перервалъ съ досадою Шмитъ.

—«Вовсе нѣтъ. Развѣ вы не плати-

те подать съ каждаго окна? А мнѣ кажется, окна прорубаютъ въ домѣ для того, чтобъ пользоваться воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ.»

—«Да какое вамъ дѣло,»—вскричалъ Шмитъ.—«Много ли, мало ли мы платимъ, если, не смотря на эти подати, мы все-таки въ десять разъ богаче всякаго Европейскаго государства, не исключая и вашей безконечной Россіи?»

—«Полно такъ ли? Подать, которую вы называете *таксою бѣдныхъ*, составляетъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ налоговъ, которыми обременено ваше отечество. Въ Лондонѣ деньги нипочемъ, но за то въ Ирландіи они отмѣнно дороги. Вотъ почему у васъ полагается круглымъ числомъ съ небольшимъ по четыре фунта стерлинговъ на прокормле-

ніе одного человѣка (*). Англія расходуетъ ежегодно на своихъ бѣдныхъ слишкомъ *восемь миліоновъ* фунтовъ стерлинговъ (**), то есть, на всю эту необъятную сумму содержитъ *два миліона* неимущихъ. Въ трехъ соединенныхъ королествахъ Великобританіи считается около восьмнадцати миліоновъ жителей, слѣдовательно въ Англіи изъ *девяти* человѣкъ *одинъ* долженъ быть непремѣнно нищій. »

— « Да чтожъ это доказываетъ? » — перервалъ Шмитъ.

— « А то, что нигдѣ нѣтъ столько бѣдныхъ людей, какъ въ Англіи. »

— « Положимъ что такъ. Мы точно даемъ ежегодно на содержаніе бѣдныхъ

(*) Baron d'Haussez. Часть I, стран. 277.

(*) Двѣсти миліоновъ франковъ, или нынѣшнихъ рублей.

восемь миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и это то самое должно васъ заставить молчать. Если милостыня, подаваемая нами ежегодно нищимъ, такъ велика, что немного есть государствъ, которыхъ весь годовый доходъ могъ бы съ нею сравниться, такъ какъ же послѣ этого Англія не богатѣйшее государство во всей Европѣ?»

—«Я не знаю, господинъ Шмитъ,»— сказалъ я, —«какъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ политическая экономія; но, по моему, чѣмъ болѣе бѣдныхъ въ государствѣ, тѣмъ менѣе оно имѣетъ права называть себя богатымъ.»

—«А деньги?»—перервалъ съ насмѣшливой улыбкою Шмитъ. —«По вашему онѣ ничего не значатъ?»

—«Покрайней мѣрѣ гораздо менѣе, чѣмъ вы думаете.»

— « Право? Да развѣ мы не деньгами опредѣляемъ мѣру нашего богатства? Если, напримѣръ, у меня сто гиней ежегоднаго дохода, а у васъ только двадцать, такъ какъ же я не впятеро васъ богаче? »

— « Не всегда. »

— « Не всегда? то есть, по вашему, пять бываютъ иногда менѣе одного? Послушайте, мистеръ Зовольскій, я не смѣю думать, чтобъ вы не знали ариѳметики.... »

— « Знаю, господинъ Шмитъ, а все-таки не соглашусь съ вами. Если, напримѣръ, въ Лондонѣ вы почти умираете съ голоду съ вашими ста гинеями годоваго дохода, а я у себя съ моими двадцатью живу безъ всякой нужды, то, позвольте спросить, кто изъ насъ богаче? »

Шмитъ покраснѣлъ отъ досады и не отвѣчалъ ни слова. Мы разстались очень холодно; мнѣ послышались даже, когда я вышелъ изъ комнаты, слова: *Татаринъ*, *Сѣверный варваръ*, *Калмыкъ*; но я не обратилъ на это никакого вниманія: я такъ спѣшилъ уѣхать какъ можно скорѣе изъ этой просвѣщенной Англіи.

Кале.

Елибъ изъ Англіи можно было проѣхать сухимъ путемъ во Францію, то, можетъ быть, эта рѣзкая противоположность двухъ сосѣднихъ народовъ была бы не такъ поразительна. На сухомъ пути есть всегда какой-то постепенный переходъ отъ одной націи къ другой. Напримѣръ, если вы ѣдете изъ Франціи въ Испанію, то начинаете уже во Французскомъ городѣ Баіоннѣ имѣть нѣкото-

рое понятіе объ Испанскихъ обычаяхъ; или когда вы отправляетесь изъ Голландіи во Францію, то нечувствительно привыкаете къ Фрнцузскимъ нравамъ и образу жизни, проѣзжая чрезъ Бельгію; но переѣхавъ морской рукавъ, отдѣляющій Дуврь отъ Кале, вы попадаете вдругъ, безъ всякаго приготовленія, изъ одного міра въ другой. Языкъ, обращеніе, внутреннее устройство домовъ, нравы, обычаи, народный характеръ, все не походитъ на то, что вы покинули тому назадъ нѣсколько часовъ. Куда дѣвалась эта Англійская чистота и опрятность? Смрадные ручьи по улицамъ, грязныя лѣстницы, кирпичные полы, гадость, вонь и кухни, въ которыя не совѣтую вамъ заглядывать, если вы хотите покушать съ удовольствіемъ; но зато, вмѣсто угрюмыхъ рожъ, отрывистыхъ рѣчей и грубаго обращенія, вы

видите на каждомъ шагу веселыя лица, слышите безпрестанныя привѣтствія; съ вами говорятъ такъ вѣжливо, такъ ласково! Простой народъ только жалѣетъ, да и то про себя, что вы не имѣли счастія родиться Французомъ; но никто не называетъ васъ за это собакою! Напротивъ, васъ величаютъ разными почетными именами, и если вы Англичанинъ и хотя нѣсколько походите на порядочнаго человѣка, то васъ непремѣнно назовутъ милордомъ. Хозяинъ гостинницы, узнавъ, что я Русской путешественникъ, тотчасъ началъ меня величать графомъ. «Кто вамъ сказалъ, что я графъ?» спросилъ я наконецъ трактирщика.

— «Но если не ошибаюсь,» — сказалъ онъ съ вѣжливой уклонкою, — «я имѣю честь говорить съ Русскимъ дворяниномъ.»

— «Да, я Русской дворянинъ.»

— « Такъ какъ же я мугу васъ называть иначе? Въ Россіи всѣ дворяне графы—c'est connu.»

Я засмѣялся. Мой Никаноръ Федотычъ полюбопытствовалъ узнать причину моего смѣха. «Эхъ, сударь!» сказалъ онъ, «да что вамъ за дѣло? Пускай васъ называютъ графомъ; вѣдь это не что другое—не бранное слово. Вотъ и меня всѣ здѣсь величаютъ мусьёмъ, а мнѣ и горюшки мало; да пожалуй себѣ, хоть мадамой называй!»

Сей-часъ отправляюсь далѣе.

Парижъ.

Парижъ описывать не можно: его надобно видѣть. Пантеонъ, Лувръ, Тюльери, Палерояль, Тиволи, запачканные дома, пяти-этажныя лачуги, пре-

красныя гулянья, роскошные сады, грязь, мерзость, нечистота, все это такъ перемѣшалось въ моемъ воображенiи, что я не могу отдать самому себѣ отчета, нравится ли мнѣ Парижъ, или нѣтъ. Шумъ, многолюдство и безпрерывное движенiе до того меня развлекаютъ, что я до сихъ поръ хожу какъ будто-бы въ чаду. Представьте себѣ большую аллею Лѣтняго сада въ Духовъ день: точно также толпится народъ на бульварѣ — не по праздникамъ, а каждый день. Вотъ ужъ трое сутокъ какъ я живу въ Парижѣ, бѣгаю по улицамъ, смотрю на все, однимъ восхищаюсь, отъ другаго мнѣ становится тошно, на каждомъ шагу встрѣчаю предметы достойные моего вниманiя, и почти вездѣ зажимаю себѣ носъ.

Когда я служилъ еще въ Петербургѣ, мнѣ попалась однажды весьма любо-

пытная рукопись, составленная изъ писемъ, или лучше сказать, путевыхъ записокъ нашего знаменитаго Фонъ-Визина; онъ велъ ихъ во время путешествія своего по Европѣ. Его замѣчанія о Франціи показались мнѣ до того странными, что я переписалъ ихъ для себя. Я не смѣлъ подозрѣвать въ пристрастіи просвѣщеннаго Фонъ-Визина, а и того менѣе думать, что авторъ «Недоросля» и «Бригадира» станетъ изъ какого нибудь невѣжественнаго патріотизма унижать иностранцевъ, тогда какъ онъ такъ ясно видѣлъ и такъ вѣрно описывалъ закоснѣлое варварство и безграмотность нѣкоторыхъ Русскихъ дворянъ своего времени; но, признаюсь, я обвинялъ его въ излишней строгости и полагалъ, что болѣзнь или какія нибудь личныя непріятности были единственной причиною, что все казалось

ему въ дурномъ видѣ. « Можетъ ли быть,» думалъ я, « чтобъ Французы, этотъ щеголеватый народъ, который прославился своимъ вкусомъ, сыплетъ себѣ на голову душистую пудру, затопилъ всю Европу своими благовонными эссенціями и дѣлаетъ лучшую въ свѣтѣ жасминную помаду, былъ до такой степени равнодушенъ къ нечистотѣ и зловонію своихъ улицъ?» Вотъ что пишетъ объ этомъ авторъ Недоросля:

« Въ Парижѣ всѣ столько любятъ «забавы, сколько труды ненавидятъ; а «особливо черной работы народъ терпѣть не можетъ. За то нечистота въ «городѣ такая, которую людямъ, не во«все оскотинившимся, переносить весьма «трутно. Почти нигдѣ нельзя отворить «окошка лѣтомъ отъ зараженнаго воз«духа. Чтобъ имѣть все подъ руками и «ни за чѣмъ далеко не ходить, подъ

«всякимъ домомъ подѣланы лавки: въ «одной блистаетъ золото и наряды, а «подлѣ нее въ другой вывѣшена битая «скотина съ текущею кровью. Есть «улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ «стокахъ течетъ кровь, потому что не «отведено для бойни особливаго мѣста. «Такую же мерзость нашелъ я и въ «прочихъ Французскихъ городахъ, кото-«рые такъ всѣ единообразны, что кто «былъ въ одной улицѣ, тотъ былъ въ «цѣломъ городѣ; а кто былъ въ одномъ «городѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Па-«рижъ передъ прочими имѣетъ только то «преимущество, что наружность его не-«сказанно величественнѣе, а внутрен-«ность сквернѣе. Напрасно говорятъ, «что причиною нечистоты многолюд-«ство. Во Франціи множество малень-«кихъ деревень, но ни въ одну нельзя «въѣзжать не зажавъ носа. Совсѣмъ

«тѣмъ привычка отъ самаго младен«чества жить въ грязи по уши, дѣла«етъ, что обоняніе Французовъ ни мало «отъ того не страждетъ.»

Благодаря Бога, я здоровъ, желчь моя покойна; я не имѣю никакой причины досадоватъ на Французовъ и, кажется, вижу всѣ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ, а не смотря на это, долженъ признаться, что Фонъ-Визинъ говоритъ совершенную правду.

Что за чудный городъ Парижъ! Какая смѣсь красоты и безобразія, остроумія и невѣжества, доброты и звѣрства, наружной роскоши и совершенной нищеты, безумной любви ко всѣмъ житейскимъ наслажденіямъ и презрѣнія къ самой жизни, и все это такъ слито, такъ перемѣшано. Рядомъ съ

великолѣпными палероялЬскими лавками *Татарской лагерь* (Camp des Tartares), то есть, деревянные запачканные ряды (*), въ которыхъ продается, подлѣ бриліантовыхъ вещей и модныхъ шляпокъ, сырая говядина и сосиски. Краснорѣчивый, все знающій Французъ удивляетъ васъ природнымъ своимъ остроуміемъ, и тотъ же самый Французъ будетъ васъ увѣрять, что Китайцы исповѣдаютъ магометанскую религію. Я самъ видѣлъ, съ какимъ усердіемъ и примѣрной добротою рыбныя торговки (les poissardes) ухаживали за какимъ-то старикомъ, которому сдѣлалось дурно на улицѣ: онѣ внесли его на рукахъ въ ближайшую лавку, оттирали, нашли сей-часъ доктора; однимъ словомъ, забо-

(*) Прошу не забывать, что вы читаете не современныя записки.

тились о немъ, какъ истинно сострадательныя сестры милосердія, и эти же самыя *рыночныя барыни* (les dames de la Halle), во время Робеспіера, не отходили отъ эшафота, пили кровь несчастныхъ жертвъ революціи и ругались надъ ихъ обезображенными трупами. Вы видите двухъ франтовъ: одинъ изъ нихъ получаетъ тысячь двадцать пять или тридцать годоваго доходу; другой живетъ, вѣроятно, воздухомъ, да и то развѣ потому, что въ Парижѣ не такъ, какъ въ Лондонѣ, за солнечный свѣтъ и воздухъ ничего не платятъ. Съ перваго взгляда вы никакъ не замѣтите этого различія, потому что оба франта одѣты одинакимъ образомъ, на обоихъ фраки изъ тонкаго, дорогаго сукна; но только у богатаго фракъ нараспашку, а у бѣднаго онъ застегнутъ до самаго галстука. Бейтесь смѣло объ

закладъ, что подъ этимъ щегольскимъ фракомъ нѣтъ рубашки или по крайней мѣрѣ жилета. Еслибъ онъ сдѣлалъ себѣ платье изъ ровного сукна, то ему осталось бы и на бѣлье; но тогда онъ не могъ бы кричать, что вчера Италіянская опера шла прекрасно, что сего-дня отъ завтракалъ au Rocher de Cancale, что завтра обѣдаетъ у Тортони; а теперь ему стóитъ только застегнуться на всѣ пуговицы, и онъ идетъ рядомъ съ богачемъ, смотритъ на всѣхъ съ гордостію и можетъ лгать, сколько душѣ его угодно. Казаться не тѣмъ, что мы есть въ самомъ дѣлѣ, стараться всегда стать выше своего состоянія, вотъ общая страсть Французовъ средняго класса; но за то ужъ я нигдѣ и не видывалъ такого безобразного смѣшенія глупой роскоши съ отвратительной нищетою: измятыя газовыя шляпки на косматыхъ головахъ и

немытыхъ рожахъ, шали, сквозь которыхъ можно просѣявать горохъ, тюлевыя платья въ лохмотьяхъ и атласные башмаки, запачканные грязью, все это встрѣчается вамъ на каждомъ шагу. Въ самый разгулъ Французской революціи, въ эту кровавую эпоху, которую Французы такъ вѣрно называютъ *la terreur* (ужасъ), почти каждый день былъ ознаменованъ примѣрами необычайнаго самоотверженія, христіанской любви и совершеннаго презрѣнія къ жизни. Дочери и жены шли безтрепетно на явную смерть для того только, чтобъ раздѣлять во всемъ участь своихъ отцевъ и матерей; и едва окончилось это царство *ужаса*, тѣже самыя женщины сбросили съ себя траурныя платья, надѣли прозрачныя Греческія туники, учредили еженедѣльные балы въ память несчастныхъ жертвъ революціи

и пустились танцоватъ какъ бѣшеныя. Я говорю, *тѣжe самыя женщины*, потому что первое условіе для принятія въ члены этихъ танцовальныхъ обществъ состояло въ близкомъ родствѣ, по крайней мѣрѣ съ однимъ или съ одной изъ погибшихъ на эшафотѣ. Самое названіе этихъ баловъ, сближающее два слова, которыя не должны имѣть ничего общаго, могло только родиться въ головѣ Француза: ихъ называли: les bals des victimes «балы жертвъ». Балъ и жертва!... Прошу соединить въ одно эти два понятія!...

Я не былъ еще ни разу ни въ одномъ изъ Парижскихъ театровъ: ихъ такъ много, что я затруднялся въ выборѣ и не зналъ, съ котораго начать. Сего-дня однакожъ ѣду въ Одеонъ: тамъ даютъ въ первый разъ комедію « Ложный стыдъ » (La fausse honte). Билетъ

мнѣ прислалъ хозяинъ дома, въ которомъ я стою. Признаюсь, я восхищенъ Французской вѣжливостію: они такъ услужливы, такъ добры! Мнѣ скажутъ, что это одна только наружность; быть можетъ, но какое до этого дѣло? Они ласковы, пріятны въ обращеніи, а что у нихъ на сердцѣ, того я и знать не хочу. Сельмой часъ—пора въ театръ.

Я сей часъ изъ театра и, признаюсь, не очень доволенъ. Французы не всегда бываютъ вѣжливы. Мой хозяинъ прислалъ мнѣ белетъ въ балконъ; онъ увѣрялъ, что это лучшее мѣсто въ театрѣ и что я булу сидѣть очень спокойно. Не знаю, какимъ оброзомъ, только идя въ театръ, я потерялъ мой билетъ; я хотѣлъ взять другой, но всѣ мѣста были разобраны и продажа за-

перта. Оборванный мальчишка предложилъ мнѣ купить у него за двойную цѣну партерную контрамарку. Въ Петербургѣ и Москвѣ я не пошелъ бы ни за что въ партеръ: тамъ сидятъ Богъ знаетъ какіе люди; затолкаютъ тебя до смерти, оттопчутъ ноги, какой нибудь пьяный сядетъ тебѣ на колѣни, начнетъ придираться; правда его тотчасъ выведутъ, но межъ тѣмъ все это чрезвычайно непріятно. Въ Парижѣ совсѣмъ другое дѣло; я такъ много слышалъ хорошаго о здѣшнемъ партерѣ. У насъ обыкновенно первые ряды кресселъ рѣшаютъ судьбу піесы: но здѣсь это право предоставлено партеру, который славится своимъ вѣрнымъ вкусомъ: слѣдовательно онъ составленъ изъ людей просвѣщенныхъ, образованныхъ, а что можетъ быть вѣжливѣе просвѣщеннаго Француза? Я рѣшился— купилъ билетъ и отправился въ пар-

теръ. «Ай, ай!» подумалъ я, входя въ залу театра. «Тѣсненько! Чего другаго, а у насъ, по крайней мѣрѣ, въ партерѣ бываетъ просторнѣе.» Въ самомъ дѣлѣ, изъ головъ зрителей составленъ былъ такой плотный паркетъ, что по немъ можно было прохаживаться. Я замѣтилъ однакожъ одинъ уголокъ подлѣ бенуаровъ, гдѣ было нѣсколько просторнѣе. Вотъ я сталъ пробираться бочкомъ, просилъ, кланялся, извинялся и почти не двигался съ мѣста. Вдругъ какой-то косматый мущина, въ поношеномъ сюртукѣ, оттолкнулъ меня плечомъ и полѣзъ впередъ; я кинулся въ слѣдъ за нимъ. Не смотря на толчки и восклицанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень выразительны, я продрался наконецъ до благословеннаго уголка, куда стремились всѣ мои желанія, и прижался къ стѣнѣ промежду двухъ Фран-

цузовъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ шелковомъ кафтанѣ и напудренномъ парикѣ aux ailes de pigeon; а другой, остриженный a la Titus, въ гороховомъ сюртукѣ, съ петлицами и длинными висячимъ воротникомъ. Гороховый сюртукъ нахмурился, поглядѣлъ на меня изъ подлобья и уперся локтемъ въ мой правый бокъ. Шелковый кафтанъ поступилъ гораздо снисходительнѣе; и онъ сдѣлалъ такъ же гримасу, когда я втиснулся между имъ и его сосѣдомъ; но, по крайней мѣрѣ, поотодвинулся и отвѣчалъ на мое вѣжливое: « Pardon messicurs, si je vous dérange! » довольно ласковымъ голосомъ: «Pas du tout, monsieur, pas du tout!» (*) Мнѣ не трудно было отгадать, что случай привелъ ме-

(*) «Извините, господа, если я васъ обезпокоилъ.— «Ничего, сударь, ничего!»

ня стоятъ между представителей старой и новой Франціи. Нѣсколько минутъ *дитя революціи,* то есть гороховый сюртукъ, старался изо всѣхъ силъ выпрямить мои ребра; но я побѣдилъ его наконецъ моимъ терпѣніемъ: онъ пересталъ тѣснить меня локтемъ и, для перемѣны, воткнулъ свои кулаки въ спину какого-то толстаго господина, который стоялъ къ намъ задомъ. Не имѣя возможности обернуться, толстякъ лягнулъ его ногою. Началась перебранка, которая кончилась въ пользу горохового сюртука: толстый баринъ провалился и намъ стало просторнѣе.

—«Позвольте узнать,»—спросилъ я у шелковаго кафтана,—«что даютъ передъ новой піесою?»

—«Модный балъ» «комедію въ одномъ дѣйствіи.»

— « Что, она забавна? »

— « Очень! Да неужели вы ее видите въ первый разъ? »

— « Я недавно сюда пріѣхалъ. »

— « Право? такъ вы иностранецъ? »

— « Я Русской. »

— « Русской!... Не можетъ быть! »

— « Почему же вы это думаете? »

— « Вы такъ хорошо говорите по-французски. »

— « Eh, bah! » перервалъ гороховый сюртукъ; — « чему тутъ удивляться! Если мы такъ добры, что позволяемъ *этимъ* иностранцамъ пріѣзжать забавляться въ нашемъ Парижѣ такъ какъ имъ не знать по французски? Да и кто не знаетъ языка великой націи? »

— « Parbleu ! » примолвилъ стоящій подлѣ гороховаго сюртука маленькій

Французикъ, на журавлиныхъ ножкахъ, съ длинными напомаженными висками, которые висѣли у него до плечей, какъ уши болонской собачки.

— « Великой націи! великой націи!..» пробормоталъ сквозь зубы шелковый кафтанъ.—«Въ старину мы не называли себя великой націею; но, по крайней мѣрѣ, были вѣжливы съ иностранцами...»

— « То есть, валялись у нихъ въ ногахъ,»—перервалъ гороховый сюртукъ— Да! мы нынче этого не дѣлаемъ.»

Шелковый кафтанъ пожалъ плечами и продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

— « Удивительно, какъ вы чисто говорите нашимъ языкомъ; а сверхъ того и наружность ваша.... je vous fais mon compliment! Отъ всей души васъ поздравляю! По-чести, вы настоящій Французъ. Vous n'avez pas l'air d' un Russe,

mais du tout—du tout! Вы вовсе не походите на Русскаго.»

—«Хорошъ и этотъ!»—подумалъ я.—«Поздравляетъ Русскаго съ тѣмъ, что онъ не походитъ на Русскаго!»

—«Monsieur, est moscovite? Вы москвитянинъ?» Этотъ вопросъ сдѣлалъ мнѣ дородный и краснощекой мущина лѣтъ сорока; онъ стоялъ рядомъ съ шелковымъ кафтаномъ.

—«Да!»—отчалъ я.

—«Какъ я радъ! Въ маленькой комедіи, которую даютъ передъ новою піесою, выведенъ Русской офицеръ. Надѣюсь, вы не откажетесь перевести на Французской языкъ то, что онъ говоритъ?»

—«Съ большимъ удовольствіемъ!»

—«Вы въ первый разъ у насъ въ

Парижѣ!» — продолжалъ краснощекой господинъ.

—«Да, я никогда еще здѣсь не былъ.»

—«Никогда? Такъ я вамъ завидую! Сколько наслажденій у васъ впереди!... Парижъ!...» Да это, сударь, такой городъ, съ которымъ ничто въ мірѣ сравниться не можетъ. Я таки въ мой вѣкъ поѣздилъ по свѣту: былъ въ Руанѣ, въ Гаврѣ, и даже въ Страсбургѣ; но увѣряю васъ, что все это ничто въ сравненіи съ Парижемъ. Повѣрьте мнѣ, кто не видѣлъ Парижа, тотъ ничего не видѣлъ—ровно ничего! Парижъ столица вселенной!»

— «Вотъ новости!»—закричалъ Французикъ на журовлиныхъ ножкахъ—«Да ктожъ этого не знаетъ? C' est connu»

Тутъ я невольно вспомнилъ купца, съ которымъ пилъ чай на Воробьевыхъ горахъ. Ему казалось, что ни какой го-

родъ не можетъ сравниться съ Москвою. « Ну чѣмъ же умнѣе, » подумалъ я, « моего Русскаго бородача этотъ краснощекой Французъ? Развѣ только тѣмъ, что онъ брѣетъ бороду и говоритъ по-французски?»

— « Вы опоздали пріѣхать въ Парижъ,» — шепнулъ мнѣ шелковый кафтанъ. — « Теперь онъ ничто иное, какъ обширная казарма, кабакъ.... О, еслибъ вы знали его прежде, при Бурбонахъ.... Но, кажется, начинанаютъ....»

Музыка заиграла и черезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ поднялся. Въ самомъ концѣ піесы появился на сцену какой-то затянутый, какъ куколка, офицеръ въ синемъ мундирѣ и рыжемъ парикѣ.

— « Вотъ Русской цофиеръ! » — сказалъ кросногщекой Французъ — « Постойте! онъ сей часъ заговоритъ... Слушайте! »

« Ніема глебонишъ, попойско рюскофъ.»
Какой странный языкъ!»

Подлинно странный!

Комедія кончилась. «Ніема глебонишъ попойско рюскофъ!» повторялъ красно-щекой Французъ. «Позвольте спросить, что это значитъ по-французски?»

— «Право не знаю.»

— «Какъ не знаете? Да вѣдь это по-русски?»

— «Что не по-русски, въ этомъ могу васъ увѣрить; можетъ быть по-татарски....»

— «Ну да! По-татарски или по-руски, вѣдь это одно и тоже. C,est absolument la méme chose.»

— «Нѣтъ, сударь! совсѣмъ не одно и то же. Мнѣ кажется, сочинитель смѣется надъ вами: онъ выдумалъ свой собственный языкъ и хочетъ васъ увѣрить, что говоритъ по-русски.»

— « О чемъ тутъ спорить!» — сказалъ тонконогой Французъ, приглаживая свои длинные виски. — » Русской, Нѣмецкой, Татарской — всѣ эти варварскіе языки одинакимъ образомъ дерутъ уши.»

— « А я утверждаю,» — перервалъ гороховой сюртукъ, — «что»попойско глебонишъ» настоящія Русскія слова. Я знакомъ съ сочинителемъ комедіи; онъ долженъ знать это не хуже всякаго: онъ провожалъ цѣлую колонну плѣнныхъ казаковъ послѣ сраженія подъ Нови, гдѣ мы такъ хорошо поколотили Русскихъ.»

— « Ай да молодецъ!» — подумалъ я, — «какъ онъ твердо знаетъ военную исторію своего отечества!— «Не ошибаетесь ли вы?» сказалъ я гороховому сюртуку: «мнѣ кажется сраженіе подъ Нови, гдѣ нашъ Суворовъ дрался съ вашимъ

Жубертомъ, рѣшительно выиграно Русскими.»

—«И я того же мнѣнія,»—подхватилъ шелковый кафтанъ.—«Мнѣ помнится даже, что на этотъ счетъ сочинена довольно забавная пѣсня....»

—«Эта пѣсня вретъ!»—подхватилъ гороховый сюртукъ.—« Да, сударь, она вретъ точно такъ же, какъ врутъ всѣ аристократы въ дурацкихъ шелковыхъ кафтанахъ, глупыхъ атласныхъ камзолахъ и напудренныхъ парикахъ, которыми они прикрываютъ свои пустыя головы.»

—« Monsieur!»—закричалъ шелковый кафтанъ.

—« Sieence! Тише! Молчите!»—загрѣмѣли сотни голосовъ. Занавѣсъ поднялся.

Первое дѣйствіе новой піесы прослу-

шали довольно спокойно. Въ половинѣ втораго начался глухой ропотъ, и вдругъ при одномъ остромъ словцѣ разразилась ужасная буря: въ партерѣ загремѣли рукоплесканія и въ тоже время раздался громкій свистъ. Признаюсь, я слушалъ его съ какимъ-то удовольствіемъ. «Наконецъ,» думалъ я, «удалось мнѣ побывать въ театрѣ, гдѣ зритель есть верховный судья актеровъ и сочинителей; у насъ не позволяютъ даже громко шикать, а здѣсь—какая разница! Я могу свистать, кричать, дѣлать все, что мнѣ угодно. Межъ тѣмъ зрители шумѣли часъ отъ часу болѣе. «A bas le rideau! à bas la cabale!» раздавалось по всѣмъ угламъ залы. Съ правой стороны подлѣ меня человѣкъ пять свистали какъ бѣшеные. Что грѣхъ таить! Смерть захотѣлось и мнѣ посвистать въ первый разъ отъ роду; но лишь только было я

собрался помогать моимъ сосѣдямъ, какъ вдругъ закипѣла кругомъ меня ужасная битва: гороховый сюртукъ засучилъ рукава и началъ дѣйствовать съ необычайнымъ мужествомъ. Въ одну минуту онъ оторвалъ длинные виски у бѣднаго мусье на журавлиныхъ ножкахъ, который кричалъ, чтобъ опустили занавѣсъ; потомъ, какъ разъяренный левъ, бросился на моихъ сосѣдей, притузилъ краснощекаго Француза и сшибъ съ ногъ, но не побѣдилъ шелковаго кафтана, потому что онъ, лежа подъ лавкою, продолжалъ свистать, какъ человѣкъ совершенно отчаянный. Толпа свистуновъ бросилась на этого свирѣпаго бойца; его схватили за галстукъ, вцѣпились въ бакенбарды: онъ исчезъ среди своихъ враговъ; но черезъ минуту появился снова, только ужъ не въ сюртукѣ, а въ гороховой курткѣ. Остальное я не видѣлъ, пото-

му что успѣлъ добраться до дверей. Въ сѣняхъ я встрѣтилъ нѣсколько жандармовъ и взводъ солдатъ, которые спокойно ожидали приказанія штурмовать партеръ, то есть, для возстановленія должной тишины и порядка, поподчивать ружейными прикладами и правыхъ и виноватыхъ. Я добѣжалъ, не оглядываясь, до перваго фіакра и отправился домой. Вскорѣ за мной возратился мой хозяинъ съ разбитымъ носомъ: онъ былъ въ партерѣ и храбро сражался за піесу.

—« Скажите,»—спросилъ я, « часто ли у васъ бываютъ такіе безпорядки въ театрѣ?»

—« Помилуйте! »—сказалъ мой хозяинъ,—«что это за безпорядки? То ли еще бываетъ! Я былъ самъ свидѣтелемъ одного перваго представленія, при которомъ была такая схватка, что кро-

мѣ изувѣченныхъ и раненныхъ, одинъ остался убитымъ на мѣстѣ» (*).

— « Да растолкуйте мнѣ, за что такъ жестоко прогнѣвались на бѣдную комедію? Она, право, этого не заслуживаетъ.»

— « Самъ авторъ виноватъ. Прекрасный человѣкъ, а такъ упрямъ, какъ лошадь: забралъ себѣ въ голову, что истинному таланту не нужны никакія постороннія пособія. Чтожъ изъ этого вышло? Піесы не дали кончить, и всѣ станутъ говорить, что она упала. Господинъ Шарль сего-дня поутру приходилъ къ нему самъ, просилъ только двѣсти билетовъ, а онъ наговорилъ ему грубостей, выгналъ вонъ....»

— « А кто этотъ господинъ Шарль?»

(*) При первомъ представленіи трагедіи: *Германикъ*, случилось тоже самое.

— « Это одинъ извѣстный подрядчикъ успѣховъ (l'entrepreneur de succés). »

— « Что-жъ значитъ ? » — сказалъ я. —« Да развѣ у васъ въ театрахъ и свистятъ и хлопаютъ по подряду?»

— « А вы этого не знали? C'est connu! Въ Парижѣ есть организированное общество *хлопальщиковъ* (les claqueurs); имъ обыкновенно платятъ билетами, или нанимаютъ за деньги. Да неужели вы никогда не слыхали, что такое кабала (la cabale).»

— « Какъ не слыхать; но я думалъ....»

— « Вы думали, что это дѣлается такъ нечаянно, или по какимъ нибудь личнымъ неудовольствіямъ, по зависти?.... Нѣтъ, сударь, у насъ въ Парижѣ это приведено въ систему. *Хлопальщики* живутъ своими ладонями и свист-

ками; это точно такое же ремесло, какъ и всякое другое. Успѣхъ піесы можетъ обогатить или прославить автора, слѣдовательно весьма натурально, что онъ тратитъ на это деньги.»

— «Да неужели ваши хлопальщики могутъ спасти дурную піесу отъ паденія?»

— «Не всегда; но за то они могутъ почти всегда уронить хорошую, или по крайней мѣрѣ сравнять заслуженный успѣхъ хорошей піесы съ натяжнымъ успѣхомъ дурной, которую они поддерживаютъ.»

— «Я васъ не понимаю.»

— «А вотъ послушайте. Въ первое представленіе, напримѣръ, какой нибудь дурной комедіи, подкупленные хлопальщики аплодируютъ, а безпристрастные зрители свищутъ; журналисты, которые всѣ такъ же на откупу, отдавая отчетъ

публикѣ о первомъ представленіи этой піесы, могутъ ли сказать, что, *не смотря* на ужасную *кабалу* и *подкупленные* свистки, новая комедія имѣла блестящій успѣхъ и была *осыпана рукоплесканіями?*»

— « Конечно могутъ, если въ нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. »

— « Вотъ еще чего захотѣли! Теперь на оборотъ: если піеса дѣйствительно съ достоинствомъ, могутъ ли тѣже самые журналисты сказать, что такая-то комедія или трагедія, *не смотря на подсаженныхъ* хлопальщиковъ и друзей автора, была освистана и рѣшительно упала? »

— « Да чтожъ изъ этого выдетъ? Рано или поздно, истина должна открыться. »

— « А до тѣхъ пѣръ, »—перервалъ мой

хозяинъ, — « слова Парижскихъ журналистовъ повторятся въ провинціальныхъ журналахъ, перейдутъ за границу, перепечатаются даже въ вашихъ Русскихъ газетахъ. Вы прочтете безъ вниманія имя автора хорошей піесы и выучите наизустъ имя бездарнаго писателя, потому что его комедія, по словамъ журналистовъ, имѣла блестящій успѣхъ, и все это отъ того, что при первомъ представленіи этой піесы и хлопали и свистали, и этимъ самымъ дали возможность журналисту назвать черное бѣлымъ, а бѣлое черным. Ну теперь понимаете ли, какъ необходимо для автора имѣть на своей сторонѣ этотъ цѣхъ Парижскихъ хлопальщиковъ?»

— « Да чтожъ отъ этого прибыли? Если піеса дурна, то она не будетъ

привлекать зрителей, не станетъ давать сборовъ....

— « Это правда! »—перервалъ мой хозяинъ;—«авторъ получитъ за нее мало денегъ, да за то вдоволь славы; а тотъ, кто не хочетъ подкупать ни хлопальщиковъ, ни журналистовъ, можетъ легко остаться и безъ того и безъ другаго. Вотъ, напримѣръ, авторъ комедіи: «Ложный стыдъ», піесы, которая сегодня при насъ такъ безстыдно была освистана, истинно человѣкъ съ отличнымъ талантомъ. Я читалъ его комедію, и могу васъ увѣрить, что она сдѣлала бы честь Французской словесности: планъ, интрига, характеры, слогъ, въ ней все прекрасно; а межъ тѣмъ она погибла для нашей сцены. Авторъ человѣкъ въ душею, и я почти увѣренъ, что онъ нетолько не позволитъ ее играть во

второй разъ, но даже не захочетъ ее напечатать» (*).

— «Все это доказываетъ,»—сказалъ я,—«что очень было бы хорошо, еслибъ здѣсь, такъ же какъ въ Россіи, не позволяли свистать въ театрахъ.»

— «Тогда нашли бы кокое нибудь другое средство вредить успѣху новой піесы.»

— «Чтожъ, вы подкупили бы весь партеръ, чтобъ онъ заснулъ?»

— «Помилуйте, за чѣмъ весь партеръ? Довольно и пятидесяти человѣкъ съ хорошимъ насморкомъ, чтобъ замѣнить полсотни свистковъ. Нѣтъ закона въ мірѣ, который запрещалъ бы зри-

---

(*) Если вы желаете знать, какъ поступилъ авторъ этой комедіи; то потрудитесь прочесть во 2-мъ томѣ L'hermite de la chaussée d'Antin, статью подъ названіемъ: Les cabales.

телямъ чихать, сморкаться, кашлять; и если только это хорошо организировано и будетъ дѣлаться порядкомъ въ одно время и, такъ сказать, по командѣ, то, смѣю васъ спросить, какая піеса устоитъ противъ этого? Однакожъ прощайте! Я чувствую, что мнѣ надобно заняться моимъ носомъ: онъ начинаетъ пухнуть неимовѣрнымъ образомъ!»

Мой хозяинъ ушелъ. И мнѣ также надобно отдохнуть. Здоровье мое не совсѣмъ еще поправилось, и это театральное побоище сильно подѣйствовало на мои нервы: голова у меня вертится, въ ушахъ шумитъ, Нѣтъ! право хорошо, что у насъ не свистятъ въ театрахъ!»

Я такъ былъ занятъ всю прошедшую недѣлю, что ни разу не принимался за перо.—Если Лондонъ и почти вся Ан-

глія могутъ быть неисчерпаемымъ источникомъ наслажденій для человѣка, который влюбленъ въ механику, то конечно тому, кто сдѣлалъ своимъ идоломъ всѣ чувственныя наслажденія и не просто любитъ, а *боготворитъ* изящныя художества, Парижъ долженъ казаться первымъ городомъ въ мірѣ. Всѣ первокласныя произведенія скульптуры и живописи, которыми гордилась Италія, собраны теперь въ Парижѣ. Я былъ уже нѣсколько разъ въ Наполеоновомъ музеуми и все еще не пересмотрѣлъ и половины сокровищъ, которыми онъ наполненъ. Я перебывалъ во всѣхъ театрахъ: вездѣ толпы празднаго народа, который думаетъ только о томъ, какъ убить время. Одинъ остроумный писатель говоритъ, что для Француза совершенный возрастъ не существуетъ: онъ или молодъ, или дряхлый старикъ. Пред-

ставьте же себѣ это безчисленное множество *молодежи* отъ пятнадцатилѣтняго до семидесятилѣтняго возраста, живущее въ такомъ городѣ, гдѣ собраны всѣ возможныя наслажденія обдуманной раскоши, гдѣ на каждомъ шагу вы встрѣчаете соблазнительный порокъ, всегда прикрытый свѣжими цвѣтами. Одна цѣль этихъ милыхъ вѣтренниковъ безъ бородъ и съ сѣдыми бородами, *забовляться* съ утра до вечера. Какое имъ дѣло до того, что большая часть ихъ наслажденій основана на самомъ низкомъ и грязномъ разврате. Будьте увѣрены, что нѣтъ мерзости, которая не оправдалась бы въ глазахъ Француза, если онъ только можетъ сказать про нее: c'est gracieux! c'est élégant. »

Способы промышлять, не работая, деньги и жить на счетъ Парижскихъ зѣвакъ (badauds) доведены здѣсь до высочайшей степени совершенства. Вы видите толпу народа; посреди этой толпы стоитъ человѣкъ опрятно одѣтый; онъ корчитъ преудивительныя рожи: носъ его скривился на сторону, ротъ на боку, одинъ глазъ смотритъ на право, другой на лѣво. Вы думаете, что это какой нибудь сумасшедшій, или одержимый падучею болѣзнію — ничуть не бывало! Это его ремесло: c'est un grimacier (кривляка, гримасникъ). Здѣсь, на разостланномъ посреди улицы коврѣ, оборванные мальчишки кувыркаются и ходятъ вверхъ ногами; тутъ показываютъ дикаго человѣка изъ Зеландіи, который родился въ Парижѣ. Вотъ диковинка! читайте! — « Желающіе видѣтъ лошадь, у

«которой голова тамъ, гдѣ обыкновен-
«но бываетъ хвостъ, могутъ удовлетво-
«рить своему любопытству, заплатя од-
ну копѣйку.» — Что-жъ это такое? — Это просто лошадь, поставленная задомъ къ яслямъ. Не угодно ли взглянуть за пять копѣекъ на чудовище, рожденное отъ щуки и борова? Какъ не посмотрѣть! Этотъ балаганъ набитъ народомъ; двѣ скрипки и одинъ Турецкій барабанъ играютъ увертюру. Подымается небольшой занавѣсъ, хозяинъ является предъ публикою, кланяется на всѣ стороны и преважно начинаетъ говорить:

«Милостивые государи и милости-
«выя государыни! Я хотѣлъ пока-
«зать вамъ эту необычайную игру
«природы, которая, смѣю сказать, въ
«своемъ родѣ единственна. Да, милости-
«вые государи и милостивыя госуда-

«рыни! не только новѣйшіе, но даже и «древніе писатели не упоминали никог-«да о чудовищѣ, рожденномъ отъ щу-«ки и борова. Старшій Плиній говоритъ «утвердительно, что это невозможно; «знаменитый Линней одного съ нимъ «мнѣнія; нашъ безсмертный Бюффонъ и «не менѣе безмертный Ласепедъ объ-«являютъ рѣшительно, что это против-«но всѣмъ законамъ природы. Одинъ «Геродотъ упоминаетъ въ своей лѣто-«писи о кентаврахъ, представляющихъ «нѣчто похожее на удивительное жи-«вотное, которое, по стеченію необы-«чайныхъ обстоятельствъ, сдѣлось мо-ею собственностію. Но вамъ всѣмъ «извѣстно, милостивые государи и ми-«лостивыя государыни, что за это-то «именно славный историкъ Геродотъ «заслужилъ названіе лжеца, и что Фран-«цузскій глаголъ radoter (врать вздоръ)

«есть ни что иное, какъ производное «слово отъ собственнаго Греческаго «имени: Геродотъ.»

Нѣкоторые изъ зрителей смѣются. Ораторъ кланяется и продолжаетъ:

«Нашему вѣку было предоставлено «оправдать возможность такихъ неизъ-«яснимыхъ капризовъ натуры, и стереть «позорное клеймо лжеца съ увѣнчанна-«го лаврами чела, навсегда знаменита-«го историка Геродота. Теперь, мило-«стивые государи и милостивыя госу-«дарыни! я съ прискорбіемъ долженъ «объявить вамъ, что необычайное чудо-«вище, рожденное отъ щуки и борова, «по распоряженію высшаго начальства, «отослано для изслѣдованія въ здѣш-«нюю Академію Наукъ.»

Общій ропотъ. Ораторъ кланяется и, возвысивъ голосъ, продолжаетъ:

«Прошу почтеннѣйшую публику успо-

«коиться! Если я не имѣю возможности «представить ей дитя, то могу показать «отца и мать. Вотъ щука, вотъ боровъ!»

Общій смѣхъ. Ораторъ кланяется и занавѣсъ опускается.

Теперь взгляните на красивую вывѣску и прочтите эту чудную надпись: «Здѣсь желанія свободны; за входъ «платятъ по копѣйкѣ.» Вы входите. Щеголевато одѣтый господинъ стоитъ передъ жаровнею и держитъ въ рукахъ до половины раскаленную желѣзную кочергу. «Милостивый Государь!» говоритъ онъ, «не угодно ли вамъ высунуть языкъ....»

— «Языкъ! Для чего?»

— «Для того, чтобъ я погладилъ его этой раскаленной кочергою.»

— «Что вы, что вы? Я не хочу!»

— «Какъ вамъ угодно: *здѣсь желанія свободны*. Passez, monsieur! и васъ

просятъ выдти задними дверьми. Нѣмецъ, Англичанинъ, Русской, вѣроятно бы разсердились; а Французъ смѣется и спѣшитъ заплатить пять копѣекъ, чтобъ въ ближайшемъ балаганѣ посмотрѣть индюшечій балетъ и послушать кошечій концертъ. Въ первомъ: индюшки прыгаютъ на желѣзной плитѣ, которую снизу нагрѣваютъ постепенно огнемъ; во второмъ: дюжины двѣ кошечьихъ головъ продѣто сквозь круглыя отверстія доски, составляющей верхнюю часть инструмента, похожаго на фортепьяно; хвостъ каждой кошки ущемленъ въ особыя клещи, которыя сжимаются отъ движенія клавишъ. Должность басовъ отправляютъ огромные коты, за теноровъ и альтовъ служатъ кошки, а дишкантомъ мяукаютъ котята. Вы смотрите съ отвращеніемъ на эту жестокую забаву; а Парижанинъ

смѣется; онъ и знать не хочетъ, какъ это дѣлается. Кошки кричатъ престранными голосами, индѣйки дѣлаютъ преуморительные скачки: это его забавляетъ и онъ доволенъ.

Здѣсь много Русскихъ. Вчера я былъ съ визитомъ у моихъ Петербургскихъ знакомыхъ, Князя М*** и Графини Д***. Они обошлись со мною очень ласково, и сами вызывались сблизить меня съ лучшимъ здѣшнимъ обществомъ. Въ первые дни моего пріѣзда въ Парижъ я вовсе не имѣлъ намѣренія заводиться знакомыми; но недѣли черезъ три эта уличная жизнь мнѣ такъ надоѣла, что я принялъ съ благодарностію предложеніе моихъ единоземцевъ. Сего-дня я ѣздилъ за городъ, не для того, чтобъ любоваться Парижскими окрестностями; но

чтобъ посмотрѣть, какъ веселится здѣшній простый народъ по воскреснымъ днямъ. Въ Лондонѣ седьмой день самый тихій и смирный во всей недѣлѣ; въ Парижѣ, напротивъ, каждое воскресенье народъ гуляетъ круглый день, и почти всегда за городомъ, гдѣ въ безчисленныхъ трактирахъ и харчевняхъ ѣдятъ, пьютъ, шумятъ и пляшутъ съ утра до вечера. Одна только жестокая и продолжительная буря помѣшаетъ ремесленнику, швеѣ, лакею, служанкѣ и даже Парижскому мѣщанину средняго сотоянія, отправиться въ воскресный день за городъ. На это есть весьма важная причина: за вино, которое привозятъ въ Парижъ, платятъ большую пошлину; слѣдовательно за городомъ, гдѣ допускается вольная продажа, оно несравненно дешевле.

Одно изъ этихъ загородныхъ мѣстъ,

гдѣ народъ веселится по праздникамъ, называется la Courtille. Я отъ природы очень любопытенъ, и люблю все разсматривать вблизи, а особливо простой народный бытъ во всѣхъ его измѣненіяхъ. Я бывалъ на свадьбахъ у купцовъ, ремесленниковъ и крестьянъ; бывалъ въ Русскихъ трактирахъ, обѣдалъ за *кухмистерскими столами*, ѣдалъ блины въ харчевняхъ, и однажды въ Москвѣ изъ одного любопытства просидѣлъ полчаса въ самомъ скверномъ и разгульномъ кабакѣ. Помнится, этотъ питейный домъ назывался *Агашкою.* По одному этому названію вы можете судить объ обществѣ, которое въ немъ сбиралось по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Я думалъ, что въ жизнь мою не увижу ничего отвратительнѣе, и вѣроятно бы не увидѣлъ, еслибъ не побывалъ въ одномъ изъ трактировъ знаменитой la

Courtille. Я ужаснулся, когда вошелъ въ огромную залу, гдѣ пировало человѣкъ двѣсти народа. Нѣтъ! я еще не зналъ, до какого скотскаго униженія можетъ дойдти человѣкъ, созданный по образу и подобію Божіему! Развратъ и наглое, безстыдное распутство, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, превосходитъ всякое описаніе (*). Я увѣренъ, что вѣдьмы, которыя, по старинным Русскимъ преданіямъ, сбираются на *Лысой* горѣ, близъ Кіева, ведутъ себя несравненно приличнѣе и скромнѣе *дамъ*, которыя плясали при мнѣ какой-то безчинный танецъ, до того развратный, что я не вѣрилъ собственнымъ глазамъ своимъ. Въ этой пляскѣ порокъ не прикрывался уже цвѣтами,

(*) Потрудитесь прочесть въ одиннадцатомъ томѣ «Paris, ou le livre des Cent-et-un, статью подъ названіемъ la descente de la Courtille.

а просто, съ какимъ-то демонскимъ безстыдствомъ, являлся во всей отвратительной наготѣ своей (*). Вдоль стѣнъ за огромными столами ѣли, пили, кричали, дрались, пьяныя испачканныя бабы пѣли охриплыми голосами, валялись по полу; кругомъ обглоданныя кости, остатки кушанья, мерзость, нечистота; весь полъ превращенный въ какое-то грязное болото, а посреди залы не танцовала, а бѣсновалась безумная толпа подъ неистовую музыку мѣдныхъ инструментовъ и Турецкихъ барабановъ. Я пробылъ не болѣе пяти минутъ въ этомъ вертепѣ разврата, а едва не оглохъ отъ шума и не задохся отъ ужасной вони. Боже мой! до чего можетъ дойдти человѣкъ и безъ того уже наклонный къ пороку, если ни Вѣра, ни законъ не

(*) Этотъ гнусный танецъ называется: «la chahut.»

обуздываютъ его страстей; если развратники, которые называютъ себя друзьями народа, твердятъ ему безпрестанно, что кромѣ физическихъ наслажденій, все прочее мечта; что Вѣра есть невѣжество, а любовь къ порядку и уваженіе къ правительству низкое рабство; что человѣкъ просвѣщенный не можетъ вѣровать, а человѣкъ свободный не долженъ признавать надъ собою никакой власти, или, по крайней мѣрѣ, быть всегда въ открытой враждѣ съ тою, которая существуетъ.

Наконецъ я попалъ въ здѣшній хорошій свѣтъ, то есть, познакомился съ обществомъ, которое образовалось изъ остатковъ прежней Французской аристократіи. Какъ ни желаетъ Наполеонъ сблизить свое новое дворянство съ эти-

ми господами les ci-devant, но едва ли онъ успѣетъ въ своемъ намѣреніи. Нынѣшніе бароны, графы и герцоги почти всѣ или хорошіе военачальники, или отличаются своей личной храбростію. Конечно нельзя смотрѣть безъ уваженія на этихъ маршаловъ и генераловъ, которые, начиная съ солдатскаго званія, брали всѣ чины свои съ бою; но если они прекрасны передъ фронтомъ и на полѣ сраженія, за то въ гостиныхъ играютъ не слишкомъ блестящія роли. Мнѣ рѣдко удавалось встрѣчаться съ ними у графини Л***, у Маркиза С*** и даже у прекрасной Банкирши Р***, которая, не смотря на то, что не имѣетъ права прибавлять къ своему имени частичку «де», попала какъ-то въ число избранныхъ жителей Сентъ-Жерменскаго предмѣстья. Надобно сказать правду: хорошій тонъ и любезность выс-

шаго Парижскаго общества очаровательны; это чувство приличій, которое Французы называюсъ тактомъ (le tact), доведено въ немъ до высочайшей степени совершенства. Свобода, не выходящая изъ границъ, веселость живая, остроумная, но всегда вѣжливая; непринужденная ласка хозяина и хозяйки, прекрасное угощеніе, немноголюдная, но ловкая и проворная услуга, вы все это найдете въ гостиныхъ хорошаго Парижскаго общества. Одно только всегда меня удивляло и это одно... ну, право, не знаю какъ бы назнать повѣжливѣе: это невѣроятное отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ познаній, эту чудную смѣсь утонченнаго просвѣщенія съ необычайнымъ невѣжествомъ, особливо во всемъ томъ, что касается до нашего отечества и вообще до вѣхъ иностаранцевъ. Еслибъ я сталъ записывать всѣ

страные вопросы, которыми ежедневно меня осыпаютъ блестящіе маркизы и очаровательныя виконтесы, то конечно исписалъ бы цѣлую стопу бумаги. Вчера у госпожи Р*** одинъ *шевалье* спросилъ меня, во сколько дней можно пріѣхать изъ Петербурга въ Москву на собакахъ? Другой господинъ, который отъ всей души жалѣлъ, что мы, Русскіе, не имѣемъ понятія о винсградѣ, не хотѣлъ никакъ вѣрить, что у насъ есть провинціи, въ которыхъ онъ родится то есть, не сказалъ мнѣ, что я лгу, но проговорилъ съ улыбкою: «Я не смѣю «съ вами спорить; но извините! въ Па- «рижѣ этого не знаютъ,» А это значило въ переводѣ на простонародный языкъ: «вы, сударь, лжете; я вамъ не «вѣрю, потому что все то, о чемъ не «знаютъ въ Парижѣ, есть выдумка и «вздоръ.» Знаменитый Французскій мо-

реходецъ Бугенвиль (Bougainville) горько жалуется на это невѣжество своихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ одни не хотѣли вѣрить, что на островѣ Таити не умѣютъ говорить ни по-французски, ни по-испански, ни по-англійски; а другіе, люди извѣстные даже своей ученостью, утверждали, что онъ, господинъ Бугенвиль, не объѣхалъ около свѣта, потому что не былъ въ Китаѣ(*).

(*) Вы можете это прочесть въ 19-мъ томѣ *Всеобщей Исторіи Путешествій*, на страницѣ 195-й и послѣдующихъ.—« Да это было такъ давно! » скажете вы; «съ тѣхъ поръ общее просвѣщеніе « Франціи подвинулось впередъ. » Быть можетъ; но вотъ одинъ любопытный фактъ, который не слишкомъ оправдываетъ это мнѣніе. Въ 1831 году, представитель народа, ораторъ лѣвой стороны Французской палаты Депутатовъ, знаменитый публицистъ господинъ Могень (Mauguin) при полномъ собраніи всѣхъ депутатовъ, упрекаетъ Французское министерство въ томъ, что оно *не отпра-*

Впрочемъ не подумайте, чтобъ это Французское невѣжество походило на то, къ которому мы привыкли въ нашемъ отечествѣ; о, нѣтъ! Русскіе невѣжды, то есть чисто Русскіе, народъ пресмирный: они не прекидываются учеными, не толкуютъ о просвѣщеніи, и если иногда придетъ имъ въ голову такая блажъ, то это развѣ подъ веселую руку, да и то между собою, въ своемъ кругу; но лишь только завернется въ

вило военныхъ кораблей въ Польшу! И когда господину Могеню дали почувствовать, что нѣсколько трудно пріѣхать на стопушечномъ кораблѣ въ Варшаву, то онъ началъ увѣрять, будто бы Польша имѣетъ свои порты на Балтійскомъ морѣ; и въ доказательство этого назвалъ находящуюся нынѣ въ Курляндіи *Палангенскую таможенную заставу*, морскимъ портомъ, принадлежащимъ Польшѣ. Все это и еще много кой-чего другаго вы найдете въ Парижской газетѣ: Journal des Débats, 1831 года; потрудитесь только прочесть листокъ, который вышелъ 20-го Сентября во Вторникъ.

ихъ компанію кандидатъ, или даже дѣйствительный студентъ, то они всѣ начнутъ его слушать какъ оракула, а сами не смѣютъ и рта раскрыть. Нѣтъ, любезные читатели, Французское невѣжество совсѣмъ другаго рода: это невѣжество смѣлое, бойкое, усыпанное блестками и нашпигованное учеными выраженіями; оно не прячется въ уголъ, а выходитъ на каѳедру; не прималчиваетъ, а мелетъ вздоръ безъ умолку съ утра до вечера. У насъ безграмотность и просвѣщеніе раздѣлены такой рѣзкой чертою, что никакъ нельзя ошибиться и принять невѣжду за человѣка образованнаго; но въ Парижѣ не вдругъ отличишь позолотъ отъ настоящаго золота. Самый безграмотный Парижанинъ будетъ съ вами разсуждать обо всемъ; онъ все знаетъ, для него нѣтъ ничего новаго; разумѣется, онъ станетъ врать;

техническія слова, собственныя имена, названія наукъ—все это будетъ исковеркано и перемѣшано самымъ забавнымъ образомъ; но чтобъ видѣть, до какой степени простирается наглость и невѣжество этого болтуна, надобно быть самому съ нѣкоторымъ образованіемъ. Представьте же себѣ, напримѣръ, какого нибудь Русскаго невѣжду, который пріѣхалъ учиться уму-разуму въ Парижѣ: вѣдь ему этотъ болтунъ покажется мудрецомъ, а такихъ мудрецовъ онъ встрѣтитъ на каждомъ шагу. « Фу ты, батюшки!» подумаетъ онъ, « что это за городъ такой! Куда ни обернись, все люди ученые!» Чему же девиться послѣ этого, если онъ, возвратясь на свою родину, будетъ говорить съ восторгомъ о *всеобщемъ* просвѣщеніи Франціи (*).

(*) Я вамъ надоѣлъ выносками, любезные читатели; но, воля ваша! не могу *при сей вѣрной ока-*

въ обществахъ, вездѣ, повсюду преслѣдуетъ меня образъ той, которая сгубила все счастіе моей жизни. Я чувствую, мнѣ нуженъ просторъ; мнѣ тѣсно, мнѣ душно въ Парижѣ. Можетъ быть тамъ, за Пиринейскими горами, на берегу Средиземнаго моря, въ двухъ шагахъ отъ знойной Африки, душа моя отдохнетъ и успокоится.

Погода здѣсь стоитъ несносная: дождь, слякоть; за городомъ голыя деревья, пожелтѣлыя поля, въ городѣ не проходимая грязь; однимъ словомъ, ни дать ни взять Русская глубокая осень. Нѣтъ, воля ваша! Русская зима лучше здѣшней. Вспомните, какъ вамъ надоѣдаетъ эта осенняя изморозь, эти сѣрыя небеса, эта грязная земля; съ какимъ нетерпѣніемъ вы ожидаете перваго снѣ-

га. Зимній путь, сани, ясное солнышко, которое осыпаетъ алмазами наши Русскія поля, покрытыя пушистымъ снѣгомъ; лунная, морозная ночь, въ которую вы на тройкѣ удалыхъ летите по гладкой, скатертной дорогѣ; чистый, сухой воздухъ—все это не во сто ли разъ лучше мокрой и сырой осени, которую Французы называютъ своей зимою. Вотъ дѣло другое зима въ южной Испаніи: это наша весна, нашъ благословенный Май мѣсяцъ! Скорѣй, скорѣй въ Андалузію! скорѣй туда.

Гдѣ солнце грѣетъ и зимою,
Глѣ миртъ ростетъ и зрѣетъ апельсинъ.

Я простился съ моими Парижскими знакомыми. Завтра поутру отправляюсь въ Бордо. Мой Никоноръ Федотычъ укладывается, а я, отъ нечего дѣлать,

вздумалъ сравнить мнѣнія двухъ Русскихъ путешественниковъ о характерѣ Французской націи: одинъ изъ нихъ Николай Михайловичъ Карамзинъ, а другой Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ. Вотъ что говоритъ первый о Французахъ, съ которыми онъ имѣлъ время познакомиться.

«Скажу: *огонь, воздухъ*—и характеръ «Французовъ описанъ. Я не знаю наро«ду умнѣе, пламеннѣе и вѣтренѣе. Ка«жется, будто онъ выдумалъ, или для «него выдумано *общежитіе:* столь ми«ла его обходительность и столь уди«вительны его тонкія соображенія въ «искусствѣ жить съ людьми! Сіе искус«ство кажется въ немъ любезною при«родою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ «приласкать человѣка однимъ видомъ, «одной вѣжливой улыбкою. Напрасно «Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы

«учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ «ихъ она чужая, принужденная.......Го«ворятъ, что здѣсь трудно найдти ис«кренняго, вѣрнаго друга. . . . . . Ахъ! «друзья вездѣ рѣдки! И чужеземцу ли «искать ихъ, тому, кто, подобно кометѣ, «*являясь исчезаетъ*. Дружба есть по«требность жизни; всякой хочетъ для «нее предмета надежнаго. Но все, чего «по справедливости могу требовать отъ «чужихъ людей, Французъ предлагаетъ «мнѣ съ ласкою, *съ букетомъ цвѣтовъ*. «Вѣтренность, непостоянство, которыя «составляютъ порокъ его характера, со«единяются въ немъ съ любезными «свойствами души, происходящими нѣ«которымъ образомъ отъ сего самаго «порока. Французъ непостояненъ и не«злопамятенъ; удивленіе, похвала мо«жетъ скоро ему наскучить, ненависть «также. По вѣтренности оставляетъ онъ

«доброе, избираетъ вредное; за то самъ «первый смѣется надъ своей ошибкою «и даже плачетъ, если надобно. Веселая «безразсудность есть милая подруга «жизни его. Какъ Англичанинъ радуется «открытію новаго острова, такъ Фран-«цузъ радуется острому слову. Чув «ствителенъ до крайности, страсно влю-«бляется въ истину, въ славу, въ великія «предпріятія; но любовники непостоян-«ны! Минуты его жара, изступленія, не-«нависти могутъ имѣть стршаныя по-«слѣдствія. Чему примѣромъ служитъ «революція. Жаль, если эта ужасная «политическая перемѣна должна пере-«мѣнить и характеръ народа, столь ве-«селаго, остроумнаго, любезнаго!»

Въ заключеніе Карамзинъ говоритъ, что это писано для дамы и для Француженки, которая ахнула бы отъ ужаса и закричала бы: «*Сѣверный варваръ!*«

еслибъ онъ сказалъ ей, что Французы не остроумнѣе и не любезнѣе другухъ. Фонъ-Визинъ не имѣлъ этой *уважительной* причины разсыпаться въ вѣжливостяхъ, и въ письмѣ своемъ къ Графу Петру Ивановичу Панину изъясняется гораздо откровеннѣе на счетъ Французовъ. «Достойнные люди», говорится онъ, какой бы націи ни были, со«ставляютъ между собою одну націю. «Выключа ихъ изъ Французской, при«мѣчалъ я вообще ея свойство. Надле«житъ отдать справедливость, что при «неизъяснимомъ развращеніи нравовъ, «есть во Французахъ доброта сердеч«ная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамя«тенъ; добродѣтель, конечно, не прочная, «и полагаться на нее нельзя, по край«ней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глу«боко вкоренены. Непостоянство и вѣт«ренность не допускаютъ ни пороку, ни

«добродѣтели въ сердцѣ ихъ поселить-
«ся. Къ нимъ совершенно приличенъ
«стихъ Кребильоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein

«Разсудка Французъ не имѣетъ и
«имѣть его почелъ бы несчастіемъ
«своей жизни; ибо оный заставилъ бы
«его размышлять, когда онъ можетъ
«веселиться. Забава есть одинъ пред-
«метъ его желаній. А какъ на забавы
«потребны деньги, то для пріобрѣненія
«ихъ употребляетъ всю остроту, кото-
«рою его природа одарила. Острота,
«не управляемая разсудкомъ, не можетъ
«быть способна ни на что, кромѣ мело-
«чей, въ которыхъ и дѣйствительно
«Французы берутъ верхъ предъ цѣ-
«лымъ свѣтомъ....»

Тутъ помѣшалъ мнѣ Никаноръ Федо-
тычъ. «Что вы скоро, сударь, переста-
нете писать?» спросилъ онъ,

— « На что тебѣ? »

— « Да вотъ книги-то надобно уложить въ чемоданъ, да чернилицу поставить въ шкатулку. »

— « Успѣемъ и завтра. »

— « Да что это вы писать изволите? »

— « Описываю Французовъ. »

— « То есть: ихъ житье-бытье, сударь, поведенцію, обычай? »

— « Ну, да! »

— « Помилуйте! да какъ это можно? »

— « Почему же нѣтъ? »

— « А потому, сударь, что у нихъ на недѣли семь пятницъ. Шутъ ихъ знаетъ, что за народъ такой! Сего-дня такъ, завтра этакъ. Да вотъ хоть этотъ Жанъ, здѣшній трактирный слуга, третьяго дня кричалъ: виватъ Наполеонъ! А сего-дня ужъ—позорилъ, позорилъ его! Вы изволите знать: этотъ Жанъ мара-

куетъ немного по-Русски; говоритъ, будто былъ у насъ въ Костромѣ учителемъ; да вретъ! Какой онъ мусье! Они всѣ у насъ наживаются, а у этого пострѣла копѣйки нѣтъ за душею. А ужъ какой хвастунишка! Слышь-ты, совсѣмъ было женился въ Костромѣ на какой-то княгинѣ!.... Видишь, куда смотритъ!—Родня, дискать, не захотѣла; да я же, говоритъ, поссорился съ ея братомъ, дуэль съ нимъ имѣлъ.... Дуэль! Чай бока отломали—вотъ-те и дуэль!... Да что и говорить, Владиміръ Сергѣевичъ! всѣ они на одинъ покрой: хвастунишки да мотыги такіе, что и сказать нельзя»!

— «Ужъ и всѣ! Что ты, Никноръ?»

— «Право такъ, сударь. Не всѣ богаты, да всѣ тороваты. Конечно, грѣхъ сказать: Французъ не Нѣмецъ, народъ ласковый, веселый, разгульной, да только больно чванливы, сударь. Всякой

чумичка въ бары лезетъ. Вы изволите знать нашего дворника, вотъ что подметаетъ лѣстницу?... Вѣдь ужъ взглянуть не на что: рожа немытая, сюртучишка въ дырахъ, оборванъ, общипанъ, ну вотъ кажись сей часъ пойдетъ на перекрестокъ, да запоетъ Лазаря; а посмотрите-ка его въ Воскресенье—разфуфонится такъ, что-на поди! Кафтанъ не кофтанъ, жилетъ не жилетъ, а сопоги безъ подошевъ. Сберутся этакихъ молодцовъ человѣкъ десять, да и начнутъ погуливать! И чуть этакъ, знаете ли, поссорятся межъ собою, тотчасъ и дуэль! Примутся кричать: «я франсе, я франсе!» а тамъ, глядишь, дадутъ другъ другу по плюхѣ, да и помирятся. Тѣмъ хороши, что недолго сердятся.»

— «А что, Никаноръ, умны Французы?»

— « Умны? Что вы? Да я глупѣй народа не видывалъ.»

— « Вотъ вздоръ какой!»

— « Помилуйте, Владиміръ Сергѣевичь! у насъ на Руси и въ Пошехонѣ нѣтъ этакихъ ротозѣевъ. Что хочешъ, имъ говори, всему вѣрятъ. Посмотрѣлъ я, какъ здѣсь эти фокусники всякіе да фигляры простой народъ надуваютъ! Добро бы еще какъ у насъ, по деревнямъ, коллуны глаза отводили, а то нѣтъ! Вотъ въ прошлое Воскресенье пошелъ я съ Жаномъ на рынокъ; глядимъ: стоитъ на подмосткахъ какой-то мусье разодѣтый, весь въ прозументахъ и кричитъ что-то во все горло. «Что это, братъ, онъ оретъ?» спросилъ я у Жана. «Онъ, дискать, продаетъ разныя снадобья отъ всѣхъ болѣзней; а вотъ теперь показываетъ пузырекъ съ такимъ зельемъ, что если его станешь пить, то сто лѣтъ

проживешь и морщинки ни одной на лицѣ не будетъ.» Эка бестія, подумаешь! ни одной морщинки на лицѣ не будетъ!.,. А самъ-то онъ, сударь, весь въ морщинахъ, словно сморчекъ какой! Чѣмъ бы его спросить: «Да чтожъ ты, братъ, мусье, самого-то себя не пользуешь—а?» Куда! народъ такъ и валитъ! То-то простофиля! Поди-ка у нашего мужичка зашиби даромъ копѣйку; да, какъ бы не такъ: своихъ приплатишь! Что я ни говорилъ Жану, не послушался: купилъ себѣ какое-то снадобье, чтобъ у него лысина волосами заросла. Дожидайся—заростетъ! Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: «хочешь ли, я покажу тебѣ такой курьезъ, какого ты вѣкъ не видывалъ?» «А что такое?»—«Да вотъ что: хочешь ли видѣть такихъ блохъ, которыя всякія штуки, наподобіе человѣка, дѣлаютъ?» «Какъ такъ?»—«А вотъ посмотри!» По-

шли. Приходимъ въ какой-то домъ: у дверей взяли съ насъ по пяти копѣекъ. Горница большая, прилавокъ; за прилавкомъ стоитъ худой Французъ, весь въ черномъ, и всякаго народу довольно— вотъ этакъ человѣкъ двадцать или тридцать. Хозяинъ поклонился на всѣ стороны и началъ точить балы. Мой товарищъ толковалъ мнѣ, что этотъ штукарь говорилъ все о блахахъ. «Вотъ-дискать Французская блоха—нечего сказать! умна, «проворна, понятлива, все на лету хватаетъ. Англійская не такъ; бредетъ и «Нѣмецкая, только на ногу тяжела; а «вотъ Русская такъ ужъ глупа, ничему «не выучишь.» Я думаю про себя: «Врешь, мусье, не глупѣе вашихъ! Ты намъ штуки-то свои показывай!» Вотъ онъ положилъ листъ бумаги и началъ на него выпускать своихъ ученыхъ блохъ. Вотъ шестерня вороныхъ карету везетъ —

хорошо, а не стоитъ пяти копѣекъ. А это что такое? Двѣ блохи привязаны стойкомъ къ тонкой булавочкѣ, а снизу булавочку повертываютъ. «Это-дискать двѣ Италіянскія блохи танцуютъ Нѣмецкой валецъ.» Подлѣ ихъ также двѣ блохи, только порозь привязаны къ спичкамъ. Дали имъ въ лапки пробочные шарики, а къ шарикамъ придѣланы тоненькія иголочки. Вотъ онѣ шариками-то шевелятъ, а иголочками помахиваютъ. «Это-дискать Гишпанская блоха съ Англійской блохою на дуэль выходятъ. Тфу ты пропасть! Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ? Да развѣ можно этакъ людей морочить? Эхъ, кабы воля, да воля! Ещебы далъ пятакъ, да уже понатѣшился бы надъ этимъ краснобаемъ! А дурачье-то Французы разинули рты, да такъ и дивятся! Нѣтъ, сударь, воля ваша—глупый народъ!»

Не знаю, которая изъ этихъ трехъ характеристикъ вѣрнѣе; но мнѣ кажется, что всѣ онѣ имѣютъ между собой большое сходство, и не смотря на нѣкоторое различіе въ выраженіяхъ, общій результатъ будетъ слѣдующій: «Изъ всѣхъ «Европейскихъ народовъ самый непосто«янный, вѣтреный, хвастливый и легко«вѣрный народъ, есть, безъ всякаго со«мнѣнія, народа Французскій»

Бордо.

Adieu donc Paris ville célèbre, ville de bruit, de fumée et de boue, où les femmes ne croient plus à l'honneur, n les hommes à la vertu.—Adieu Paris—nous cherchons l'amour, le bonheur e l'innocence; nous ne serons jamais assez loin de toi.

J. J. Rousseau.

Выѣзжая изъ Парижа, я могъ бы

отъ души повторить эти слова, замѣнивъ слово *любовь* словомъ спокойствіе, и говоря отъ единственнаго лица, потому что мой Никаноръ Федотычъ не искалъ ничего, и съ радостію отправился бы назадъ въ Москву бѣлокаменную,— повторяя Русскую пословицу: «Отъ «добра добра не ищутъ.»—Я не скажу ни слова о моемъ путешествіи отъ Парижа до Бордо. Я нигдѣ не останавливался, ѣхалъ очень скоро и рѣшился пробыть здѣсь сутки для того только, чтобы отдохнуть. Я успѣлъ однако же замѣтить мимоходомъ, что чѣмъ далѣе ѣдешь отъ Парижа, тѣмъ лучше и добрѣе становится Французскій народъ. Какъ я не боюсь оскорбить разборчивый вкусъ моихъ читателей и разгнѣвать тѣхъ, для которыхъ Парижъ то же самое, что Мекка для правовѣрныхъ Мусульманъ, но никакъ не могу

удержаться, чтобъ не сравнить эту *столицу Европейскаго просвѣщенія* съ великолѣпнымъ мраморнымъ резервуаромъ, который превратился въ помойную яму отъ того, что въ него стекаетъ грязь и нечистота со всѣхъ концевъ Франціи.

Не смотря на мою любовь къ путешествіямъ, я начинаю скучать этой страннической жизнію; да такъ и быть должно: наши мечты всегда пріятнѣе дѣйствительности, и до сихъ поръ одно разочарованіе быстро слѣдовало за другимъ. Что—то будетъ въ Андалузіи?... Впрочемъ и то хорошо, если я когда нибудь повторю слова автора «Недоросля», который въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: «Я очень радъ, что «видѣлъ чужіе краи. По крайней мѣрѣ «не могутъ мнѣ инпозировать наши gens de France. Много пріобрѣлъ я

«пользы отъ путешествія. Кромѣ по-«правленія здоровья, научился я быть «снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, «которые оскорбляли меня въ моемъ «отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой «землѣ худаго гороздо больше, нежели «добраго; что люди вездѣ люди; что «умные люди вездѣ рѣдки; что дура-«ковъ вездѣ изобильно, и, словомъ, что «наша нація не хуже ни которой, и «что мы дома можемъ наслаждаться «истиннымъ счастіемъ, за которымъ «нѣтъ нужды шататься въ чужихъ кра-«яхъ.»

Баіонна.

Вотъ и конецъ Франціи. Баіонна городъ почти Испанскій: вы на каждомъ шагу встрѣчаете смуглыя, южныя физіономіи, слышите звуки Испанскаго языка;

передъ вами рѣка, которую называютъ *Адуромъ*. Одежда *Басковъ*, этихъ полу-испанскихъ Французовъ, ихъ пѣсни, обычаи, забавы—все напоминаетъ вамъ Испанцевъ: всѣ пьютъ шоколадъ, играютъ на гитарѣ и знаютъ, что такое фанданго и волеро.

Я очень радъ, что познакомился съ южными провинціями Франціи; теперь я люблю Французовъ несравненно болѣе, чѣмъ тогда, когда жилъ въ Парижѣ. Мы напрасно смѣшиваемъ *Парижанъ* съ *Французами*: это два народа, которые во многомъ не походятъ другъ на друга. Во Французскихъ провинціяхъ вы встрѣтите очень часто людей набожныхъ, благочестивыхъ, простодушныхъ и безкорыстныхъ. Не хотите ли ихъ поискать въ Парижѣ? Въ южныхъ провинціяхъ Франціи сохранилась еще эта добрая, простодушная веселость, кото-

рая въ Парижѣ превратилась въ какой-то буйный цинизмъ и совершенное развращеніе нравовъ. Парижане называютъ это просвѣщеніемъ и смѣются надъ провинціялами, которые ходятъ въ церковь для того, чтобъ молиться, толкуютъ о чистотѣ нравовъ, женятся и выходятъ за мужъ для того, чтобъ любить другъ друга, и стыдятся своихъ слабостей, а не щеголяютъ ими. Французскій крестьянинъ, если только онъ живетъ неблизко отъ Парижа, добръ, услужливъ и отмѣнно простосердеченъ; въ послѣднемъ онъ даже беретъ преимущество надъ нашимъ Русскимъ мужичкомъ, но за то уступаетъ ему и въ умѣ и въ смѣтливости, и въ этомъ природномъ досужествѣ, которымъ отличается крестьянинъ нашихъ Великороссійскихъ губерній. Возьмите, напримѣръ, какого нибудь Владимірца, Ярославца—что за молодецъ такой! Прово-

ренъ, ловокъ, толковитъ; вы ему намекнули, онъ понялъ,—взглянулъ и перенялъ. Да что и говорить—на все гораздъ! А если дѣло пойдетъ на *проводы*, такъ проведетъ кого хотите. Французскій крестьянинъ тяжелъ, простоватъ и чрезвычайно легковѣренъ; для него нѣкоторое образованіе гораздо необходимѣе, чѣмъ для нашего мужичка, который съ своимъ простымъ Русскимъ толкомъ и деревянными счетами, безъ всякой бухгалтеріи становится частехонько милліонщикомъ.

Многіе думаютъ, что одежда нашихъ крестьянъ несравненно хуже Французской; да это отъ того, что мы видимъ только на сценѣ Французскихъ крестьянъ, а посмотрите—ка ихъ поближе, такъ вы увидите, что женскій ихъ нарядъ ни чѣмъ не лучше Русскаго сарафана, а головной уборъ *Кошуазокъ* даже

безобразнѣе нашихъ кичекъ. Ихъ уродливые деревянные башмаки (sabots), въ которыхъ онѣ ходятъ и стучатъ какъ подкованныя лошади, право не красивѣе Русскихъ лаптей; а похожая на саванъ Французская блуза, изъ посконной небѣленой холстины, рѣшительно хуже нашей крестьянской съ косымъ воротомъ рубашки, которая своимъ покроемъ напоминаетъ Граческій тюникъ. Издали все кажется хорошимъ, а особливо если то, что мы видимъ вдали, не наше, а чужое.

Я нанялъ сего-дня Испанскаго аріеро (извощика). Онъ впрягаетъ шесть муловъ въ дорожную коляску, которую я купилъ у проѣзжаго Англичанина. Сей часъ входилъ ко мнѣ Никаноръ Өедотычь объявить, что чрезъ четверть часа все будетъ готово къ нашему отъѣзду. «Ну, сударь,» сказалъ онъ, «не скоро

мы поѣдемъ! Посмотрите, какихъ одровъ намъ заложили: лошади не лошади, ослы не ослы—чортъ знаетъ что такое? А извощикъ безъ кнута? Вотъ я ему началъ толковать руками и такъ и этакъ. «Какъ-дискать тебѣ, братецъ, безъ погонялки быть! Есть ли у тебя кнутъ или бичъ? Тебѣ надо что нибудь!» Что жъ, Владиміръ Сергѣевичь? вѣдь онъ отвѣчалъ мнѣ по-русски.»

— «Неужели?»

— «Да вѣдь какъ чисто, сударь! Замоталъ головою, да и сказалъ: «нада.» — «Ну а если надо,» закричалъ я, «такъ чтожъ у тебя кнута нѣтъ?» Онъ посмотрѣлъ на меня изъ-подъ своей дурацкой шляпы, а шляпа-то съ добрый жерновъ будетъ, да и повернулся ко мнѣ спиной.

—«Ты его не понялъ, Никаноръ. По-испански «нада» значитъ ничего.»

—«Какъ ничего? Такъ чтожъ онъ кулаками чтоль лошадей погонять будетъ?»

—«Нѣтъ, онъ станетъ въ нихъ бросать камешками».

—«Вотъ что! Такъ этакъ-то у нихъ лошадей понукаютъ? То-то онъ все по двору камешки и набираетъ. Эка диковинка, подумаешь! А воля ваша, сударь, хоть это и по-гишпански, только, право, хуже нашего. То ли дѣло нашъ ременный кнутикъ—помахивай себѣ, да и только!»

Я расплатился съ хозяиномъ гостинницы и сажусь въ коляску. Черезъ нѣсколько часовъ я буду у подошвы Пириней. Я не хочу заѣзжать въ Мадритъ; поѣду на Бургоси, на Саламанку, потомъ черезъ Эстрамадуру въ Севиллу; тамъ я отдохну дня два или тра. Я такъ много читалъ объ этой столицѣ Анда-

лузіи, о ея дивномъ соборѣ, о красивыхъ садахъ ея, разбросанныхъ по берегамъ великолѣпнаго Гвадалквивира. Посмотримъ, справедлива ли Испанская народная пословица:

«Quien non ha visto Sevilla,
«Non ha visto maravilla.»

то есть: «кто не видѣлъ Севиллы, тотъ не видѣлъ чуда.»

Вента близъ Гранады (*).

До Гранады осталось шесть *легъ* (тридцать верстъ). Я не говорилъ еще ни

(*) Я предувѣдомлялъ уже читателей, что большая часть моихъ путевыхъ записокъ потеряна. Вотъ почему я не говорю ни слова объ ученой Саламанкѣ и знаменитой Севиллѣ, которая, не смотря на свои узкія и кривыя улицы, вполнѣ оправдываетъ народную Испанскую пословицу. Мои записки начинаются снова спустя пять недѣль послѣ отъѣзда моего изъ Баіонны.

разу объ Испанскихъ постоялыхъ дворахъ : тѣ , которые выстроены на большихъ дорогахъ, называются *вентами*; деревенскіе трактиры зовутъ *посадами*; а гародскія гостинницы *фондами*, и въ этихъ фондахъ не найдете вы большаго покоя; но по крайней мѣрѣ вамъ отведутъ особую комнату и подадутъ кушанье, приправленное не вонючимъ лампаднымъ, а довольно сноснымъ оливковымъ масломъ. Я думалъ прежде, что нѣтъ ничего безпокойнѣе непріятнѣе жидовской корчмы; но, кажется, постоялые дворы въ Испаніи еще хуже. Вента, въ которой я сего-дня ночую, одна изъ лучшихъ въ Андалузіи. Въ ней даже нашелся отдѣльный чуланчикъ, гдѣ я теперь пишу при свѣтѣ лампады. Въ этой темной конурѣ прорублено небольшое окно, сквозь которое я могу видѣть въ полной красотѣ всю внутрен-

ность Испанской венты. Представьте себѣ обширную комнату, или, лучше сказать, сарай, у котораго не потолокъ, а кровля поддерживается четыреугольными каменными столбами; нѣсколько узенькихъ оконъ, какъ будто не-хотя, пропускаютъ свѣтъ во внутренность этого сарая; вдоль стѣнъ привязаны къ яслямъ мулы и лошади извощиковъ, которыхъ шумная ватага ѣстъ и прохлаждается за двумя огромными столами. Прямо противъ входа, на широкомъ очагѣ, трещитъ и вспыхиваетъ тощій огонекъ, обхватывая густымъ дымомъ вязанку сырой соломы, перемѣшанной съ хворостомъ. Около очага стоятъ глиняные кувшины почти въ ростъ человѣческій; въ нихъ налита колодезная вода для муловъ и лошадей. Подлѣ одного изъ столовъ сидитъ на деревянномъ чурбанѣ слѣпой старикъ; онъ бренчитъ на разстроенной

вигуели. Мой Никоноръ слушаетъ старика съ большимъ вниманіемъ, вѣроятно потому, что инструментъ его весьма походитъ на нашу Русскую балалайку. За другимъ столомъ ужасно шумятъ и ругаютя съ хозяиномъ постоялаго двора два пьяные погонщика изъ Аррагоніи; они кричатъ, что ихъ ужинъ не стоитъ и одного маравединса (*): клянутся святымъ Фабриціемъ, что хозяинъ постоялаго двора *амбустеро,* то есть плутъ; что во всей Андалузіи нѣтъ ни одного трактирщика *стараго Христіанина*; что въ Аррагоніи послѣдній *Хитано* (цыганъ) честнѣе любова Гранадскаго *Гидалго* (дворянина). Хозяинъ вступается за честь своей родины, кричитъ какъ безумный, машетъ поварскимъ ножемъ и называетъ Аррагонцевъ

(*) Маравединсъ почти тоже, что наша денежка.

жидами; другіе извощики берутъ сторону своихъ товарищей; къ хозяину присоединяется толстая служанка: она покрываетъ своимъ визгливымъ крикомъ возгласы пьяныхъ извощиковъ. Эта запачканнная и растрепанная баба такъ уродлива и безобразна, что, глядя на нее, я невольно вспоминаю знаменитую *Мариторну*. Вы вѣрно ее знаете, любезные читатели, потому что безъ всякаго сомнѣнія читали диковинныя приключенія рыцаря *Донъ Кихота* ламанчскаго, съ которымъ мы, Русские, познакомились тогда еще, когда его звали Донъ Кишотомъ. Все, что происходитъ передо мною, такъ живо напоминаетъ мнѣ нѣкоторыя главы изъ этого безсмертнаго романа, что я безпрестанно поглядываю на дверь: мнѣ все кажется, что она сей часъ растворится и войдетъ длинный рыцарь *Плачевнаго образа* вмѣстѣ съ своимъ при-

земистымъ оруженосцемъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, кто-то отворяетъ дверь и, съ надворья, высовывается голова, но только покрытая не мѣднымъ тазомъ, а шерстянымъ капишономъ. Это монахъ капуцинскаго ордена. При появленіи его шумъ прерывается; онъ входитъ въ венту, и сложивъ руки крестъ на крестъ, говоритъ: Ave Maria Purissima!» Всѣ присутствующіе встаютъ и отвѣчаютъ въ одинъ голосъ: «Sine peccado concebida!» Брань утихаетъ; Мариторна хлопочетъ около очага, чтобъ накормить скорѣе капуцина; хозяинъ затыкаетъ за поясъ свой поваренный ножъ и перестаетъ перебраниваться съ пьяными Аррагонцами. Мало по малу все приходитъ въ порядокъ; извощики ложатся спать кто на полу, кто на скамьѣ; Аррагонцы, выпивъ еще по кружкѣ вина, располагаются преспокойно подъ сто-

ломъ; хозяинъ уступаетъ свою собственную постель монаху, и черезъ нѣсколько минутъ въ этой шумной вентѣ, выключая меня, все спитъ мертвымъ сномъ.

Гранада

Какъ живописно положеніе Гранады! Я не могъ наблюбоваться имъ, когда мы спустились съ восточнаго ската *Сіерра-Невады* (снѣжной горы) въ долину, по которой текутъ *Дарро* и *Хениль*. Этѣ двѣ рѣчки огибаютъ подошву *Сіерра де Санта Елена* (такъ называютъ Испанцы одну изъ отраслей Сіерра Невады), которая вдается мысомъ въ Гранадскую долину . Начиная отъ самой ея подошвы до того мѣста, гдѣ Хениль и Дарро сливаютъ свои воды, по обоимъ берегамъ этой послѣдней рѣки возвы-

шается амфитеатромъ великолѣпная Гранада, этотъ драгоцѣнный перлъ древняго Мавританскаго царства въ Испаніи. Близъ самой оконечности горнаго мыса, на полугорѣ, подымаются башни волшебной Альямбры; еще выше красуются и зеленѣютъ тѣнистые сады Хенералифа. Есльбъ Мавры не оставили, кромѣ этихъ двухъ зданій, никакихъ другихъ слѣдовъ своего владычества въ Иалпніи, то и тогда бы мы имѣли высокое понятіе объ изящномъ вкусѣ, просвѣщеніи и могуществѣ ихъ царей. Когда подумаешь, сколько народовъ исчезло совершенно съ лица земли, и какъ измѣнились тѣ, которые еще хотя по имени существуютъ! Прошу отгадать въ кочующихъ по Африканскимъ берегамъ Средиземнаго моря дикихъ, необразованныхъ Бедуинахъ этихъ піитическихъ Мавровъ съ ихъ просвѣще-

ніемъ, роскошью и рыцарскими нравами; или не угодно ли вамъ открыть какое нибудь сходство у нынѣшняго Грека, который торгуетъ финиками, съ какимъ нибудь ученикомъ Сократа или собесѣдникомъ Перикла и Алкивіада.

Я занимаю нѣсколько комнатъ въ лучшей Гранадской фондѣ: она у самыхъ воротъ, которыми въѣзжаютъ на площадь *Виварамбла*. Содержатель этой гостиницы, Франциско Гонзалецъ, умный и весьма услужливый Эстрамадурецъ; онъ взялся быть моимъ путеводителемъ во все время пребыванія моего въ Гранадѣ, которое впрочемъ будемъ непродолжительно: я проживу здѣсь не болѣе недѣли. Въ Севиллѣ нашъ Русской консулъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ одной изъ первыхъ здѣшнихъ *Донасъ*, Графинѣ Біанкѣ Аладерра. Я

отослалъ его вчера съ трактирнымъ слугою и сего-дня приглашенъ къ этой Графинѣ на рефреско (*).

Я сижу за письменнымъ столомъ противъ отрытаго окна; передо мною вся площадь. Наши понятія о городскихъ домахъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что теперь у меня передъ глазами. Представьте себѣ высокіе не кирпичные, а каменные дома, у которыхъ черепичныя кровли опускаются навѣсомъ; у многихъ домовъ они такъ далеко выдаются впередъ, что ихъ поддерживаютъ желѣзныя, а иногда простыя деревянныя подпорки. Я не умѣю вамъ сказать, какой архитектуры эти дома; во всякомъ случаѣ въ нихъ вовсе незамѣтна *симетрія*, такъ строго наблюдаемая въ нашихъ городскихъ зданіяхъ. Подлѣ большаго окна

(*) Званый вечеръ.

маленькое, въ одномъ и томъ же этажѣ одинъ балконъ выше другаго; рядомъ съ обыкновеннымъ входомъ готическая, украшенная рѣзьбою, дверь. Вотъ домъ, у котораго одна часть нижняго этажа обложена въ ростъ человѣческій росписными изразцами, а другая даже не выкрашена; подлѣ него зданіе, которое напоминаетъ Италіянскую виллу съ плоской кровлею; но къ нему пристроены какія-то башенки и странные мезонины въ Мавританскомъ вкусѣ; нѣсколько подалѣе пятиэтажный, похожій на башню, домъ; у него, вмѣсто балкона, прилѣплена къ стѣнѣ каменная избушка съ тремя окнами и черепичной кровлею. Подъ этимъ висячимъ домикомъ, между шоколадной фабрики и лавки съ съѣстными припасами, часовня, которой вся внутренность украшена цвѣтами. Почти подъ каждымъ окномъ балконъ. У насъ

наружныя занавѣски, которыя мы называемъ *маркизами*, очень красивы; а здѣсь, напротивъ, онѣ безобразятъ лицевую сторону дома. Если эта занавѣска опущена, то мотается просто какъ скатерть или простыня, которую просушиваютъ на солнышкѣ; если же она подобрана, то вы подумаете, что это небрежно скатанный кусокъ холста, который, неизвѣстно для чего, прихватили ремнями къ стѣнѣ и повѣсили надъ окномъ. Вся эта пестрота и, если можно такъ выразиться, архитектурная разноголосица, имѣетъ однакожъ свою прелесть. Классическая стройность нашихъ Петербургскихъ зданій такъ единообразна! При первомъ взглядѣ ихъ изащная архитектура поражаетъ насъ удивленіемъ; но мы скоро привыкаемъ къ этимъ величественнымъ портикамъ, безпорожнымъ фронтонамъ, симметрическимъ противу-

положностямъ и широкимъ, прямымъ улицамъ. Мы желали бы иногда зайти въ узенькій переулокъ, который извивается какъ дорожка въ Англійскомъ саду: желали бы встрѣтить рядомъ съ Греческимъ храмомъ какой нибудь архитектурный капризъ. Наше любопытство и вниманіе поддерживается разнообразіемъ; а все одно да одно, какъ бы оно ни было прекрасно, сначала приглядится, а тамъ надоѣстъ....

Вотъ уже около часу, какъ я не могу оторваться отъ окна. Какая жизнь на этой площади! У дверей каждаго дома сидятъ отдѣльными группами мущины и женщины. Въ одномъ мѣстѣ поютъ, въ другомъ раздаются тихіе аккорды благозвучной Испанской гитары. Здѣсь площадный музыкантъ забавляетъ толпу своимъ искусствомъ: онъ бьетъ правой рукою въ барабанъ, а лѣвою играетъ

на какой-то дудкѣ. Вонъ тамъ вдали, за большой толпою народа, кажется пляшутъ.... да! такъ точно! до меня долетаютъ рѣзкіе звуки Андалузскихъ кастаньетовъ. Вся площадь кипитъ народомъ. Какая пестрота! Вотъ Алжирскій Мавръ въ щеголеватой одеждѣ Мамелюка; онъ разговариваетъ съ Тунисскимъ Бедуиномъ, закутаннымъ въ свой бѣлый плащъ; тутъ босой Кармелитской монахъ толкуетъ съ чернобородымъ *хитано*, у котораго на ногахъ что-то похожее на древнія котурны. Подъ моимъ окномъ сидитъ длинный, худощавый и прегордый Испанецъ, съ огромными усами, въ изломанной шляпѣ съ высокою тульею; изношенная капка, то есть епанча, въ которую онъ закутанъ, вся въ дырахъ и заплатахъ: это нищій. Вотъ онъ останавливаетъ одного полупьянаго крестьянина. Не угодно ли вамъ послушать,

какъ онъ просить у него милостину? «Сеноръ гидалго, то есть, господинъ дворянинъ, извините! у меня нѣтъ мелкихъ денегъ.» Крестьянинъ даетъ ему мараведисъ, нищій приподымаетъ свою шляпу и говоритъ преважно: «Сеноръ кабалеро! я вашъ должникъ.» Подлѣ этого церемоннаго нищаго два пастуха съ Сіерра Морены, въ овчинныхъ *чупахъ*, напоминающихъ Черкескія бурки; говоря межъ собою, величаютъ другъ друга кавалерами. Недалеко отъ нихъ. монахъ Доминиканскаго ордена продаетъ четки старой дуэньѣ (*). Вотъ идетъ стройная какъ пальма и, кажется, молоденькая *донасъ*; ея дѣтскія ножки обуты въ черные атласные башмаки; она завернулась въ свою баскинью (**); на

(*) Старуха, нянюшка.

(**) *Баскинья* — широкое верхнее платье.

головѣ ея развѣвается закинутая назадъ бѣлая *мантилья* (*). Вотъ она проходитъ момо моего окна. Я не ошибся: она и молода и прекрасна. Черные, огненные глаза ея устремлены съ любовью на молодаго человѣка въ зеленомъ фракѣ и трехъугольной шляпѣ; одной рукой онъ поправляетъ накинутый на лѣвое плечо щеголеватый *табарро* (**), въ другой держитъ опахало своей дамы; она называетъ его вполголоса: «mi amigo!» Теперь понимаю; этотъ молодой человѣкъ ея кортехо (***). Позади ихъ, шагахъ въ десяти, идетъ мущина, закутанный въ черную капу; шляпа его надвинута на глаза, одна

(*) Мантилья — головной уборъ, родъ покрывала.

(**) Табарро — короткой плащь,

(***) Кортехо тоже самое, что чичизбей въ Италіи.

рука прижата къ груди. Если не ошибаюсь, онъ держится ею за рукоятку своего кинжала....Такъ точно! Это не мужъ хорошенькой допасъ, а ревнивый соперникъ, который ожидаетъ удобнаго случая, чтобъ отправить на тотъ свѣтъ счастливаго кортехо. Я говорю *счастливаго*, потому что этотъ кажется мнѣ такимъ, а по большой части участь этихъ *официіальныхъ* обожателей вовсе незавидна. Кортехо прекрасной, и даже непрекрасной женщины, отправляетъ должность безсмѣннаго ординарца, и находится при ней для одпѣхъ посылокъ. Онъ можетъ только вздыхать, жаловаться на свою судьбу и любить жестокую точно такъ же, какъ любилъ Донъ Кихотъ свою Дулцинею, то есть, самымъ рыцарскимъ и безкорыстнымъ образомъ. Но вотъ толпа, посреди которой слышенъ былъ звукъ кастаньетовъ, разсту-

пилась; танцовщикъ и танцовщица выходятъ на средину площади. Не знаю, что они танцовали, веселое *фанданго* или разгульное *волеро*, но ужъ вѣрно не плавную *сардану* и не тяжелую *капону*: они такъ устали! такъ раскраснѣлись! Вотъ они подходятъ ближе къ моему окну.... А! да эта парочка одѣта въ щегольское національное платье; этотъ молодецъ вѣрно одинъ изъ первыхъ Андалузскихъ *махо* (*); да и подруга его настоящая *маха*. У мущины на головѣ длинная шелковая *резедилья* (сѣтка); онъ одѣтъ въ свѣтлосинюю бархатную куртку, обшитую золотой бахрамою, съ багатыми парчевыми наплечниками; подъ нею жилетъ песочнаго цвѣта, выложенный золотыми снурками;

(*) Махо и маха, простонародные щеголь и щеголиха.

онъ подпоясанъ пунцовымъ кушакомъ; на лѣвомъ плечѣ мастерски удрапирована темнозеленая капа. На головѣ у дѣвушки ярко вызолоченный гребень съ коронкою; изъ подъ него опускается бѣлая кисейная мантилья; голубой корсетъ не стягиваетъ, а только обрисовываетъ ея прелестный станъ; на рукавахъ ея оплечья или береты изъ золотой матеріи; коротенькая розовая юпочка, обшитая въ нѣсколько рядовъ черной шелковой бахрамою, бѣлые чулки съ цвѣтными стрѣлками, желтые башмаки, и въ рукѣ не опахало, а чотки. Вотъ день начинаетъ вечерять; число гуляющихъ примѣтно умножается; площадь становится шумнѣе; пронзительные крики разнощиковъ покрываютъ глухой говоръ толпы; въ двадцати различныхъ мѣстахъ раздаются осиплые голоса старухъ; онѣ кричатъ: «Аква фреска! аква

фрескита!» (свѣжая вода). Вотъ послышался вдали звонъ колокольчика. Вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, по всей площади разливается мертвая тишина; изъ переулка показалось нѣсколько священниковъ въ полномъ облаченіи: они несутъ Святые дары къ умирающему. Когда процессія вышла на площадь, тысяча головъ склонились долу; многіе падаютъ на колѣни и повергаются во прахъ передъ несомымъ въ торжествѣ Святымъ потиромъ. Я не могу описать впечатлѣнія, которое производитъ на душу это внезапное молчаніе, изрѣдка прерываемое вздохами и тихой молитвою, многолюдной толпы, за минуту до того шумной и веселой; невольно преклоняются колѣна и сладостное умиленіе проникаетъ въ сердце. Боже мой! какого высокаго наслажденія лишенъ тотъ,

кто не вѣруетъ: никогда въ этой земной жизни душа его, подавленная страстями, побѣжденная тѣломъ, не воспрянетъ отъ своего мертваго сна; никогда не почувствуетъ онъ того, что чувствуетъ грѣшникъ Христіанинъ, когда раскаяніе, а вмѣстѣ съ нимъ и любовь, коснутся безсмертной души его, когда онъ въ восторгѣ неизъяснимой радости воскликнетъ: «Живъ Богъ, жива душа моя!»

Я ѣздилъ сей часъ въ наемной каретѣ (caleseros) къ графинѣ Біанкѣ Аладерра; но, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось посмотрѣть, что такое Испанское *рефреско*. Графиня получила извѣстіе, что одинъ изъ дальнихъ ея родственниковъ скончался. Хотя она вовсе не была огорчена этой смертію но должна была отмѣнить свой бальный вечеръ.

Вѣроятно я, какъ иностранецъ, какъ *Сеноръ Русіано*, не попалъ въ число тѣхъ гостей, которымъ велѣно было отказывать. У дверей дома встрѣтилъ меня дворецкой ея сіятельства, одѣтый съ головы до ногъ въ черное. Я прошелъ въ слѣдъ за нимъ узкимъ корридоромъ, въ концѣ котораго двое слугъ, въ богатыхъ ливреяхъ, растворили широкую дверь, и я увидѣлъ передъ собою четырехъ-сторонній дворъ, вымощенный каменными плитами; посреди его въ мраморномъ бассейнѣ билъ фонтанъ. Три стороны этого двора, который Испанцы называютъ patio, составлялись изъ внутреннихъ стѣнъ дома, прорѣзанныхъ двухъэтажными аркадами, четвертая, обращенная ко входу, имѣла во второмъ этажѣ одно только большое окно съ балкономъ. Подъ нижними арками были стеклянныя двери; онѣ служили въ одно

время и входомъ и освѣщеніемъ для отдѣльныхъ комнатъ, изъ которыхъ составлялся весь первый этажъ дома. Въ ненасную погоду и полуденный жаръ, этотъ дворъ, служащій обыкновенно пріемной залою для хозяина, накрывается холстиннымъ потолкомъ и тогда онъ очень походитъ на огромную палатку. Вдоль стѣнъ этой полувоздушной гостинной разбросаны были клумбы цвѣтовъ и благовонныхъ кустарниковъ. Хозяйка дома и нѣсколько другихъ дамъ сидѣли противъ самаго входа, на низкомъ диванѣ, или лучше сказать, на простой скамьѣ, обитой шерстяной матеріею; съ правой стороны въ широкихъ креслахъ покоилась какая-то духовная особа. Я тотчасъ догадался, что это долженъ быть Гранадской Епископъ; потому что его безпрестанно величали *Усія иллюстриссима*. По лѣвой сторонѣ стояло

нѣсколько порожнихъ стульевъ и сидѣлъ важный Испанскій грандъ, первой или второй степени, право не знаю. Я отгадалъ его званіе, потопу что графиня Аладерра и старая *Дукеса* (герцогиня), которая сидѣла съ ней рядомъ, говорили ему *ты*, и онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же (*). Хозяйка сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу, и проговорила съ ласковой улыбкою: «Senor caballero, me alegro di ver que su merced esta bueno!» то есть: « Господинъ кавалеръ! я радуюсь, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ! » Я отвѣчалъ ей на это: « Viva su exellenza mille anos! — Да живетъ ваше превосходительсто тысячу лѣтъ! »—Потомъ графиня сѣла на прежнее мѣсто, а я занялъ одинъ изъ порожнихъ стульевъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, сдѣлан-

(*) Испанскіе гранды и вообще всѣ знатные говорятъ другъ другу: *ты*.

ныхъ хозяйкою о томъ, нравится ли мнѣ Гранада и долго ли я въ ней пробуду-старая Дукеса спросила меня, какую исповѣдуютъ вѣру въ Россіи? Разумѣется, я отвѣчалъ, что мы Христіане. Усія илюстриссима, то есть епископъ, улыбнулся, а Испанской грандъ повторилъ сквозь зубы: «Христіане! то есть, Лютеране?»

— «Извините, экселенція! мы Греческаго исповѣданія.»

— «Да это все одно и то же! Во всякомъ случаѣ, сеноръ кабалеро, я васъ поздравляю, что вы не Французъ. Русской чему нибудь да вѣритъ, а Французъ!... Этотъ пагано, магометано, демоніо!...»

— «Ah! Maria santissima!»—вскричала хозяйка, — » какъ можно такъ ругать Французовъ? Они Католики.»

— «Да, конечно,» — перервалъ съ

улыбкою епископъ,—«и Вольтеръ былъ Католикъ.»

— « Вольтеръ! » — воскликнулъ экселенція;—»этотъ богоотступникъ, для котораго не было ничего святаго? Онъ Католикъ?... Vulgame Dios! »

— « Скажите, сеноръ Русіано,»—продолжала хозяйка обращаясь ко мнѣ,— «ваша свита скоро сюда будетъ?»

— « Моя свита, графиня?... У меня нѣтъ никакой свиты. Со мною одинъ слуга.»

— « Возможно ли? Такой богатый и знатный гидалго, какъ вы?... Но, можетъ быть, вы любите путешествовать инкогнито?...»

— « Ай, ай!» подумалъ я, — « видно нашъ коснулъ не поскупился надѣлить меня въ своемъ рекомендательномъ письмѣ и знатностью и богатствомъ!»—Старая *Дукеса* принялась разспрашивать

меня о Россіи, и когда я сказалъ ей, что у насъ теперь, то есть, въ Генварѣ мѣсяцѣ, всѣ рѣки покрыты толстымъ льдомъ, а на улицу нельзя выйдти безъ шубы, то она всплеснула руками и закричала: «О, buenna tanta Barbara!... Да что жъ это за земля такая?» Чтобъ разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное моимъ разсказомъ, я сталъ ей говорить о Петербургскихъ зимнихъ забавахъ, театрахъ, великолѣпныхъ балахъ, концертахъ; а когда дѣло дошло до санной ѣзды и нашихъ зимнихъ катаньевъ, то я сдѣлался настоящимъ восточнымъ поэтомъ. Я разсказывалъ ей, какъ у насъ зимою лунныя ночи свѣтлѣе лѣтняго дня; какъ всѣ деревья, вмѣсто увядшихъ, запыленныхъ листьевъ, осыпаны лебяжьимъ пухомъ, поля и горы покрыты не пожелтѣлой травою, а усѣяны толчеными алмазами, изум-

рудами и мелкимъ жемчугомъ; какъ наши барыни, закутанныя въ собольи шубы, летаютъ по гладкой, какъ мраморъ, дорогѣ, въ раззолоченыхъ саняхъ и какъ всѣ онѣ кажутся прекрасными, когда ихъ лилейныя щеки горятъ и пылаютъ отъ нашего Русскаго мороза. Всѣ слушали меня съ большимъ вниманіемъ, а особливо одна разрумяненная донасъ, помоложе другихъ, которую хазяйка называла Серафимою. Она не скрывала своего восторга и безпрестанно перерывала мой разсказъ восклицаніями: «О, santa Maria! Какъ хороша Русская зима! Famoso! Dilicioso!» Я давно уже замѣтилъ, что эта дона Серафима очень ласково на меня посматриваетъ.... Она не дурна собою: у нее большіе, прекрасные глаза; но они уже слишкомъ напоминаютъ *пламенный югъ*. Какъ она на меня смотрѣла!... Съ

какимъ простодушіемъ эти черные блестящіе глаза высказывали мнѣ, что мои свѣтлорусыя волосы и сѣверная моя физіономія ей очень нравятся. Въ первый еще разъ, разумѣется съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтства, я не могъ выдержать взгляда женщины, вовсе для меня неинтересной, и покраснѣлъ какъ осмилѣтній ребенокъ. Я пробылъ у графини Аладерра часа полтора и выпивъ чашку шоколада, отправился домой.

Сего-дня я смотрѣлъ здѣшнюю каѳедральную церковь; вѣроятно она показалась бы мнѣ великолѣпною, еслибъ я не видѣлъ Севильскій соборный храмъ, который можетъ по справедливости назваться чудомъ готической архитектуры, и конечно не имѣетъ себѣ равнаго, потому что соборная церковь въ Кельнѣ

не достроена; она одна могла бы, по своему колоссальному объему, стать рядомъ съ этимъ необъятнымъ зданіемъ, посвященнымъ истинному Богу. Изъ собора я отправился гулять въ *Paseo*— такъ называется Гранадская *Аламеда*, или публичное гулянье. Оно расположено по правому берегу Хениля. Представьте себѣ длинную, усыпанную пескомъ площадь шаговъ въ пятьдесятъ шириною; по обѣимъ сторонамъ ея тянутся густыя аллеи изъ вязовъ и пахучихъ акацій, опушенныя сплошными кустами розановъ, жасминовъ и другихъ благовонныхъ растеній. На одномъ концѣ этой площиди вы видите великолѣпный водометъ, за которымъ начинаются гористыя мѣста, покрытыя густымъ лѣсомъ. На противуположной сторонѣ гулянья возвышаются уступами городскія зданія, виноградники, и окруженный

со всѣхъ сторонъ рощами обширный монастырь, закрывающій собою Альмабру и часть Хенералифа, а надъ всѣмъ этимъ изгибистая и зубчатая вершина подоблачной *Сіерра Неводы.* Гуляющихъ было очень много. Въ нашихъ, и вообще во всѣхъ Европейскихъ публичныхъ мѣстахъ, мущины составляютъ темную и единообразную часть гуляющей толпы; вся пестрота, всѣ яркіе цвѣты принадлежатъ женщинамъ; ихъ разноцвѣтныя шляпки, шали, косынки и платья рѣзко отдѣляются отъ мужскихъ черныхъ шляпъ и платьевъ, обыкновенно самыхъ темныхъ цвѣтовъ. Въ Испаніи напротивъ, женщины, по большой части, одѣты въ черномъ, и почти всѣ въ своихъ баскиньяхъ одинаковаго покроя; въ то время, какъ вы встрѣчаете на каждомъ шагу монаховъ въ сѣрыхъ и бѣлыхъ рясахъ, офице-

ровъ въ щеголеватыхъ разноцвѣтныхъ по послѣдней Парижской модѣ и патріотовъ въ національной блестящей золотомъ одеждѣ.

Возвращаясь домой, я услышалъ, что изъ втораго этажа одного дома, мимо котораго я проходилъ, прошептали въ полголоса: «Сеноръ кабалеро!» Я поднялъ голову: на балконѣ стояла женщина въ покрывалѣ; она сдѣлала мнѣ знакъ рукою, бросила что-то къ моимъ ногамъ и скрылась. Признаюсь, я очень удивился, когда поднялъ брошенную вещь, и увидѣлъ, что это четки. Странный подарокъ! «Ужъ не приняла ли меня эта донасъ за кого нибудь другаго!» подумалъ я, и хотѣлъ было войдти въ домъ, чтобъ узнать отъ нее самой, нѣтъ ли тутъ какой нибудь ошибки; но мнѣ пришло въ голову, что я могу встрѣтиться съ ревнивымъ мужемъ или стро-

гимъ отцемъ, и я, постоявъ нѣсколько минутъ на улицѣ, рѣшился наконецъ идти домой.

Вчера я заѣзжалъ опять къ графинѣ Аладерра. Она разспрашивала меня о будущихъ моихъ путешествіяхъ и, казалось, очень обрадовалась, когда я сказалъ, что, можетъ быть, останусь навсегда жить въ Андалузіи. Не знаю, къ чему завела она рѣчь о своей пріятельницѣ, донѣ Серафимѣ; только цѣлый часъ читала мнѣ похвальное слово этой зрѣлой дѣвицѣ и всему ея родству. Просидѣвъ часа два у графини, я отправился домой, гдѣ хозяинъ фонды, Франциско Гонзалецъ, дожидался меня; чтобъ идти смотрѣть вмѣстѣ со мною Альямбру и Хенералифъ. Пообѣдавъ на скорую руку, мы отправились пѣшкомъ и прямо

съ площади стали подыматься въ гору по узкой улицѣ, называемой Zacatin, знаменитой во время Мавровъ своими богатыми лавками, въ которыхъ продавались драгоцѣнные каменья, восточный жемчугъ и золотыя вещи. Менѣе чѣмъ въ полчаса мы дошли до *воротъ суда*, главнаго входа въ отдѣльную часть города, окруженную до половины разрушенными стѣнами. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, мы вышли другими воротами на большую площадь и увидѣли передъ собой высокую стѣну, посреди которой возвышалась необъятной величины четырехсторонняя башня, съ небольшими и очень низкими воротами: это была Альямбра. Признаюсь, я ожидалъ совсѣмъ другаго. Мой товарищъ поглядѣлъ на меня съ улыбкою и сказалъ: не торопитесь судить о нашей красавицѣ. Альямбра стыдливая, вос-

точная дѣвушка: эта стѣна служитъ ей покрываломъ; но загляните только за него и вы увидите, что она, не смотря на свою древность, прекрасна, какъ безсмертная Гурія Магометова рая.

Онъ сказалъ правду. Пройдя первый дворъ, вымощенный бѣлыми мраморными плитами, мы вошли воротами, также изъ бѣлаго мрамора, на другой дворъ, называемый Potio de la Alberca. Всю его средину занимаетъ огромный басейнъ; въ прозрачной водѣ его, какъ въ опрокинутомъ зеркалѣ, отражаются куртины пахучихъ кустарниковъ и цвѣтовъ, два красивыхъ водомёта, узорчатыя стѣны зданія и легкія, воздушныя аркады внутренняго портика. Подлѣ одного изъ фонтановъ, на разостланномъ коврѣ, сидѣло нѣсколько дѣвушекъ; онѣ слушали молодаго человѣка, который игралъ на гитарѣ какую-

то заунывную пѣсенку. Все это вмѣстѣ было такъ живописно, такъ прекрасно! и все это было только преддверіемъ чудесъ восточнаго зодчества, поразившихъ меня удивленіемъ, когда мы пошли далѣе. Есть предметы, которыхъ описаніе недоступно не только для прозаиста, но даже для самаго вдохновеннаго поэта. Къ числу ихъ принадлежитъ изящная, но въ тоже время капризная архитектура древнихъ Мавровъ. Какъ могу я передать впечатлѣніе, произведенное на меня залою Абенсераговъ, Судебной палатою, или знаменитымъ дворомъ Львовъ? Что поймете вы изъ моихъ словъ, если я стану вамъ разсказывать, что видѣлъ безчисленное множество двойныхъ колоннъ изъ бѣлаго мрамора, которыя такъ стройны и такъ легки, что, кажется, вовсе не поддерживаютъ своды, а какъ будто

бы висятъ на воздухѣ; какъ опишу я вамъ эти готическія зубчатыя арки, обложенныя мраморной бахрамою; эту яркую пестроту, эти безконечно разнообразные узоры, которыми покрыты всѣ стѣны, и это, — извините смѣлость выраженія, — это каменное кружево, которое изгибается сводомъ или виситъ фестонами надъ вашей головою? Всѣ мои слова будутъ для васъ одними звуками, не выражающими никакой мысли, и безъ помощи живописи не дадутъ вамъ ни малѣйшаго понятія объ этой диковинной Альямбрѣ, въ которой все прекрасно и ничто не походитъ на то, что мы привыкли называть прекраснымъ.

Изъ Альямбры мы отправились въ Хенералифъ. Этотъ *потѣшный* дворецъ древнихъ царей Мавританскихъ почти то же самое, что Альямбра, только въ

гораздо меньшемъ размѣрѣ. Онъ славится своими садами, которые расположены позади его уступами до самой вершины горы. Видъ съ верхней террасы но обширную Гранадскую долину прекрасенъ, но собственно сады показались мнѣ весьма обыкновенными. Эти крытыя аллеи изъ рѣдко посаженныхъ кипарисовъ, эти узенькія прямыя канавки, симметрически расположенные фонтаны, и обдѣланныя камнемъ террасы,—все напоминаетъ наши регулярные сады, которые такъ несносны своимъ единообразіемъ и математическою правильностію. Возвращаясь назалъ, я разстался съ моимъ хозяиномъ у самыхъ Гранадскихъ воротъ: онъ зашелъ къ какому-то знакомому, а я отправился домой. Я шелъ задумавшись по улицѣ, пробираясь сторонкою подлѣ домовъ; вдругъ мнѣ послышалось, что кто-то кашляетъ;

я взглянулъ къ верху.... А! это тотъ самый домъ, изъ котораго вчера мнѣ бросили четки, и, кажется, на балконѣ стоитъ та же самая донасъ, которой угодно было сдѣлать мнѣ этотъ чудный подарокъ. Такъ точно! Она дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки руками; къ сожалѣнію, я во все не знаю этого нѣмаго языка, которымъ въ Испаніи любовники разговариваютъ межъ собою и понимаютъ другъ друга, какъ нельзя лучше. Впрочемъ вѣжливость не бѣда: на всякой случай, я снимаю шляпу и кланяюсь. Сеньюрита бросаетъ что-то къ моимъ ногамъ. Не опять ли четки?... Нѣтъ! букетъ цвѣтовъ. Въ то время, какъ я нагибался, чтобъ поднять этотъ второй подарокъ, она исчезла съ балкона. Посмотримъ, нѣтъ ли чего нибудь въ этомъ букетѣ?—Ну! такъ и есть: записка! Я съ трудомъ разобралъ

нѣсколько словъ, написанныхъ весьма дурнымъ почеркомъ. Вотъ содержаніе этой странной записки:

« Сеноръ кабалеро! Отдайте мнѣ зо-
« лотое колечко, которое вы носите на
« правой рукѣ. Если вы согласны сдѣ-
« лать мнѣ этотъ подарокъ, то ступайте
« завтра поутру въ Кармелитскій мона-
« стырь; у дверей церкви будетъ васъ
« дожидаться женщина въ темнозеленой
« баскинѣ; она подойдетъ къ вамъ и
« скажетъ: » Viva usted mil anos! » — Вы
« можете смѣло отдать ей ваше кольцо! »

Еслибъ я былъ не въ Андалузіи, то подумалъ бы, что какая нибудь проказница хочетъ надо мною позабавиться; но я такъ много читалъ объ Испанскихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыя вовсе не походятъ на наши, что рѣшился посмотрѣть, чѣмъ все это кончится. Мнѣ совсѣмъ не трудно было

разстаться съ этимъ колечкомъ: его подарила мнѣ одна изъ моихъ правнучатныхъ тетушекъ, которая лѣтъ пять тому назадъ заняла у меня на три дня двѣ тысячи рублей, и съ тѣхъ поръ платитъ мнѣ проценты своей родственной любовью. На другой день, то есть сего-дня, я написалъ записку, въ которой увѣдомлялъ мою незнакомку, что посылаю къ ней кольцо, и въ то же время прощаюсь съ нею, потому что черезъ два дня уѣзжаю изъ города, въ которомъ она живетъ; но что я никогда не разстанусь съ ея четками, которыя будутъ мнѣ напоминать, какъ привѣтливы и любезны Гранадскія красавицы. Завернувъ въ эту записку мое кольцо, я отправился часу въ десятомъ въ Кормелитской монастырь. На церковной паперти встрѣтила меня старушка въ темнозеленомъ верхнемъ платьѣ и чер-

ной мантильѣ, которая, къ несчастію, была закинута назадъ и вовсе на закрывала самаго безобразнаго и отвратительнаго лица Испанской дуеньи, которыя вообще не очень красивы собою. Она пробормотала мнѣ на ухо: « Viva usted mil anos! » взяла записку и бросилась отъ меня опрометью, какъ будто бы боялась, чтобъ я не передумалъ и не отнялъ у нее назадъ моего подарка.—Что жъ это значитъ?... Ужъ не показалось ли моей незнакомкѣ,... Ахъ! въ самомъ дѣлѣ.., Несчастная донасъ! какой будетъ для тебя непріятный сюрпризъ!... Въ моемъ кольцѣ вставленъ довольно большой Сибирской *тяжеловѣсъ:* вѣрно ты приняла его за дорогой солитеръ?... Бѣдняжечка!...Думала ли ты, моя почтенная тетушка, что изъ твоего тридцатирублеваго колечка будетъ такъ хлопотать какая

нибудь черноглазая донасъ, у которой отецъ, быть можетъ, благороднѣе самаго Короля (*).

Изъ монастыря я отправился полюбоваться еще разъ Альямброю, и возвращаясь назадъ прошелъ мимо дома, въ которомъ жила моя незнакомая красавица. Видно она цѣлый день не сходитъ съ балкона! Лишь только я показался на концѣ улицы, она сняла тотчасъ перчатку съ правой руки, и на ея пальцѣ заблисталъ мой Сибирской тяжеловѣсъ. Въ ту самую минуту, какъ я взялся за шляпу, чтобъ ей поклониться, она приподняла свое покрывало.— Ба, ба, ба!... да это пріятельница графини Аладерра, это дона Серафима!.. Такъ вотъ почему мнѣ такъ ее расхва-

(*) Многіе изъ Испанскихъ дворянъ совершенно увѣрены въ этомъ.

ливали и такъ много говорили о ея благородномъ родствѣ! Вотъ что! Я вижу тутъ дѣло идетъ о женидьбѣ. Слуга покорный! Я отвѣсилъ ей пренизкой поклонъ и скорымъ шагомъ прошелъ мимо дома. Нѣтъ почтенная донасъ! У васъ хорошенькіе глазки, не спорю! Вы дочь дона Петра де Кухельеро и Гарція де Ласо и Конде де Монтиго, и прочая, и прочая; вы племянница его преосвященства, епископа Гранадскаго, внучатная сестрица Севильскаго корехидора: все это прекрасно, и вы себѣ можете на здоровье владѣть моимъ колечкомъ; но ужъ обручальными кольцами мы вѣрно съ вами не помѣняемся!

Что это значитъ? Понять не могу! Я сижу въ тюрьмѣ за что? вѣрно меня взяли по какой нибудь ошибкѣ? Сбиры,

которые остановили меня сего-дня на улицѣ и привели сюда, не знаютъ ничего; они получили только приказаніе отъ Алькадъ-міора схватить меня; и надобно сказать правду, исполнили это довольно вѣжливо. Я не могу также пожаловаться на мою комнату; еслибъ окна были безъ желѣзныхъ рѣшетокъ, то я, право, не догадался бы, что сижу въ тюрьмѣ. Но вотъ кажется кто-то идетъ; авось узнаю, за что отвели казенную квартиру.

. . . .,

Ну признаюсь, этого ужъ я никакъ не ожидалъ! Вотъ подлинно вѣкъ живи, вѣкъ учись! У меня былъ сей часъ викарій здѣшняго епископа. « Сеноръ кабалеро! »сказалъ онъ, садясь подлѣ меня на стулѣ, « позвольте васъ спросить: вы не женаты? »

— « Нѣтъ, сеноръ Викаріо! »

— « Я былъ въ этомъ увѣренъ. Истинный гидалго, какой бы націи онъ ни былъ, всегда честенъ и благороденъ. »

— « Покорнѣйше васъ благодарю! Но я, право, не понимаю, почему я честенъ и благороденъ, потому только что не женатъ? »

« Вы сей часъ это узнаете: я присланъ къ вамъ отъ доны Серафимы де Кухельеро, законной вашей супруги. »

Я остолбенѣлъ отъ удивленія.

— « Да! » повторилъ Викарій, « отъ вашей законной супруги, ожидающей съ нетерпѣніемъ, чтобъ церковь освятила этотъ бракъ, который обѣщаетъ вамъ такъ много счастія въ будущемъ. »

— Помилуйте! » вскричалъ я, « да за кого вы меня принимаете? »

— « Вы Русской путешественникъ, съ которымъ Усія иллюстриссима, пашъ

Гранадскій Архипастырь, имѣлъ удовольствіе познакомиться у родственницы своей, графини Аладерра.»

—«Такъ почему же вы называете дону Серафиму моей женою?»

—«Потому что вы обручены.»

—«Помилуйте, что вы?... какъ обрученъ?»

—«Вы искали ея руки.»

—«Никогда!»

—«Позвольте! Вы ли писали эту записку?»

—«Да! это моя записка.»

—«Говорила ли вамъ графиня Аладерра, что дона Серафима дѣвица?»

—«Говорила; и я отъ всей души жалѣлъ, что она до сихъ поръ не нашла себѣ мужа.»

—«И вѣроятно для этого подарили ей кольцо? Подумайте хорошенько

кольцо! священный залогъ супружества! »

— « Да я подарилъ бы его и вамъ, еслибъ вы стали меня объ этомъ просить. »

— « Дона Серафима въ отчаяніи, что должна была прибѣгнуть къ правосудію и потребовать, чтобъ васъ задержали въ Гранадѣ; но вы хотѣли уѣхать, покинуть навсегда эту благородную дѣвицу, такъ жестоко вами обольщенную! »

— « Обольщенную! Да помилуйте! кто ее обольщалъ? Я и въ лицо-то ее хорошенько не знаю. »

— « Вы писали къ ней письмо, подарили ей кольцо: а по нашимъ духовнымъ и гражданскимъ законамъ это все то же, еслибъ вы обѣщали па ней жениться. »

— « Что вы, сеноръ Викаріо! Да еслибъ я женился на всѣхъ тѣхъ, ко-

торымъ дарилъ колечки и писалъ письма, то мнѣ пришлось бы сдѣлаться магометаниномъ. »

— « Ah san Fabrizio! Прилично ли христіанину говорить такія рѣчи? Перестаньте, сеноръ кабалеро, перестаньте! а отвѣчайте мнѣ лучше рѣшительно, согласны ли вы освятить таинствомъ брака вашъ союзъ съ доной Серафимою де Кухельеро? »

— « Да какой у меня союзъ съ вашей доной Серафимой де Кухельеро? » вскричалъ я съ досадою; « я ее не знаю, да и знать не хочу. »

— « Не сердитесь! » продолжалъ спокойно Викарій; « я не врагъ вашъ, а посланникъ мира. Если надобно, я дамъ вамъ нѣсколько времени на размышленіе. »

— « Помилуйте! да о чемъ мнѣ думать? »

— « Такъ отвѣчайте на мой вопросъ: согласны ли вы жениться на донѣ Серафимѣ или нѣтъ? »

— « Нѣтъ! »

— «Слѣдовательно,» сказалъ Викарій, вставая, « духовная власть должна васъ передать въ руки власти гражданской. Прощайте, сеноръ Русіано! Viva usted con Dios! »

Я снова остался одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ двери опять отворились, и вошелъ Никаноръ Федотычь, за которымъ мнѣ позволили послать въ мою гостинницу.

—« Что это, сударь? » вскричалъ онъ; « за что это васъ въ тюрьму засадили? »

— « За то, что я не хочу жениться. »

— « Какъ такъ? »

— « Да вотъ какъ видишь. »

— « Ахъ, батюшки! да развѣ вы за кого нибудь сватались? »

— « Нѣтъ! Я подарилъ одной барышнѣ золотое колечко, или лучше сказать, она его у меня выпросила. »

— « Такъ чтожъ? »

— « А то, что по здѣшнимъ обычаямъ я долженъ теперь на ней жениться. »

— « Жениться? за то что вы подарили ей колечко? Что за диковинка такая? Вотъ въ какую землю заѣхали!... И вы женитесь? »

— « Ни за что па свѣтѣ. »

— « Ну, а если васъ изъ тюрьмы-то безъ этого не выпустятъ? »

— « Нельзя же когда нибудь не выпустить. »

— « А кто ихъ знаетъ! Вѣдь вы па чужой сторонѣ, вступиться за васъ некому. Э, сударь! знаете ли что? Вы человѣкъ заѣзжій, справляться негдѣ.

Скажите, что вы женаты, такъ и всѣ концы въ воду.»

— «Я лгать не хочу.»

— И Владиміръ Сергѣевичъ! Что съ ними совѣститься, помилуйте! Кабы въ нихъ самихъ была какая ни есть совѣсть, такъ чай бы подумали: «Онъ-дискать человѣкъ чужеземный, небывалый, гдѣ ему знать всѣ наши повѣрья; вѣдь этакъ всякой проѣзжій дастъ маху, а его тотчасъ и въ тюрьму?» То-то и есть, сударь! вы больно совѣстливы. Вотъ я не въ васъ: въ нашемъ трактирѣ у дворника есть дочка—вострруха!... да какая проворная! такъ у нее все въ рукахъ и горитъ! Вотъ ужъ подлинно на обухѣ рожъ молотитъ! И собой не дурна; черненька немного, да за то дѣвка ладная, акуратная! Она, сударь, меня учитъ на гитарѣ, да какими-то щелкушками постукивать; и я

также подарилъ ей вчера томпаковое колечко: дѣвка-то больно на него зарилась; а попытайся-ка она сунуться за меня замужъ, такъ я сей-часъ скажу: « нѣтъ, голубушка! отваливай!... У меня въ Москвѣ жена, да семеро дѣтей, малъ мала меньше! Вѣдь я никто другой, съ меня взятки-то гладки! Хочешь любишь, хочешь нѣтъ; а ужъ на двухъ женахъ не женюсь. »

— « И тебѣ не совѣстно такъ безстыдно лгать? »

— « А имъ, сударь, не совѣстно хватать обманомъ въ мужья, какъ у насъ подчасъ хватаютъ въ рекруты? Что въ самомъ дѣлѣ? взяла келечко, такъ мало? давай еще и мужа въ придачу! Нѣтъ, жирно будетъ! »

Я насилу могъ успокоить Никанора Ѳедотыча, который такъ разгнѣвался на всѣхъ Испанокъ, что, перестилая

мою постель, продолжалъ ворчать про себя: «Видишь какія!... Да и что онѣ такъ о себѣ думаютъ? Ужъ добро бы онѣ были какъ наши Русскія красавицы: бѣлы, румяны, кровь съ молокомъ; а то вѣдь, правду-то сказать, и взглянуть не начто—цыганки проклятыя! Посмотришь, у иной рожа-то не бѣлѣй сапожнаго голенища, а тудажъ манерится!... «Глаза дискать у нихъ хороши.» Что глаза! глаза сами по себѣ! На однихъ глазахъ далеко не уѣдешь!»

—«Ну вотъ прошу загадывать! думалъ ли я сего-дня ночевать въ тюрьмѣ?... Посмотримъ, что будетъ завтра.

Сего-дня поутру меня водили къ Гранадскому коррехидору; онъ принялъ меня со всею важностію Испанскаго гранда и строгаго судьи, то есть, не

снимая шляпы и не сдѣлавъ мнѣ ни малѣйшаго привѣтствія. Со стороны можно было бы подумать, что дѣло идетъ о какомъ нибудь уголовномъ преступленіи, и что я, по крайней мѣрѣ, смертоубійца.

— «Сеноръ кабалеро!» — сказалъ онъ, нахмуривъ свои черныя брови; — «вы признались нашему великому викарію, что писали къ донѣ Серафимѣ де Кухельеро и подарили ей золотое кольцо?»

— «Я и не думалъ никогда въ этомъ запираеться.»

— «Такъ для чего же вы хотѣли уѣхать изъ Гранады?»

— «Потому что не желаю оставаться здѣсь долѣе.»

— «Но вы могли бы это сдѣлать и послѣ вашей свадьбы съ доной Серафимою.»

— « Да я вовсе не намѣренъ на ней жениться. »

— « Мы это увидимъ! Быть можетъ, сеноръ Русіано, въ вашемъ отечествѣ доброе имя благородной дѣвицы считаютъ за ничто; но вы теперь не въ Россіи, а въ Испаніи. »

— « И это очень замѣтно, экселенція! Въ Россіи ни одна благородная дѣвица не стала бы выпрашивать колечка у незнакомаго мущины, а и того менѣе требовать, чтобъ онъ на ней женился, потому что былъ вѣжливъ и не хотѣлъ огорчить её отказомъ. »

— « Вы призваны сюда, » — перервалъ коррехидоръ, — « не для того, чтобъ охуждать поступки другихъ; но чтобъ исполнить то, чего требуютъ отъ васъ справедливость и наши законы. »

Тутъ неумолимый судья повторилъ

мнѣ все то, что я уже слышалъ отъ викарія.

— « Я долженъ вамъ сказать, »—прибавилъ коррехидоръ, — « что до тѣхъ поръ, пока вы не согласитесь идти къ вѣнцу съ доной Серафимою, вы будете сидѣть въ тюрьмѣ. »

— « Помилуйте, экселенція!»—вскричалъ я, — « заслуживаетъ ли мой совершенно неумышленный проступокъ вѣчнаго заключенія? »

— « Такъ вы не хотите жениться на донѣ Серафимѣ? »

— « Нѣтъ! »

— « Мнѣ очень васъ жаль, сеноръ Русіано; но я просто исполнитель закона, и ничего не могу для васъ сдѣлать; теперь ваша свобода зависитъ отъ васъ самихъ. Viva usted mil anos! »

Коррехидоръ кивнулъ головою, и меня повели назадъ въ тюрьму. Я очень

обрадовался, когда тюремщикъ сказалъ мнѣ, что въ моей комнатѣ дожидается хозяинъ фонды, Франциско Гонзалецъ.

—« Я только сего-дня поутру узналъ, что съ вами случилось, — сказалъ онъ, когда мы остались одни. — « Эхъ, сеноръ кабалеро! въ какую вы попали непріятную исторію! »

— « Растолкуйте мнѣ пожалуйста!» — перервалъ я, — « что это у васъ за обычай такой? Гдѣ видано хватать на улицѣ людей и заставлять ихъ насильно вѣнчаться съ дѣвицами, которыхъ они почти въ глаза не знаютъ? »

— « Этого рода женитьбы, »— отвѣчалъ Франциско Гонзалецъ, — « называются у насъ: « Sacar per el vicario. » Всякая дѣвица, не моложе двѣнадцати лѣтъ, имѣетъ право требовать, чтобъ холостой мужчина, которому болѣе четырнадцати, на ней женился, если

она получила отъ него кольцо и записку, хотя бы въ этой запискѣ не было и рѣчи о любви. Просьба дѣвицы поступаетъ обыкновенно къ великому викарію, и по требованію его, молодаго человѣка сажаютъ въ тюрьму, въ которой онъ сидитъ до тѣхъ поръ, пока не женится на просительницѣ, или она сама не откажется отъ своего требованія (*). Вашъ случай совершенно новый, вы иностранецъ; вѣроятно большая часть здѣшняго общества возьметъ вашу сторону, и дона Серифима де Кухельеро, стыда ради, должна будетъ отказаться отъ своей просьбы.»

—«Да если она рѣшится на это не прежде двухъ или трехъ мѣсяцевъ?»

—«Вотъ уже за это я вамъ не ру-

(*) Это странный законъ не существуетъ уже въ Испаніи.

чаюсь. Во всякомъ случаѣ я совѣтую вамъ написать въ Севиллу къ Русскому консулу; онъ вѣрно за васъ похлопочетъ и, можетъ быть, недѣли черезъ двѣ вы будете свободны. Да скажите мнѣ, что вамъ вздумалось ухаживать за доной Серафимою? Развѣ вы не знаете, что у насъ приволокнуться за дѣвицей бѣда! Вотъ дѣло другое замужняя женщина: тутъ вамъ опасаться нечего; развѣ только какой нибудь безпокойный мужъ застрѣлитъ васъ изъ-за угла; но это бываетъ чрезвычайно рѣдко; или сама донасъ, въ припадкѣ ревности, отравитъ васъ ядомъ, что такъ же случается изъ году въ годъ. Правда, прежній ея любовникъ можетъ васъ пырнуть ножемъ, да на это смотрѣть нечего.»

— « Въ самомъ дѣлѣ?»

— « Разумѣется! Тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени и это начинаетъ

выходить изъ обычая. Но, извините, сеноръ кабалеро! мнѣ должно васъ оставить: мой двоюродной братъ отправляется въ Севиллу, и я еще съ нимъ не прощался .... Да , кстати !... Чего же лучше? Напишите письмо къ вашему консулу, я отдамъ его брату. Мой Діего малый проворный и конечно вѣрнѣй всякой почты доставитъ ваше письмо по адресу.»

Я написалъ письмо и отдалъ его доброму Гонзалецу, который, уходя, далъ слово навѣщать меня каждый день.

. . . .

Слава Богу! Мнѣ возвратили наконецъ свободу. Цѣлыхъ три недѣли просидѣлъ я въ тюрьмѣ. Ну, дока Серафима! дорого я заплатилъ за ваши четки и букетъ увядшихъ цвѣтовъ, который вы кинули

мнѣ въ лице съ вашего балкона! Разумѣется, я не поѣду съ прощальнымъ визитомъ къ графинѣ Аладерра. Не трудно догадаться, что она была за-одно съ этой мамзель Кухельеро и что, можетъ быть, по просьбѣ ея сіятельства я просидѣлъ лишнюю недѣлю подъ карауломъ. Мой добрый Гонзалецъ очень обрадовался, когда я возвратился опять въ его госниинницу.

— « Я сей часъ пошлю, »—сказалъ онъ ,—«за однимъ знакомымъ аріеро; у него всегда есть готовые мулы, и вы сего-дня же можете отправиться въ дорогу. »

— « Сего-дня? Зачѣмъ? Я хочу еще прожить здѣсь нѣсколько дней, а то, пожалуй, станутъ говорить, что меня выслали изъ города. »

— «Да пускай себѣ говорятъ, что угодно, только уѣзжайте скорѣй отсюда.

Дона Серафима сдѣлалась теперь сказкою и посмѣшищемъ всей Гранады.»

— «Ктожъ въ этомъ виноватъ?...»

— «Разумѣется не вы: она сама напросилась на этотъ срамъ; да вѣдь отомстить-то ей не кому, кромѣ васъ.»

— «Чтожъ она можетъ мнѣ сдѣлать? Я ужъ къ ней писать не стану и другаго колечка не подарю.»

— «Не объ этомъ рѣчь: у доны Серафимы есть братъ.»

— «Такъ чтожъ?»

— «Какъ что? Помилуйте! онъ человѣкъ пребѣшеный.»

— «Да это, любезный Гонзалецъ, еще новая для меня причина не спѣшить моимъ отъѣздомъ.»

— «Эхъ, сеноръ кабалеро! я не сомнѣваюсь въ вашей храбрости: вы благородный гидалго, и конечно не по-

боитесь стать лицемъ къ лицу противъ нашего непріятеля; да этотъ братецъ доны Серафимы сущій негодяй; онъ не пойдетъ съ вами драться какъ честный и храбрый Испанецъ, а какъ разбойникъ подкрадется къ вамъ сзади и убьетъ въ тихомолку.»

— « Ну это не такъ легко: вѣдь человѣка нельзя же убитъ какъ муху! Днемъ этого сдѣлать нельзя, а ночью я выходить не стану,»

— « Все такъ, кабалеро! Но, право, лучше будетъ, если вы уѣдете сего-дня. Вамъ нельзя жить въ одномъ городѣ съ доной Серафимою.»

Хозяинъ фонды такъ убѣдительно просилъ меня послушаться его совѣта, что я согласился наконецъ уѣхать изъ Гранады и велѣлъ Никанору укладываться, а самъ иду сейчасъ полюбовать-

ся въ послѣдній разъ Альямброю и, можетъ быть, навсегда проститься съ нею.

. . . .

Ну!...близко я былъ отъ смерти!...Правду говорилъ хозяинъ фонды: мнѣ точно надобно скорѣй уѣхать изъ Гранады. Кто бы могъ подуматъ,—среди бѣлаго дня!...Да у нась въ Муромскомъ лѣсу безопаснѣе ночью, чѣмъ здѣсь днемъ посреди города.

Я былъ въ Альямбрѣ. Около двухъ часовъ ходилъ по великолѣпнымъ ея заламъ и любовался ея диковинными дворами; вотъ наконецъ я расположился отдохнуть подлѣ фонтана Львовъ. Не прошло пяти минутъ, какъ подсѣлъ ко мнѣ и заговорилъ со мною какой—то господинъ, закутанный въ черную капу. Съ перваго взгляда физіономія этого незнакомца мнѣ очень не понра-

вилась, и, признаюсь, вечеромъ я не хотѣлъ бы съ нимъ встрѣтиться въ глухомъ переулкѣ; но это было днемъ. По всей Альямбрѣ разсѣяны были многолюдныя толпы посѣтителей, такъ могъ ли я чего нибудь опасаться? Его вѣжливость и занимательный разгововоръ скоро истребили во мнѣ это первое впечатлѣніе. Онъ разсказывалъ мнѣ чрезвычайно любопытныя подробности о разныхъ отдѣленіяхъ Альямбры; о залѣ Абенсераговъ, гдѣ въ лунныя ночи сбираются тѣни убитыхъ воиновъ и раздаются жалобные вопли .—« А были ли вы , »—спросилъ онъ меня ,—« на балконѣ такъ называемой «Пѣвческой залы» недалеко отъ бѣлой башни?»

— « Нѣтъ! Я тамъ никогда не былъ, »— отвѣчалъ я.

— « Такъ пойдемте же! Я васъ провожу. Вы не можете себѣ представить,

какой очаровательный видъ съ этого балкона!»

Я принялъ съ благодарностію его предложеніе. Вотъ мы пришли въ одну залу, довольно обширную, но которая впрочемъ не имѣла въ себѣ ничего замѣчательнаго. Она освѣщалась тремя окнами; къ среднему былъ придѣланъ крытый балконъ;—и подлинно видъ съ этого балкона былъ очарователенъ! На право весь Хенералифъ съ своими зеленѣющими уступами; а на лѣво и прямо противъ меня красивая часть Гранады, называемая *Альбозиномъ*. Узкій, но глубокій оврагъ отдѣляетъ Альямбру отъ этой части города. Въ двадцати шагахъ отъ меня, по ту сторону оврага, котораго крутые скаты и дно поросли густымъ кустарникомъ, гуляло множество народу. Мнѣ казалось, что всѣ эти гуляю-

щіе были такъ близко подлѣ меня, что я могъ каждому изъ нихъ подать руку. Я обернулся, чтобъ спросить о чемъ-то моего услужливаго незнакомца; но его уже не было со мною. Вдругъ изъ глубины оврага раздался выстрѣлъ, и пуля сорвала съ головы моей шляпу. Казалось, это не произвело никакого впечатлѣнія на гуляющихъ; человѣка два-три остановились, покачали головами и пошли далѣе; одна старушка, которая сидѣла подъ балкономъ, вскрикнула: «Ah! María Santissima!» Потомъ перекрестилась и начала снова перебирать свои четки, а я, разумѣется, отправился, какъ можно, скорѣй домой. Дѣлать нечего! Завтра чѣмъ свѣтъ уѣзжаю изъ Гранады. Ну, дона Серафима! вы видно съ вашимъ братцемъ не въ первый разъ пускаетесь на такія штуки! Какъ все было хорошо придумано! Меня

привели и поставили какъ мишень подъ самую пулю. Нѣтъ! слуга пакорный! Тутъ храбрастію ничего не возьмешь. Скорѣй, скорѣй въ Алмерію. Не знаю почему, а я увѣренъ, что тамъ только найду опять потерянное спокойствіе и буду свершенно счастливъ.

Здѣсь оканчиваются мои путевыя записки. Вы знаете теперь, любезные читатели, что я живу въ Алмеріи; но вамъ не мѣшаетъ также знать, что разсказъ, который вы будете читать, начинается не съ первыхъ дней пріѣзда моего въ этотъ благословенный уголокъ Испаніи. Сначала я провелъ въ немъ цѣлый годъ въ совершенномъ уединеніи; нанялъ домъ за городомъ, ни съ кѣмъ не знакомился, однимъ словомъ, жилъ настоящимъ отшельникомъ; потомъ дни

стали мнѣ казаться отмѣнно длинными, ночи также, а что всего хуже, ко мнѣ въ душу запала какая-то неизъяснимая тоска, о которой я до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія; наконецъ эта грусть до того усилилась, что я рѣшился перемѣнить мой образъ жизни: началъ по немногу знакомиться съ жителями Алмеріи и подружился съ ея коррехидоромъ, дономъ Эстебаномъ де Миранда, человѣкомъ очень добрымъ, но такимъ равнодушнымъ и беззаботнымъ мужемъ, какихъ я въ жизнь мою не видывалъ. У него была молодая жена, а у этой жены прелестная наружность и, на бѣду, такое нѣжное сердце, такая южная воспламенительная голова.... Но если вамъ угодно что нибудь знать о ней поболѣе, то потрудитесь прочесть мой разсказъ и не гнѣвайтесь на меня, если я иногда

позаболтаюсь. Вѣдь я ужъ имѣлъ честь вамъ докладывать, что всѣ старики болтливы, когда говорятъ о своей молодости, и что вашъ покорнѣйшій слуга давнымъ давно ужъ ходитъ въ фланелевой фуфайкѣ и носитъ плисовые сапоги.

IV.

Какъ часто драматическій писатель завидуетъ свободѣ романиста, который не знаетъ этихъ стѣснительныхъ правилъ, не подчиненъ никакимъ условіямъ, говоритъ, что хочетъ и не долженъ обрѣзывать своего разсказа для того только, чтобъ втиснуть его какъ нибудь въ опредѣленныя рамы, которыя мы

называемъ дѣйствіями; но за то сколько у драматическаго писателя выгодъ и преимуществъ, не существующихъ для простаго разскащика; напримѣръ: ему нѣтъ никакой надобности говорить объ одеждѣ своихъ дѣйствующихъ лицъ: на это есть костюмёръ; по милости декоратора онъ вовсе не заботится описывать то мѣсто, на которомъ происходитъ дѣйствіе, а это чрезвычайно важное обстоятельство. Еслибъ вы знали, любезные читатели, какъ стало трудно описывать природу, разумѣется не сѣверную: о ней можно еще сказать много кой-чего новаго; но этотъ Югъ!... Избави Господи! Съ нѣкотораго времени онъ вовсе отъ рукъ отбился. Я вызываю всякаго отыскать хотя одно восклицаніе, одно піитическое выраженіе восторга, возможное на нашемъ языкѣ, которое не нашлось бы въ

Кавказскихъ очеркахъ Марлинскаго и въ безчисленномъ множествѣ повѣстей и стиховъ, въ которыхъ описывается *роскошная* природа этого *благословеннаго, пламеннаго* Юга, да еще какого Юга! Вотъ что говоритъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей о нашей степной, единообразной Малороссіи, гдѣ конечно бываетъ потеплѣе, чѣмъ въ матушкѣ Москвѣ православной; но гдѣ однакожъ точно также и мерзнутъ зимою и зябнутъ подъ-часъ лѣтомъ. Послушайте его:

«Знаете ли вы Украинскую ночь? О, «вы не знаете Украинской ночи! Всмо«тритесь въ нее: съ средины неба гля«дитъ мѣсяцъ. Необъятный небесный «сводъ раздался, раздвинулся еще не«объятнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. Земля «вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чуд«ный воздухъ, и прохладно-душенъ и

«полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоу-
«ханій. Божественная ночь! Очарова-
«тельная ночь!»

Это ночь, а вотъ вамъ и день:

«Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ «лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томи-«тельно жарки тѣ часы, когда пол-«день блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и «голубый, неизмѣримый океанъ, купо-«ломъ нагнувшійся надъ землею, ка-«жется заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, «обнимая и сжимая прекрасную въ воз-«душныхъ объятіяхъ своихъ.»

Ну, милостивые государи, не угодно ли попытаться послѣ этого піитическаго описанія блѣдно-голубыхъ небесъ нашей Харьковской, или Полтавской губерніи, сказать что нибудь новое, о прозрачно-синихъ небесахъ южной Испаніи. Нѣтъ! ужъ лучше не стану ихъ описывать; неравно повторишь чужія

слова, и чего добраго, вы еще подумаете, что я васъ перенесъ, вмѣсто Андалузіи, подъ счастливыя небеса *упоительной* и *роскошной* Малороссіи . Я разскажу вамъ просто, гдѣ я, что меня окружаетъ, и опишу мѣсто дѣйствія точно такъ же, какъ оно описывается въ драматическихъ, сочиненіяхъ въ началѣ каждаго акта, то есть: безъ всякихъ піитическихъ прикрасъ и восторговъ.

Представьте себѣ вопервыхъ: открытое море, потомъ небольшой заливъ, обставленный съ трехъ сторонъ каменными домами, посреди которыхъ подымается нѣсколько церквей готической архитектуры. Южная часть залива соединяется съ моремъ, въ сѣверную впадаетъ рѣчка Альмэрія, по имени которой называется этотъ приморской городокъ южной Испаніи. Теперь извольте обратить ваше вниманіе на западный берегъ

залива: тутъ, посреди померанцевыхъ, оливковыхъ и миндальныхъ деревьевъ бѣлѣется двухъ-этажный домъ съ плоской кровлею; на лицевой сторонѣ обоихъ этажей этого дома по четыре окна; подъ каждымъ окномъ балконъ съ желѣзной рѣшеткою. Къ одному изъ переднихъ угловъ дома пристроена круглая башенка, съ остроконечною, конической формы, кровлею. Назначеніе этой воздушной будки отгадать не трудно: вокругъ ея вьются голуби. У этого дома нѣтъ никакихъ принадлежностей, которыя у насъ въ Россіи называются службами; его лицевая сторона обращена къ морю, а три остальныя окружены цвѣтникомъ, гдѣ необычайной величины тюльпаны, элоадры, гіацинты, жонкили и нарцизы красуются и благоухаютъ подъ тѣнью зеленыхъ альборовъ и развѣсистыхъ чи-

наровъ. Этотъ цвѣтникъ обнесенъ, вмѣсто забора, плотно сросшимися кустами алоэ и колючихъ Индѣйскихъ фигъ. У самыхъ дверей дома, на каменной скамьѣ, осѣненной густымъ каштановымъ деревомъ, сидитъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати. Съ перваго взгляда лице его кажется смуглымъ, но оно только загорѣло; верхняя часть его лба, почти всегда закрытая отъ солнца широкими шляпными полями, обличаетъ своей рѣзкой бѣлизною уроженца отдаленнаго Сѣвера. На немъ сюртукъ изъ легкой шерстяной матеріи; на шеѣ нѣтъ галстука; бѣлый жилетъ его разстегнутъ. Задумчиво смотритъ онъ по направленію дороги, ведущей къ Мотрилю. Тамъ, вдали, на высокомъ холмѣ, который опускается крутымъ скатомъ до самаго моря, разбросаны живописныя развалины Мавританскаго

замка. Если вы спросите меня, что обращаетъ на себя его вниманіе—эти развалины, или бѣлый парусъ, который чуть-чуть виднѣется за ними въ открытомъ морѣ, то вмѣсто отвѣта я прошу васъ читать далѣе. Шагахъ въ десяти отъ этого молодаго человѣка съ задумчивымъ, и даже грустнымъ лицемъ, сидитъ подъ тѣнью розмариноваго куста видный дѣтина въ синей курткѣ и широкихъ полосатыхъ шароварахъ. Онъ также безъ галстука, но на шеѣ у него накинутъ голубой шелковый платокъ, слабо повязанный; концы его падаютъ на суконный красный жилетъ, обсаженный въ четыре ряда свѣтлыми пуговицами. Этотъ молодецъ держитъ въ рукахъ гитару и небрежно наигрываетъ на ней, припѣвая въ полголоса— вы вѣрно думаете какую нибудь Испанскую *Сегедилью* или *Кантилену?*...

Нѣтъ! онъ мурнычитъ про себя Русскую пѣсенку: « Ахъ на чтожъ было огородъ городить! »

Я думаю, читатели давно уже отгадали, что задумчивый молодой человѣкъ я,—а видный дѣтина въ синей курткѣ—мой вѣрный слуга, Никаноръ Федотычъ, который рѣшился наконецъ промѣнять свою Русскую балалайку на Испанскую гитару.

— « Никаноръ! »

— « Чего изволите? »

— « Поди-ка сюда на минуту. »

Никаноръ положилъ гитару подлѣ куста и подошелъ ко мнѣ.

— « Посмотри, »—продолжалъ я,—« у тебя глаза лучше моихъ: видишь ты вдали этотъ парусъ? »

— « Вижу, сударь. »

— « Вѣдь это, кажется, не купеческой корабль? »

— « А кто его знаетъ. »

— « Чу!... слышишь? Пушечный выстрѣлъ!... »

— « Слышу, Владиміръ Сергѣевичъ! Видно просятъ лоцмана. »

— « Ты думаешь? »

— « А можетъ быть такъ, только потѣшаются. Вѣдь здѣсь, сударь, не Кронштатъ; почитай всѣ корабли мимо плывутъ; кому охота заглянуть въ это захолустье! Ну ужъ батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ, выбрали городокъ?»

— « Да развѣ здѣшнее житье тебѣ не нравится? »

— « Какъ бы вамъ сказать, сударь? Житье не то чтобы плохое: по милости вашей я сытъ, одѣтъ и деньжонки водятся; выучился кой-какъ болтатъ по-здѣшнему, такъ чего бы кажется? А нѣтъ — скучно! »

— « Да о чемъ же ты скучаешь? Вѣдь ты сирота? »

— « Сирота, сударь. »

— « Родныхъ у тебя нѣтъ? »

— « Есть одна тетка, да я сроду ее не видалъ. »

— « Такъ не все ли тебѣ равно, жить здѣсь или въ Россіи? »

— « Оно такъ, сударь, да что это за сторона такая? Вотъ ужъ скоро два года какъ мы здѣсь живемъ, все лѣто да лѣто! Господи Боже мой! да когда же зима придетъ? « Вотъ » думаю « выпадетъ родимый снѣжокъ, прохватитъ морозцемъ, позаколодитъ!... Да, какъ бы не такъ! Объ Рождествѣ Петровки!... Тьфу ты пропасть! что за окаянная земля такая! »

Я невольно усмѣхнулся.

« Конечно, » — продолжалъ Никаноръ,—« здѣсь не то, что у насъ: всякихъ

земныхъ плодовъ довольно; апельсинами свиней кормятъ, а виноградъ дешевле нашей рѣпы; да что мнѣ отъ этого? Эка важность! Груши, дули, персики, винныя ягоды и всякіе другіе прочіе фрукты; да чортъ ли въ нихъ? Ну поѣлъ разъ—другой, а тамъ и въ горло не пойдетъ! Нѣтъ, сударь! Дайте-ка мнѣ соленыхъ огурцовъ, да кислой капустки, такъ это дѣло другое! А коли прикините фунтика два каленыхъ орѣховъ, такъ я на все здѣшнее деликатство и взглянуть не захочу!... А вино-то, сударь, вино! брррр-дрянь какая!... Хуже нашей крестьянской браги!»

Я засмѣялся.

— «Вотъ вы смѣетесь, Владиміръ Сергѣевичъ,»—сказалъ Никаноръ, поглядѣвъ на меня пристально;—«а вѣдь на сердцѣ-то у васъ не то.»

— «Почему ты это думаешь?»

« Да такъ! Помните ли, сударь, мѣсяца два тому назадъ, я такъ же, какъ сего-дня, сижу себѣ подъ кустомъ, да наигрываю плясовую. Вотъ вы мнѣ и говорите: « Никаноръ, что ты этакъ разыгрался? Знаешь ли ты, какой нынче великой день? Вѣдь завтра Свѣтлое Воскресенье! » Такъ у меня руки и опустились!... Господи Боже мой! подумалъ я, теперь на святой Руси всѣ православные радуются—Христовъ день пришелъ, праздникамъ празникъ!... Кто Пасху готовитъ, кто краситъ яичко!... А мы съ бариномъ!... Эхъ, грустно!... Да такъ-то грустно, сударь, что живой бы въ могилу легъ!... Вы пошли почивать, и я также хотѣлъ прикурнуть—не спится! все жду: вотъ въ колоколъ ударятъ!... вотъ начнется звонъ по всѣмъ церквамъ!... Ужъ я вертѣлся, вертѣлся! И такъ, и этакъ—нѣтъ! Лишь

только чуточку вздремну, вдругъ сердце так и ёкнетъ!... Благовѣстъ—точно благовѣстъ!... Что будешь дѣлать! Вотъ я всталъ, вышелъ на дворъ; у васъ въ спальнѣ огонекъ; я глядь въ окно: вы Богу молитесь, а слезы-то—слезы въ три ручья!... « Ну! » подумалъ я, « видно и барину подъ-часъ тяжко приходитъ, только сказать онъ не хочетъ! »

Никаноръ замолчалъ, а я.... нѣтъ! я ужъ не смѣялся.

— « Эхъ, сударь, сударь! »—началъ опять Никаноръ,—« какое житье на чужой сторонѣ? Вотъ, бывало, на Руси придешь къ заутрени объ Рождествѣ или въ Свѣтлый праздникъ, да подумаешь: « нѣтъ у тебя, сиротинки, ни отца, ни матери! » Согрустнется; анъ глядишь, тотъ подойдетъ: « Федотычь! зайди, братъ, разговѣться! » другой шепнетъ «Никанорушка! милости просимъ! закуси

чѣмъ Богъ послалъ!» Такъ знаете ли, сударь, на сердцѣ-то и полегче. А здѣсь!... Вотъ ужь здѣсь-то, Владиміръ Сергѣевичъ, мы съ вами подлинно круглые сироты. Живемъ, никто насъ не любитъ; умремъ, никто не помянетъ; кому какое до насъ дѣло? Что мы? Пришлецы!...»

— «Послушай, Никаноръ!»—сказалъ я,—«если ты въ самомъ дѣлѣ такъ привязанъ къ своей родинѣ, то я удерживать тебя не стану. Я дамъ тебѣ денегъ, садись на корабль и ступай съ Богомъ.»

— «Что вы, сударь, помилуйте! Чтобъ я васъ оставилъ однихъ на чужой сторонѣ?... Да какъ это можно! И я по васъ съ тоски умру!... Да воля ваша, и вы безъ меня пропадете!»

— «Конечно, мнѣ грустно будетъ съ тобою разстаться, Никаноръ; но вѣдь привыкнуть можно ко всему.»

— « Да къ этому-то, сударь, вы не привыкнете. Каковъ я ни есть, Владиміръ Сергѣевичъ, а все таки вы со мной говорите по нашему; иногда рѣчь заведете про матушку святую Русь, про Москву бѣлокаменную—такъ отъ души-то у васъ немного и поотляжетъ, а какъ останетесь одни, да въ круглый годъ ни одного Русскаго словечка не услышите.... такъ, ой, ой, ой! Нѣтъ, сударь, власть ваша, съ ума сойдете! Вотъ еслибъ вы сами, Владиміръ Сергѣевичъ, сѣли на корабликъ, да съ Богомъ во свояси! »

— « Въ Россію — туда, гдѣ живетъ она? Ни за что на свѣтѣ, »

— « Да о комъ вы изволите говорить? О Софьѣ Николаевнѣ чтоль? »

— « Молчи! »

— « Слушаю, сударь. »

— « Сеноръ кабалеро! »—раздался въ близкомъ разстояніи звонкій голосъ и смуглое веселое личико выглянуло изъ за куста.

— « Да это никакъ воструха Пакита?» шепнулъ Никаноръ.—«Такъ и есть! Козырь дѣвка! Вѣрно къ вамъ за чѣмъ-нибудь отъ своей барыни. »

— « Здравствуй, Пакита! »—сказалъ я. «Да что ты тамъ стоишь? Подойди поближе. »

Дѣвушка вышла изъ-за куста и остановилась.

— « Видишь, какъ прикинулась! »—проговорилъ сквозь зубы Никаноръ,—«Робка! не смѣетъ подойдти! Эко зелье, подумаешь! Полно манериться-то! Пакитушка — *корозона міа!* Подходи небось,— не съѣдимъ. »

— « Что тебѣ надобно, мой другъ? »—спросилъ я.

— « Сеноръ коррехидоръ, мой господинъ,» — сказала Пакита, подойдя ко мнѣ — « прислалъ меня узнать, здоровы ли вы. »

— « Слава Богу! »

— « Вы три дня сряду у него не были! » — продолжала дѣвушка, опустивъ къ низу свои плутовскіе глаза. — « Это его очень безпокоитъ. »

— « Я зайду къ нему сего-дня. »

— « Что ты, Пакита, говоришь? » — сказалъ Никаноръ. — « Вѣдь твой господинъ сего-дня поутру уѣхалъ изъ города?... Ай!... Полно! что ты щиплешься? Ну, да! я самъ видѣлъ, какъ онъ въ своемъ калесеро на шести лошакахъ тащился по большой дорогѣ. »

— « Неправда! ты врешь! » — перервала Пакита, взглянувъ изъ подлобья на Никанора. — « И какое тебѣ дѣло, дома ли мой господинъ или нѣтъ? Дона Розалія, моя

госпожа,» продолжала дѣвушка, обращаясь ко мнѣ, «очень желаетъ васъ видѣть, сеноръ кабалеро. Ну еслибъ я была на ея мѣстѣ!» прибавила Пакита съ лукавой улыбкою. «Цѣлыхъ три дня!... И вамъ не стыдно, фулано (*)? Вѣдь вы ея кортехо.»

— « Вотъ еще что выдумала! »—подхватилъ Никаноръ.—« А этотъ длинный-то съ черными усами.... какъ бишь его? Вы знаете, сударь?... Имя такое тарабарское! »

— « Донъ Педро де Геррера, »—сказалъ я.

— « Такъ чтожъ? » — перервала Пакита.—Прежде онъ былъ кортехо моей донасъ, а теперь вы, сеноръ Русіано. »

— « А прежде донъ Педро, »—спросилъ я, — «никого не было? »

(*) Фулано почти тоже самое, что сеноръ, то есть господинъ.

— « Какъ никого? Что вы, Фулано! » — отвѣчала почти съ досадою дѣвушка. — « Дона Розалія ужъ три года за-мужемъ, а сенoръ Геррера только прошлаго года пріѣхалъ къ намъ въ Алмерію. Да развѣ знатная донасъ, жена коррехидора и такая синора гермоза (*), можетъ быть безъ кортехо? »

— « А кто былъ у нее прежде донъ Педро? »

— « Маркизъ Галвецъ. »

— « Куда же онъ дѣвался? »

— « Его донъ Педро вызвалъ на дуэль, а онъ разгнѣвался, да уѣхалъ въ Мадритъ. »

— « Видишь какой сердитый! А что, твоя госпожа очень о немъ жалѣла? »

(*) Прекрасная женщина.

— « Нѣтъ! Вѣдь она его не любила, и донъ Педро также, и самаго перваго своего кортехо также. »

— « И меня также?... »

Дѣвушка улыбнулась, сунула мнѣ въ руку записочку, ущипнула еще разъ Никанора и пустилась бѣгомъ къ городскимъ воротамъ.

— « Постой, постой! Вотъ я тебя, бѣсёнокъ! » — закричалъ Никаноръ, стараясь догнать Пакиту.

Письмо! Да это уже не шутка. Посмотримъ, чего хочетъ отъ меня прекрасная Розалія. Она жалуется на мое равнодушіе.... приглашаетъ меня къ себѣ на сегоднишній вечеръ... А это что такое?... Возможно ли! Изъясненіе въ любви! И въ какихъ пламенныхъ, безумныхъ выраженіяхъ!... Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я разыгрываю роль самаго недогадливаго и безтолко-

ваго человѣка: мнѣ предлагаютъ любовь, а я съ благодарностію принимаю *дружбу;* эти пламенные глаза жгутъ меня своими взглядами, а я вижу въ нихъ одно выраженіе тихой и спокойной пріязни; но теперь, послѣ этой записки, для меня нѣтъ уже никакой возможности быть недогадливымъ... Конечно, дона Розалія за-мужемъ, въ тюрьму меня не посадятъ, не потребуютъ, чтобъ я на ней женился; но я не хочу ее обманывать и въ тоже время отплатить такой гнусной неблагодарностію за ласку и привѣтъ ея мужа, дона Эстебана де Миранда, который самъ съ дѣтской довѣренностію предлагалъ мнѣ занять вакантное мѣсто кортехо при законной его супругѣ!,.. Вакантное! Да развѣ донъ Педро де Геррера отказался отъ своихъ правъ? Я вовсе не боюсь этого святошнаго пугала, который думаетъ, что его огро-

мные усы отмѣнно страшны; но не желалъ бы и съ нимъ ссориться. И на своей сторонѣ враговъ имѣть не весело, а на чужой — избави Господи! Нѣтъ, рѣшено! Я не пойду къ донѣ Розаліи, по крайней мѣрѣ, во время отсутствія ея мужа.

Я думалъ все это не замѣчая, что шагахъ въ десяти отъ меня стоитъ отставной кортехо доны Розаліи. Представьте себѣ тирана или разбойника изъ любой Французской мелодрамы, то есть, худощаваго, почти трехъ-аршиннаго мущину съ блѣднымъ лицемъ и сверкающими глазами; дайте этому театральному злодѣю неслыханной величины орлиный носъ, необычайнаго размѣра черные усы, закутайте его въ длинную епанчу, надѣньте ему на голову сѣрую шляпу съ широкими полями, и вы будете имѣть передъ собою

вѣрное изображеніе дона Педро де Геррера, извѣстнаго во всей Андалузіи Valiente, то есть, храбреца и дуэлиста.

— « Сеноръ Русіано! » — проговорилъ онъ едва шевеля своими безконечными усами. — « Viva usted mil anos! »

— « А, сенорь донъ Педро! » — сказалъ я, идя къ нему на встрѣчу. — « Какъ я радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть у себя! Угодно вамъ взойти въ домъ? »

— « Это ненужно; я хочу вамъ сказать только нѣсколько словъ, сеноръ Русіано! » — продолжалъ донъ Педро, закинувъ на плечо одинъ конецъ своей капы и выставивъ впередъ правую ногу. — « Знаете ли вы кто я? »

— « Какъ же? Вы донъ Педро де Геррера Конте де Херальда, кабалеро... »

— « Я спрашиваю не объ этомъ. Знаете ли вы, какъ опасно быть моимъ соперникомъ? »

— « Нѣтъ, сеноръ кабалеро, не знаю. »

— « Знаете ли вы, что я кортехо доны Розаліи? »

— « Это дѣлаетъ честь вашему вкусу. »

— « Не о томъ рѣчь! Вы хотите занять это мѣсто, которое по всѣмъ правамъ принадлежитъ мнѣ. »

— « О, на этотъ счетъ вы можете быть спокойны! Я человѣкъ смирный и не люблю ссориться ни съ кѣмъ. »

Вѣроятно эти кроткія слова показались моему сопернику явнымъ признакомъ робкой и трусливой души: онъ началъ крутить свои усы и выросъ, конечно, вершка на два.

— « Позвольте же васъ спросить, » — продолжалъ онъ, бросивъ на меня надменный взглядъ, — « для чего вы такъ

часто бываете въ домѣ нашего коррехидора? »

— « Для того, что мнѣ тамъ весело. »

— « Право? А еслибъ кто нибудь сказалъ вамъ, что когда увидитъ васъ опять въ этомъ домѣ, то обрубитъ вамъ уши? »

Я вспыхнулъ; но одинъ взглядъ на эту длинную фигуру съ безконечнымъ носомъ тотчасъ меня успокоилъ: сердиться и смѣяться въ одно и то же время не можно.

— « Ну, сеноръ Русіано, » — продолжалъ донъ Педро, — « что сказали бы вы тогда? »

— « Я посовѣтовалъ бы этому рубакѣ, » — отвѣчалъ я очень хладнокровно, — « оставить въ покоѣ мои уши и поберечь свой носъ. »

Донъ Педро пришелъ опять въ прежнюю мѣру.

— « Можетъ быть, меня обманули, сеноръ кабалеро, »—сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, мой соперникъ; — « но я слышалъ, что дона Розалія въ то время, какъ ея мужа нѣтъ въ городѣ, приглашаетъ васъ къ себѣ. »

— « Да, сеноръ Геррера. »

— « Al inferno!... И вы, сеноръ Русіано.,. »

—«Успокойтесь! Я къ ней не пойду.» Донъ Педро сдѣлался опять на полвершка повыше.

— « Благодарите Бога, » — сказалъ онъ, « и Пресвятую Дѣву за эту счастливую мысль. Вы не должны къ ней идти. »

— « Почему вы это думаете? » — спросилъ я самымъ кроткимъ голосомъ.

— « Потому, Vulgame Dios! Потому, что я отъ васъ этого требую. »

— « Вы этого требуете, »—повторилъ я, начиная терять все терпѣніе.

— « Да! Mil demonio! Я запрещаю вамъ идти къ донѣ Розаліи. »

Русская кровь бурлива: при этихъ дерзкихъ словахъ она закипѣла въ моихъ жилахъ. Запрещаетъ! этотъ нарядный шутъ мнѣ запрещаетъ!... Посмотримъ, какъ онъ мнѣ запретитъ! « Благодарю васъ, сеноръ кабалеро! » сказалъ я; « вы помѣшали мнѣ сдѣлать поступокъ грубый и неприличный для благовоспитаннаго человѣка. »

— « Что вы хотите сказать? »

— « А то, что не смотря на честь и удовольствіе, которое вы сдѣлали мнѣ вашимъ посѣщеніемъ, я не смѣю васъ удерживать долѣе, потому что иду сей-часъ къ донѣ Розаліѣ. Viva usted mil anos! »

— « Вы не пойдете къ донѣ Розаліи!» сказалъ грознымъ голосомъ донъ Педро.

— « Извините!... Эй, Никаноръ! шляпу! »

— « Сеноръ Русіано! » — вскричалъ мой соперникъ — « Если вы дворянинъ, то должны со мною драться. У васъ есть шпага? »

— « Нѣтъ. »

— « Такъ я вамъ принесу двѣ: вы можете выбрать любую. »

— « Не безпокойтесь, донъ Педро, я съ вами на шпагахъ драться не стану.

— « Не станете?... »

— « Да! Вы отличный боецъ, а я никогда не учился фехтовать; слѣдовательно этотъ бой будетъ неравный. »

Фу, какъ началъ рости донъ Педро! « Вы правы! »—сказалъ онъ, взглянувъ на меня съ презрѣніемъ: — « между

храбрымъ человѣкомъ и трусомъ бой всегда неравенъ.»

— «Потише, сеноръ Геррера!» — перервалъ я. — «Потише! Я не отказываюсь съ вами драться.»

— «Право? Да на чемъ же? Можетъ быть у васъ въ Россіи дерутся на кулакахъ?»

— «Нѣтъ, сеноръ кабалеро, мы будемъ съ вами драться на пистолетахъ.»

— «На пистолетахъ!» — повторилъ донъ Педро. — «Какъ на пистолетахъ?»

— «Мы зарядимъ ихъ пулями, станемъ другъ противъ друга и будемъ стрѣляться.»

Блѣдное лице Испанца позеленѣло, а усы стали шевелиться такимъ страннымъ образомъ, что я, не смотря на мою досаду, чуть-чуть не захохоталъ во все горло.

— « Но я не умѣю драться на пистолетахъ, »—проговорилъ наконецъ донъ Педро;—« а вы, можетъ быть, хорошій стрѣлокъ. »

— « Да, я стрѣляю недурно; но этому неравенству пособить легко; пистолетъ не шпага: мы будемъ съ вами стрѣляться на трехъ шагахъ. »

— « На трехъ шагахъ!,.. »

— « Или на двухъ, если хотите. Одинъ пистолетъ будетъ заряженъ, а́ другой нѣтъ, и вы сами выберете тотъ, который вамъ приглянется. »

Донъ Педро сдѣлался вдругъ цѣлой четвертью ниже обыкновеннаго, вѣроятно отъ того, что у него подкосились ноги.

— « Вотъ этотъ поединокъ будетъ совершенно равный, » продолжалъ я,— « не правда ли, сеноръ Геррера? Да знаете ли что? Благо ужъ мы согласи-

лись, такъ кончимте сей часъ. Эй, Никаноръ! Подай мои пистолеты! »

Донъ Педро вросъ въ землю и всѣ волосы въ его огромныхъ усахъ стали дыбомъ.

— « Угодно вамъ будетъ зарядить пистолетъ, или позволите мнѣ? » — сказалъ я.

— « Я не хочу стрѣляться на пистолетахъ — не хочу! » — закричалъ донъ Педро, отступивъ отъ меня на нѣсколько шаговъ.

— « Да почемужъ не хотите, сеноръ Геррера? »

— « Потому... потому, что пистолетъ оружіе разбойника.... »

— « Неправда, донъ Педро! Разбойникъ тотъ, кто убиваетъ своего соперника изъ-за угла, или нападаетъ на него, будучи увѣренъ заранѣе, что онъ

не можетъ защищаться. Впрочемъ, если вы не хотите.... »

— « Да, сеноръ Русіано! Клянусь святымъ Фабриціемъ, я не унижу себя до того, чтобъ драться на пистолетахъ. »

— « Какъ вамъ угодно. Извините, сеноръ кабалеро! Мнѣ пора идти къ донѣ Розаліи. »

— « Veremos, veremos! Мы это увидимъ! »—пробормоталъ донъ Педро.— « Не забудьте однакожъ, » прибавилъ онъ, « что я, какъ честный Испанецъ и храбрый гидалго, предлагалъ вамъ дворянскій поединокъ, отъ котораго вы сами отказались. »

— « То есть, »—перервалъ я, — « вы предлагали мнѣ идти на вѣрную смерть. Не прогнѣвайтесь, донъ Педро! Я не люблю, чтобъ меня и въ карты обы-

грывали навѣрную. Yoya usted con Dios!»

— «A Dios, a Dios!» — прошепталъ сквозь зубы сеноръ Геррера, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ кипѣла такая злоба, что я невольно содрогнулся.

Ну не досадно ли? Я рѣшился поступить какъ человѣкъ благоразумный, не хотѣлъ идти къ донѣ Розаліи, и надобно же было этому паяцу, донъ Педро, придти ко мнѣ, вывести меня изъ терпѣнія своимъ паянствомъ и заставить противъ воли идти на свиданіе, отъ котораго я такъ великодушно отказывался. Впрочемъ, что за бѣда? Быть можетъ, это любовное свиданіе будетъ первымъ и послѣднимъ. Гордыя Испанки не терпятъ никакого раздѣла. Когда я разскажу донѣ Разаліи все, то, можетъ быть, ея любовь охладѣетъ; да! она перестанетъ

любить меня, когда узнаетъ, что мое сердце и до сихъ поръ еще принадлежитъ той, которая поступила со мной такъ жестоко, такъ предательски!

Я отправился въ домъ коррехидора. У самыхъ городскихъ воротъ увидѣлъ я, что донъ Педро, котораго мнѣ не трудно было узнать издалека по его огромному росту, стоитъ за угломъ, прижавшись къ стѣнѣ. Я притворился, что его не замѣчаю, и пошелъ по улицѣ, которая вела на городскую площадь, прямо къ дому коррехидора. День былъ праздничный и жители всей Алмеріи толпились на площади. Чѣмъ ближе подходилъ я къ дому, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ всю опасность, которой подвергался. «Не лучше ли,» думалъ я, «написать мнѣ къ донѣ Розаліи все то, что я хочу сказать ей при свиданіи? Она такъ обольстительно-мила, такъ прекрасна! Ну что

значитъ нашъ премудрый разсудокъ и наша мужская логика передъ краснорѣчіемъ двухъ черныхъ глазъ, пылающихъ любовью? И почему я передумалъ? почему иду теперь къ донѣ Розаліи? Потому что мнѣ сказали: «ты не пойдешь къ ней!» О, самолюбіе, самолюбіе! подлинно ты первый врагъ человѣка!

Размышляя такимъ образомъ, я рѣшился наконецъ воротиться домой; но когда оглянулся назадъ и увидѣлъ шагахъ въ десяти отъ себя надъ толпою народа сѣрую шляпу, изъ-подъ которой высовывался длинный носъ и торчали огромные усы, то это демонское самолюбіе завладѣло снова моей душею. «Каковъ же сеноръ донъ Педро де Геррера!» подумалъ я. «Онъ хочетъ видѣть собственными глазами, осмѣлюсь ли я, не смотря на его грозное присутствіе, взойдти въ домъ, гдѣ ожидаетъ меня

дона Розалія. Да если этого я не сдѣлаю, такъ онъ такъ расхвастается, что съ нимъ послѣ и не сладишь. Я чужестранецъ, меня оклеветать не трудно. Чего добраго! этотъ нахалъ увѣритъ всю Алмерію, что онъ запугалъ меня, что я трусъ, подлецъ!... Ну прошу покорно, какъ мнѣ послѣ этого воротиться назадъ?... Нельзя! Не прогнѣвайтесь, сеноръ Геррера, я вовсе не хотѣлъ быть вашимъ соперникомъ, а если буду, такъ вы сами въ этомъ виноваты.... Вѣдь есть же, подумаешь, такіе *безталанные* любовники, которые, какъ на смѣхъ, всегда дѣйствуютъ противъ самихъ себя!»

У дверей коррехидорова дома стояла Пакита; она шепнула мнѣ, что дона Розалія дожидается меня въ *патіо*. Я думаю, читатели не забыли, что такъ называютъ въ Испаніи внутренніе дворы до-

мовъ, которые въ этомъ благословенномъ климатѣ замѣняютъ собою наши душныя гостиныя. Въ одномъ углу этого двора на роскошномъ, почти утонувшемъ въ цвѣтахъ, мавританскомъ диванѣ сидѣла подъ тѣнью благовонныхъ акацій дона Розалія. О, какъ она была прекрасна! Какъ это черное бархатное платье обвивало ея гибкій станъ, какъ отдѣлялось оно отъ ея бѣлоснѣжныхъ плечъ, едва прикрытыхъ прозрачнымъ покрываломъ! Да! бѣлоснѣжныхъ; не смотря на свою южную физіономію, на свои черные, какъ смоль, глаза и волосы, дона Розалія не уступила бы въ этомъ никакой сѣверной красавицѣ. Увидѣвъ меня, она вскрикнула и закрыла руками лице. «Что съ вами сдѣлалось?» спросилъ я, подойдя къ донѣ Розаліи.

На этотъ вопросъ, конечно довольно странный для человѣка, который полу-

чилъ отъ нее любовное письмо, дона Розалія не отвѣчала ни слова. Я сѣлъ подлѣ нее.

— « Сеноръ кабалеро!« —прошептала она, не смѣя на меня взглянуть—« вы пришли смѣяться надо мною.»

— « Смѣяться надъ вами?-. И вы можете это думать!»

— « Но если вы прочли мое письмо»—продолжала Розалія,—«и не пожалѣли о томъ, что оно писано мною, а не вами; если то, что я говорю въ немъ, непонятно для вашего сердца; если вы и теперь станете предлагать мнѣ вашу дружбу.... о, сеноръ Русіано!... возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня!...»

— « Успокойтесь, дона Розалія»—сказалъ я, взявъ ея руку,—«я васъ люблю...,.»

— « Santa Barbara ! »—перервала съ живостію Розалія,—«онъ меня любитъ!...

O amigo de mi alma! о другъ души моей!... Повтори, повтори это слово!»

— « Да, Розалія,»—продолжалъ я, начиная понимать всю опасность моего положенія,—«я люблю васъ столько, сколько можетъ любить человѣкъ, который давно уже не располагаетъ своимъ сердцемъ.»

Лице доны Розаліи покрылось смертной блѣдностію, глаза заблистали, и она сказала прерывающимся голосомъ: «Такъ вы, сеноръ кабалеро, влюблены?

— « Да, Розалія.»

— « Кто же эта женщина?... О, скажите, скажите—кто она?»

— « Она такъ же, какъ и вы, принадлежитъ другому.»

— « Она за мужемъ!... но гдѣ вы видитесь съ нею?... Гдѣ она живетъ?...»

— « О, далеко отсюда! Тамъ, гдѣ я родился, гдѣ думалъ умереть и куда никогда не возвращусь для того только, чтобъ не дышать однимъ воздухомъ, не жить съ нею подъ одними небесами.»

— « Ее здѣсь нѣтъ?... Вы никогда не встрѣтитесь другъ съ другомъ?»—вскричала Розалія, и яркій румянецъ вспыхнулъ снова на ея щекахъ.—«Ахъ, какъ вы меня испугали»—продолжала она, приложивъ мою руку къ своему сердцу. «Посмотрите, какъ оно бьется!...Оно готово было застыть навсегда, а теперь живетъ опять, чтобъ вѣчно принадлежать тебѣ—o mi amado! mi carazon, mi duerido!... О, Мой возлюбленный, мое сердце, мой милый!»

Эти нѣжныя слова, этотъ очаровательный голосъ потрясли всю мою душу!... Глупецъ донъ Педро! И нужно

тебѣ было храбриться передо мною!.. Я съ ужасомъ видѣлъ, что мой разсудокъ, мои благія намѣренія, мои честныя правила, все начинало покоряться этому чувству, которое переливалось изъ пламенныхъ глазъ Розаліи въ бѣдное мое сердце и—какъ вы думаете, что возратило мнѣ всю мою твердость? Нѣтъ! этого никто не отгадаетъ! такого рода странныя сближенія бываютъ только въ одной Испаніи, гдѣ самыя священныя дѣйствія сливаются иногда съ земными и даже преступными помыслами; гдѣ при звукѣ вечерняго колокола молодой человѣкъ перестаетъ шептать о любви своей, читаетъ молитву, и окончивъ ее, начинаетъ снова изъясняться въ любви. Въ ту самую минуту, когда я готовился обмануть дону Розалію, то есть, признаться въ любви, въ которой сердце мое вовсе

не участвовало, я взглянулъ нечаянно на золотой медальонъ, который висѣлъ у нее на шеѣ. Ну придетъ ли кому въ голову, что это былъ.... портретъ дона Эстебана де Миранда! Назначить любовное свиданіе и надѣть портретъ своего мужа!... Нѣтъ, ужъ это слишкомъ по-Испански!.., И какой портретъ! какъ двѣ капли воды сходный съ подлинникомъ! Вотъ этотъ добрый, честный Эстебанъ де Миранда; вотъ его благородныя черты, его простодушная, исполненная привѣта, улыбка! Обмануть этого гостепріимнаго человѣка, который обласкалъ меня какъ роднаго; посѣять раздоръ въ его семействѣ—о, это было бы низко, подло!... Одинъ взглядъ на его портретъ обдалъ холодомъ мое воображеніе, пробудилъ въ душѣ моей заснувшую совѣсть;—я очнулся.

— « Выслушайте меня, дона Роза-

лія,—сказалъ я спокойнымъ голосомъ.—«Во всю жизнь мою я любилъ одну только женщину, но эта лобовь была безпредѣльна; она сдѣлалась моей жизнію. Перестать любить Софью или умереть, было для меня одно и то же. Эта женщина насмѣялась надо мною, заставила меня возненавидѣть отечество. Я покинулъ его; но унесъ въ моемъ сердцѣ образъ той, которая, какъ убійца, зарѣзала мою молодость, сгубила всѣ мои земныя радости и сдѣлала меня на всю жизнь изгнанникомъ и безпріютнымъ сиротою. Но это еще ничего: она отняла у меня даже надежду быть когда-нибудь счатливымъ съ другою. Я вырвался изъ моего постыднаго плѣна, я убѣжалъ; но ношу еще цѣпи, въ которыя былъ закованъ и, что всего хуже, чувствую, какъ позорно для мужчины таскать эти кандалы, но не могу и не

хочу ихъ сбросить: я люблю мое безнадежное рабство!»

— «Софья!...» — повторила Розалія едва слышнымъ голосомъ. — «О! я никогда не забуду этого ужаснаго имени!»

— «Теперь скажите, дона Разалія,» продолжалъ я, — «захотите ли вы принадлежать человѣку, который въ то самое время, когда вы станете говорить ему о любви вашей, будетъ думать о другой женщинѣ? Я не хочу васъ обманывать, если я, увлеченный порывомъ минутной страсти, скажу вамъ: «Розалія, я люблю одну тебя!» не вѣрьте мнѣ; если даже вы прочтете это въ глазахъ моихъ, не вѣрьте моимъ глазамъ: въ эту минуту они будутъ одушевлены однимъ воспоминаніемъ!»

— «О, перестаньте, перестаньте!» — перервала Розалія такимъ раздирающимъ голосомъ, что сердце мое облилось

кровію. Она опустила голову и слезы ручьями потекли по ея блѣднымъ щекамъ. Зачѣмъ говорить о томъ, что происходило тогда въ душѣ моей? Эта минутная борьба была ужасна; но я устоялъ и рѣшился идти до конца.

— « Подумайте хорошенько, дона Розалія,» — сказалъ я, посматривая безпрестанно на портретъ ея мужа, — «что будетъ съ вами, если я, обманутый моимъ собственнымъ воображеніемъ, перенесясь въ прошедшее, быть можетъ стану покрывать пламенными поцѣлуями ваши руки и говорить: «о мой милый другъ! о моя Софья!»

— « Нѣтъ, это ужаснѣе самой смерти!» — вскричала Розалія, всплеснувъ руками. « Сеноръ Русіано! » продолжала она, устремивъ на меня свои черные пылающіе глаза, «человѣкъ ли вы?»

— « И самый слабый, дона Розалія, »— перервалъ я.—«Теперь вы все знаете: я былъ обманутъ, осмѣянъ и не имѣю довольно твердости, чтобъ забыть ту, которая достойна всего моего презрѣнія.»

— « Такъ вы ее не уважаете? »— спросила съ живостію Розалія.

— « Нѣтъ! »

— « И никогда не воротитесь въ Россію? »

— « Никогда! »

— « Останетесь жить вѣчно въ Испаніи? »

— « Быть можетъ. »

Розалія задумалась; вдругъ глаза ея оживились. «Вы ее забудете!» вскричала она. «Да, amigo de mi alma, ты забудешь эту неблагодарную! Позволь мнѣ только любить тебя! Я ничего отъ тебя не требую, я все буду сносить... Говоря со мною, ты можешь воображать,

что говоришь съ этой Софьею; я даже позволю—да! я позволяю тебѣ называть меня этимъ ненавистнымъ именемъ!... О, быть не можетъ, чтобъ ты не тронулся моей любовью! Да развѣ, Русской, у тебя нѣтъ сердца? развѣ оно охладѣло на вѣкъ отъ ядовитаго дыханья этой измѣнницы? О, повѣрь, мой милый другъ, повѣрь! оно снова начнетъ биться на груди моей.... Не правда ли, mi amado, mi carazon,—не правда ли, душа моя, ты забудешь эту Софью?»

— «Никогда!»—сказалъ я вставая.— «Она была демономъ, который отравилъ все счастье моей жизни, а теперь можетъ быть моимъ ангеломъ-хранителемъ. Розалія! я не говорилъ вамъ еще о другомъ: вашъ мужъ, донъ Эстебанъ де Миранда—мой другъ!»

Розалія вскочила; въ одно мгновеніе слезы высохли на глазахъ ея; они за-

сверкали гнѣвомъ и неизъяснимымъ презрѣніемъ. «Кабалеро!» проговорила она дрожащимъ голосомъ, «я ошиблась! Я думала, что вы дворянинъ. Послѣ того, что вы сказали, я могу только презирать васъ: ненависти моей вы не сто̀ите! Благородная Испанка предлагаетъ вамъ любовь свою, вы ее отвергаете—въ ту самую минуту, когда она забываетъ для васъ всѣ свои обязанности, вы напоминаете ей о мужѣ.... Нѣтъ, нѣтъ! вы не гидалго, не дворянинъ!.... Оставьте меня! Adios senor Russiano!»

Я молча поклонился и вышелъ вонъ. У дверей дома встрѣтилъ меня трехъ-аршинный донъ Педро.—«Кабалеро!» сказалъ онъ такимъ театрально-гробовымъ голосомъ, что я невольно улыбнулся, «вы очень долго сидѣли у доны Розаліи.»

—«Столько, сколько мнѣ хотѣлось,»—отвѣчалъ я.

— « И, кажется, у нее, кромѣ васъ, никого не было?»

— « Да! мы были одни.

— « И вы признаетесь въ этомъ? И вы смѣете говорить мнѣ это въ глаза?»

— « Я всегда отвѣчаю, когда меня спрашиваютъ.»

— « Сеноръ Русіано! я не желаю ничего оставлять на моей совѣсти, и потому слушайте: я грандъ второй степени, донъ Педро де Геррера Конте де Херальда и кавалеръ святаго Іакова, — еще разъ предлагаю вамъ дворянскій поединокъ на шпагахъ.»

— « А я, донъ Владиміръ сеноръ де Завольской, дворянинъ и капитанъ Гвардіи Императора Русскаго, вторично отвѣчаю вамъ, сеноръ Геррера, что не деруся съ вами иначе, какъ на пистолетахъ. Viva usted muchos anos!»

— « Demonio!»—проборматалъ мнѣ въ догонку донъ Педро, заскрыпѣвъ зубами.

Итакъ жертва принесена! Я исполнилъ долгъ честнаго человѣка; но мнѣ нельзя будетъ остаться въ Алмеріи. Что скажу я доброму Эстебану де Миранда, когда онъ спроситъ, почему я покинулъ его домъ?... Да! я долженъ уѣхать отсюда.... уѣхать!.... Но куда? Если эта дивная природа, если этотъ благовонный воздухъ, это южное море, эти роскошныя небеса, не могутъ разсѣять тоски моей; когда здѣсь, въ этомъ земномъ раю, сердце мое изныло грустію, то гдѣ найду я миръ и спокойствіе, которыхъ жаждетъ душа моя? Гдѣ?... Въ могилѣ—или, можетъ быть.... Нѣтъ, нѣтъ! тамъ, гдѣ живетъ *она*, тамъ, гдѣ я могу о ней слышать, могу встрѣтиться съ нею, тамъ жизнь будетъ для меня не-

бесным наказанiемъ, безпрерывной, адской пыткою!.... Уѣду въ другую часть свѣта.... Корабль, который вошелъ сего-дня въ здѣшнюю гавань, можетъ быть идетъ въ Атлантическiй океанъ; а если нѣтъ, такъ онъ довезетъ меня до какого нибудь портоваго города, изъ котораго мнѣ можно будетъ отправиться прямо въ Америку.

Я провелъ всю ночь безъ сна. Никогда еще не было мнѣ такъ грустно; казалось, мое сердце предчувствовало какую-то бѣду. Лишь только солнце взошло, я всталъ, одѣлся и вышелъ на крыльцо, чтобъ подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ.

— «Раненько вы сего-дня встали, сударь,»—сказалъ Никаноръ, который всталъ еще ранѣе меня и поливалъ цвѣты въ моемъ присадникѣ.—«Да ужъ здоровы ли вы?»

— « А что?»

— « Да такъ! Лице у васъ что-то не хорошо. Ба, ба, ба!... посмотритъ-ка, сударь, не мы одни встаемъ, чѣмъ свѣтъ....' Здравствуй Пакитушка! милости просимъ!»

— « Да сохранитъ васъ Пречистая Дѣва отъ всякаго зла, сенoръ кабалеро!»—сказала Пакита, поклонясь мнѣ и кивнувъ головою Никанору.

— « Что ты такъ рано поднялась, каразона мія!»—сказалъ Никаноръ поставивъ на-земь свою лейку.

— « Да, какъ же не рано! Ты, я думаю, выспался, а я со вчерашняго дня еще не раздѣвалась.»

— « Что такъ?»—спросилъ я.

— « А все вы, сеноръ кабалеро,»—продолжала Пакита.—«Моя донасъ не почивала всю ночь. Да что вы такое съ ней вчера говорили?»

— « Ничего, мой другъ. »

— « Какъ ничего! Да она совсѣмъ помѣшалась. Сначала, какъ вы ушли, все говорила, что не хочетъ васъ знать, что вы бездушный человѣкъ, варваръ, медвѣдь и Богъ знаетъ что! А тамъ ей сдѣлалось дурно; а какъ очнулась, такъ сказала мнѣ: «Ахъ, Пакита, какъ я рада! Я ужъ его не люблю, я терпѣть его не могу! Теперь я такъ счастлива, такъ спокойна!» Да вдругъ и начала рыдать. Ужъ она плакала, плакала!... Ахъ Господи! откуда слезы брались! Потомъ сдѣлалась какъ будто повеселѣе, да и спрашиваетъ меня: «отъ чего донъ Геррера не зайдетъ ее провѣдать?» Начала хвалить его: «Вотъ ужъ подлинно благородный Испанецъ! Вотъ истинный гидалго! Какъ онъ любитъ, какъ съ нимъ весело, какой онъ молодецъ!» А какъ сеноръ Геррера пришелъ, такъ она не

велѣла его къ себѣ пускать. Да этакъ-то всю ночь: то давай ей донъ Педро, то его не надо, то плачетъ, то радуется; только радость-то ея вовсе на радость не походитъ; а какъ начнетъ плакать, такъ ужъ плачетъ не шутя. Знаете ли, сеноръ кабалеро? Зайдите вы къ ней хоть на минутку. Если она велитъ вамъ отказать, такъ я се не послушаюсь.»

— « Какъ же это можно, Пакита! Вѣдь она на тебя разсердится.»

— « Такъ чтожъ, фулано? Посердится, да перестанетъ, а, можетъ быть, и вовсе сердиться не будетъ,»—прибавила Пакита съ лукавою улыбкою.

— « Сего-дня я никакъ не могу у нее быть.»

— « Ахъ, что вы? Приходите сего-дня. Она, право, не разсердится.»

— « Хорошо, хорошо! Прощай, мой другъ!»

— « Я буду васъ дожидаться у дверей; всѣмъ стану говорить, что моя донасъ нездорова и никого не принимаетъ; асло придетъ донъ Педеро, то скажу ему, что его не велѣно и къ дому близко подпускать. Adios, сеноръ кабалеро! А ты, негодный Русiано!» примолвила Пакита, погрозивъ пальцемъ Никанору, «приди только вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ, приди!... Дѣдушка Пакомо мнѣ все пересказалъ. Что ты вчера говорилъ съ Ханетою?... А Баутистѣ кто сережки подарилъ?.. Хорошо, хорошо! Приходи только!»

— « Что ты, Пакита, перекрестись!»— закричалъ Никаноръ.—Стану я дарить серёжки,—вотъ еще! Это ей Хорде подарилъ.... Да послушай!...»

— « Нечего слушать! Теперь я знаю, ты негодяй, обманщикъ, амбустеро!... Прощай!»

— « Экая разбойница! »—прошепталъ Никаноръ.—«Вотъ этакъ-то всякой разъ распозоритъ, да и поминай, какъ звали!»

— « Я пойду гулять, Никаноръ,»— сказалъ я,—«а ты побудь дома: и если придетъ ко мнѣ донъ Педро....»

— « Вотъ этотъ, сударь, долговязой-то баринъ, что все ухаживаетъ за здѣшней губернаторшей?..,»

— « Ну, да!»

— « Эхъ, сударь! вчера я не успѣлъ вамъ сказать. Вѣдь вы никакъ съ нимъ поссорились? Смотрите, баринъ, берегитесь! У него что-то дурное на умѣ.»

— « Да что онъ можетъ мнѣ сдѣлать?»

— « Какъ что, сударь? Вѣдь здѣсь не то что у насъ: брякни только деньгами, такъ тотчасъ явятся удальцы , для которыхъ зарѣзать человѣка—плёвое дѣло.»

— « Да неужели ты думаешь, что донъ Педро рѣшится.... »

— « Нанять этихъ мастеровъ, которые васъ мигомъ на тотъ свѣтъ отправятъ? Да, станетъ онъ церемониться! Вотъ изволите видѣть: вчера вы очень рано легли почивать, а мнѣ что-то не спалось, такъ я пошелъ въ трактиръ, что подлѣ самыхъ городскихъ воротъ. Гляжу—за столомъ сидитъ человѣкъ пять, все ребята дюжіе, въ росхмѣль, попѣваютъ пѣсенки. Ну это еще не бѣда, да рожи-то у нихъ больно нехороши. Вотъ я сѣлъ въ темный уголокъ, спросилъ себѣ кружку вина, да и помалчиваю. Пока я тянулъ изъ кружки, эти гуляки порядкомъ нарѣзались, да и начали другъ предъ другомъ похвалятьcя. Ну нечего сказать! у меня, сударь, волосы стали дыбомъ! Видно они съ пьяну-то не замѣтили посторонняго че-

ловѣка. Одинъ хвастался, что ограбилъ проѣзжаго купца; другой, что задушилъ свою любовницу: третій разсказывалъ, что въ какомъ-то городѣ ревнивый мужъ нанялъ его зарѣзать жену, а любовникъ подкупилъ убить мужа, и что онъ честно заработалъ свои деньги: мужа убилъ поутру, а жену уходилъ вечеромъ. Пуще всѣхъ похвалялся одинъ широкоплечій дѣтина, котораго всѣ звали Филиппомъ; этотъ разбойникъ говорилъ, что онъ на своемъ вѣку душъ тридцать потерялъ. Ну, сударь, меня такой взялъ страхъ, что я не допилъ вина, да скорѣй бочкомъ вдоль стѣнки шмыгъ за дверь! Фу ты, Господи!... И теперь, какъ вспомню, такъ морозъ по кожѣ подираетъ! Не отошелъ я шаговъ двадцати отъ трактира, вдругъ слышу—ахти бѣда!—никакъ за мной бѣгутъ!... Въ ру-

кахъ у меня ничего нѣтъ, оборониться нечѣмъ; вотъ я бросился въ сторону и прилегъ за кустъ. Прошло этакъ минутки двѣ, слышу—кто-то проходитъ мимо самого куста.... Глядь! Ну такъ и есть—разбойникъ Филиппъ, а къ нему на встрѣчу какой то высокой мужичина. Въ лице разсмотрѣть не могъ, а власть ваша, это точно тотъ баринъ, съ которымъ вы вчера поутру поссорились. Вотъ они сошлись, потолковали межъ собой, пошептались, да и пошли въ разныя стороны: разбойникъ назадъ въ трактиръ, тотъ прямехонько въ городъ. Ну, сударь, теперь изволите видѣть?... Вѣдь дѣло-то больно плоховато.»

— «Я этого не вижу: ты могъ ошибиться; а если и въ самомъ дѣлѣ противъ меня есть заговоръ, такъ чтожъ мнѣ прикажешь дѣлать? Запереться и сидѣть дома?»

— « Нѣтъ, Владимiръ Сергѣевичъ! На вашемъ мѣстѣ я переѣхалъ бы жить въ городъ, да пересталъ бы ходить каждое утро вонъ къ этому пустырю, какъ вы его называете, сударь, зàмокъ чтоль? И что тамъ хорошаго? Старыя башни, погреба, да кучи камня, мусору, всякой дряни; а ужъ мѣсто-то какое опасное! Чай никто, кромѣ васъ, туда и не заглядывалъ; надъ самымъ моремъ, кругомъ лѣсъ; зарѣжутъ тебя, да кинутъ въ воду, такъ вовсе безъ вѣсти пропадешь.»

— «Ахъ, какой ты трусъ, Никаноръ!»

— «Да воля ваша, сударь, тутъ храбриться нечего. Гдѣ надобно, такъ мы за себя постоимъ; а должно оберегаться: береженаго и Богъ бережетъ. Вы же всегда ходите съ пустыми руками, а ужъ я вамъ докладывалъ: здѣсь не то, что у насъ: здѣсь ухо держи востро.»

— «Ну хорошо, хорошо! Подай мои карманые пистолеты! Они заряжены?»

— «Заряжены, сударь.... Постойте! Я только на полку подсыплю.»

Я положилъ пистолеты въ карманы моего сюртука и отправился. Отъ дома, въ которомъ я жилъ, до развалинъ Мавританскаго замка было около двухъ верстъ. Едва замѣтная тропинка, то опускаясь до самаго моря, то перегибаясь черезъ пещаные холмы, которыми весь берегъ былъ усыпанъ, вела къ полуразрушенной круглой башнѣ и развалинамъ длинной стѣны. Эта стѣна опоясывала нѣкогда подошву довольно высокаго утеса. Со стороны моря онъ казался совершенно неприступнымъ. При первомъ взглядѣ на его изрытое основанiе, вокругъ котораго, отъ сильнаго морскаго прибоя, день и ночь кипѣ-

ли волны, можно было подумалъ что онъ каждую минуту готовъ рухнуться въ море. Издали этотъ утесъ походилъ на какого-то угрюмаго великана, который съ поникнутой главою, казалось, стоялъ задумчиво на морскомъ берегу и прислушивался, какъ у ногъ его крутились съ воплемъ и стонами безсильныя волны. Съ открытаго моря живописный видъ этой прибрежной скалы былъ еще прекраснѣе: съ правой ея стороны начиналась цѣпь песчаныхъ холмовъ, съ лѣвой чернѣлась густая дубовая роща, а прямо на ея выдавшейся впередъ вершинѣ, какъ орлиное гнѣздо, висѣлъ надъ самымъ моремъ опустѣлый за́мокъ съ своими тяжелами башнями, зубчатыми стѣнами и воздушными бойницами.

Если вы подумаете, любезные читатели, что я ходилъ каждое утро любо-

ваться этимъ прелестнымъ видомъ и бродить по развалинамъ замка, то вы очень ошибетесь. Вмѣсто того, чтобъ идти по тропинкѣ, которая вбѣгала въ самую вершину утеса, я обошелъ его кругомъ и очутился въ дубовой рощѣ, единсвтенной цѣли ежедневныхъ моихъ прогулокъ. «Да чтожъ такое дубовая роща?» скажете вы. «Что за диковинка! и гдѣ же? въ Андалузіи! гдѣ ростутъ цѣлые лѣса померанцевыхъ деревьевъ!» Да точно цѣлые лѣса! Но я предпочиталъ имъ эту простую дубовою рощу. Можетъ быть, вы захотите знать, почему она была мнѣ такъ мила? Какъ бы вамъ сказать?... Во первыхъ, я думаю, по той же самой причинѣ, по которой Никаноръ Федотычъ смотрѣлъ съ отвращеніемь на апельсины, гранаты, виноградъ и тосковалъ о томъ, что не можетъ поѣсть соленыхъ огур-

цевъ и кислой капусты; а во вторыхъ потому, что эта дубовая роща, какъ двѣ капли воды, походила на ту, въ которой я такъ часто гулялъ съ Софьей Николаевной. Чтожъ это такое?... Чтобъ забыть ее навсегда, я покинулъ мое отечество, умираю съ тоски на чужой сторонѣ и не ѣду назадъ въ Россію для того только, что тамъ живетъ она; а между тѣмъ люблю эту рощу, потому что въ ней все напоминаетъ мнѣ объ измѣнницѣ.... Чтожъ дѣлать, любезные читатели! Тутъ нѣтъ ни на волосъ здраваго смысла, не спорю; однакожъ это правда. Да это еще не все: я выпросилъ позволеніе у коррехидора и построилъ въ рощѣ Китайскую бесѣдку, точь въ точь такую, какъ та, подлѣ которой Софья Николаевна назначила свиданіе Красноярскому, и при мнѣ, въ моихъ глазахъ, бросилась къ нему на

шею!... Ну вотъ прошу послѣ этого разгадать сердце человѣческое! Я каждое утро гулялъ въ этой рощѣ, отдыхалъ въ этой бесѣдкѣ, плакалъ, тосковалъ, молился Богу о милой родинѣ, о друзьяхъ и даже о той, которая изгнала меня изъ моего отечества.

На этотъ разъ прогулка моя была грустнѣе обыкновеннаго; я пришелъ проститься съ этой рощею. «Быть можетъ,» думалъ я, садясь на скамью подлѣ бесѣдки, «быть можетъ, завтра взойду я на корабль, который умчитъ меня за тридевять земель, въ другую часть свѣта; быть можетъ я навсегда разстанусь съ Европою и забуду даже, что на ея сѣверѣ есть могучее царство, которое я называлъ нѣкогда моимъ отечествомъ.... Забуду!... Да развѣ это возможно? да развѣ кровь, которая течетъ въ моихъ жилахъ, не Русская

кровь?... О, нѣтъ, нѣтъ! Никогда не перестану я любить тебя, мое отечество! Мысль о твоемъ могуществѣ и величіи будетъ всегда наполнять радостію мою душу. Гдѣбъ я ни былъ, хотя на краю свѣта, но пока живъ, я стану за одно и горевать и радоваться вмѣстѣ съ тобою; твоя честь — моя честь, твоя слава—моя слава. Гдѣбъ я ни былъ, вездѣ злодѣй и хулитель моей родины найдетъ во мнѣ врага, вездѣ протяну я братскую руку тому, кто скажетъ доброе слово о святой Руси. Да, да! при ея священномъ имени, и въ минуту смерти воспрянетъ и взыграетъ новой жизнію душа моя! О милая родина! На поляхъ твоихъ, обширныхъ какъ цѣлыя царства, не растутъ померанцевыя деревья, небеса твои часто покрываются тучами; но ты гостепріимна, спокойна и счастлива; ты не гордишься

своимъ земнымъ просвѣщеніемъ, но ты любишь Бога и Помазанниковъ Его, Православныхъ Царей Русскихъ. Тебя упрекаютъ, что ты отстала отъ дряхлѣющагo Запада — тѣмъ лучше: онъ отживаетъ свой вѣкъ, а ты начинаешь только чувствовать всю твою силу, юная царица Сѣвера, благочестивая, самобытная Русь... И я одинъ изъ сыновъ твоихъ, добровольный изгнанникъ, живу на чужбинѣ и могу только издалеска смотрѣть на тебя, родимая, любоваться, какъ ты ростешь не по днямъ, а по часамъ; какъ двуглавый орелъ твой собираетъ подъ своими мочныя крылья единокровныя племена и народы, отторгнутые отъ тебя въ годину бѣдствій.... Нѣтъ! я не разстанусь навсегда съ тобою, моя родина! Когда время и отсуствіе излечутъ меня отъ этой постыдной страсти, когда мнѣ

можно будетъ встрѣтиться съ Софьей Николаевной и равнодушно спросить ее о здоровьѣ мужа, тогда я возвращусь опять въ мое отечество.... Но когда это будетъ?... Развѣ тогда, когда сердце мое перестанетъ биться!... За чѣмъ себя обманывать? Я не хочу забыть *ее*—не хочу!... И если жизнь не совсѣмъ еще мнѣ опротивѣла, если я не молю Бога о смерти, такъ это потому только, что могу думать объ этой измѣнницѣ, могу представлять себѣ ея плѣнительную улыбку, вь которой я видѣлъ мой рай земной, вспоминать ея очаровательный голосъ, который и теперь еще раздается въ ушахъ моихъ!... Да! и теперь еще я слышу этотъ голосъ.... я вижу передъ собою эту Клязьму, этотъ зеленый лугъ, эту березовую рощу.... Нѣтъ!... видно мнѣ суждено умереть на чужой сторонѣ!..,. Никогда

еще душа моя не была преисполнена такою скорбiю; все прошедшее оживилось въ моей памяти; въ ней воскресли даже первые года моей жизни. Вотъ тихой прiютъ моего дѣтства—это село не высокомъ берегу Оки; вотъ луговая сторона, на которую я бывало гляжу и не нагляжусь весною, когда полноводная рѣка заливаетъ своими волнами поемные луга, лѣса и степи; вотъ эта смиренная сельская церковь , въ которой добрая мать моя учила меня молиться Господу; вотъ ея древнiй иконостасъ съ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Божiей Матери; вотъ домъ нашъ и обширный дворъ , на которомъ я такъ часто игралъ въ горѣлки; а вотъ крутая тропинка, по которой мы сходили на берегъ Оки, гдѣ ожидала насъ большая лодка съ зеленымъ наметомъ. Какъ теперь гляжу: бывало покойный

мой батюшка сядетъ самъ править рулемъ; мы выѣдемъ на средину рѣки и хоръ лихихъ пѣсельниковъ грянетъ любимую его пѣсню: «Какъ по матушкѣ по Волгѣ»... Все это прошло и никогда не воротится!... Неужели я не услышу болѣе этотъ милый родной языкъ, эти родные напѣвы, то грустные, то удалые; не увижу этотъ умный, добрый и веселый Русской народъ!.., Ахъ, Софья, Софья! для чего ты меня обманула?... Я и такъ былъ сиротою, такъ за чѣмъ же ты отняла у меня послѣднюю отраду сироты — надежду умереть на своей родимой сторонѣ и лечь костьми подлѣ отца своего и матери!»

Мнѣ часъ-отъ-часу становилось грустнѣе и эта грусть готова была превратиться въ отчаяніе; душа моя разрывалась, но я не могъ плакать. Вдругъ

отдаленные звуки пролетѣли мимо ушей моихъ, я вздрогнулъ; вь этихъ звукахъ было что-то знакомое; отъ нихъ какъ будто бы повѣяло на меня какой-то родной прохладою. Я сталъ прислушиваться. Такъ точно! Вдали поютъ цѣлымъ хоромъ.... Но въ этомъ напѣвѣ нѣтъ ничего Испанскаго; это не Андалузская пѣсня.... Нѣтъ!—Я вскочилъ и пошелъ въ ту сторону, гдѣ раздавались голоса.... Они начинаютъ приближаться.... Боже мой!.... Нѣтъ, я ошибаюсь,—это невозможно!... Но отъ чего же сердце мое такъ сильно бьетя? отъ чего оно рвется изъ груди?... Вотъ пахнулъ вѣтерокъ съ моря.... Пѣнье становится слышнѣе... Это не сонъ, не мечта?... Вотъ тотъ знакомый напѣвъ, съ которымъ я свыкся еще въ ребячествѣ.... Это цѣлый хоръ пѣсельниковъ....И они... Боже мой, Боже мой!... они поютъ:

«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ!»...Русскіе, Русскіе!... Здѣсь, подлѣ меня!...

Очнувшись отъ перваго восторга, я побѣжалъ какъ сумасшедшій прямо туда, гдѣ слышно было пѣніе. Когда я вышелъ изъ рощи, хоръ замолклъ. Передъ мной разстилалось открытое море, песчаный берегъ, усѣянный мелкими кустами; на лѣво, до самаго утеса и далѣе вдоль берега, никого не было видно, кругомъ все тихо... На морѣ ни одной лодки.... Что-жъ это значитъ?... Я, кажется, здоровъ: у меня нѣтъ ни бреду, ни горячки!... А! вотъ что! На право поросшій густымъ лѣсомъ клочекъ земли вдается остроконечнымъ мысомъ въ море и, вѣроятно, закрываетъ собою тѣхъ, которые пѣли.... Въ ту самую минуту, какъ я готовился увѣриться въ моей догадкѣ, позади меня раздался тихой шелестъ; шагахъ въ десяти изъ-за куста выгля-

нуло отвратительное лице, сверкнули звѣрскіе глаза и рослый дѣтитна, съ ножемъ въ рукахъ, бросился на меня какъ голодный тигръ. Я отскочилъ въ сторону, вынулъ одинъ изъ моихъ пистолетовъ и прицѣлился въ разбойника: онъ остановился. «Если ты сдѣлаешь еще одинъ шагъ,» сказалъ я, «то раздроблю тебѣ черепъ.» Нечаянное появленіе пистолета, казалось, разстроило всѣ умственныя способности этого негодяя: вмѣсто того, чтобъ броситься отъ меня бѣжать, онъ приросъ къ землѣ, разинулъ ротъ и выпучилъ на меня глаза. Я сдѣлалъ шагъ впередъ и онъ также попятился назадъ; но такъ неловко, на безобразномъ лицѣ его выражался такой подлый испугъ, онъ глядѣлъ съ такимъ глупымъ ужасомъ и почтеніемъ на дуло моего пистолета, что во всякое другое время я рѣшился бы, для одной забавы,

гнать передъ собой этого мерзавца и заставить его пятиться задомъ до самыхъ городскихъ воротъ. Но мнѣ было вовсе не до того: шагахъ въ тридцати отъ этого перваго разбойника показался изъ рощи другой, также съ ножемъ въ рукѣ. Не помню, кто сказалъ, что всѣ люди, безъ исключенія, боятся смерти, съ тою только разницею, что человѣкъ не совсѣмъ боязливый робѣетъ передъ наступленіемъ опасности, трусъ во время оной, а храбрый тогда, когда опасность совсѣмъ уже миновалась. Не знаю, храбрый ли я человѣкъ, но только рѣшительно принадлежу къ этому третьему разряду. Во всю жизнь мою я сохранялъ въ минуту опасности совершенное хладнокровіе; страхъ приходилъ послѣ. Когда я увидѣлъ, что мнѣ должно защищаться отъ двухъ убійцъ, то въ ту же секунду рѣшился

сдѣлать бой равнымъ. Съ одного скачка я очутился подлѣ перваго разбойника, прицѣлился ему прямо въ лобъ и спустилъ курокъ моего пистолета; онъ осѣкся, и я въ то же самое мгновеніе отъ сильнаго удара противъ сердца упалъ на землю. Ударъ былъ нанесенъ ножемъ; но, къ счастію, его лезвее попало мнѣ подъ плечо и только слегка оцарапало грудь. Розбойникъ съ размаха упалъ на меня; я успѣлъ схватить его за ту руку, въ которой былъ ножъ; но свободной рукой онъ сжалъ мнѣ горло и придавилъ колѣномъ грудь. Не смотря на всѣ мои усилія, я не могъ изъ-подъ него освободиться. Межъ тѣмъ товарищъ его былъ уже въ пяти шагахъ; смерть моя была неизбѣжна. Не могу описать, что чувствовалъ я въ эту ужасную минуту: это былъ не страхъ, а какое-то одервенѣніе, совершенно чуждое

всякой мысли, что-то похожее на то, что Французы называютъ: le cauchemar, то есть тяжкой сонъ, за который наши крестьяне такъ несправедливо бранятъ бѣднаго *домоваго*. Я не вовсе былъ безъ чувствъ, но все представлялось мнѣ въ какомъ-то превратномъ видѣ: мнѣ казалось, какъ будто бы сквозь сонъ, что небо подо мной kроваваго цвѣта, что на мнѣ лежитъ свинцовая гора, что въ груди у меня нѣтъ сердца, что я уже умеръ; вдругъ надъ моей головой сверкнулъ широкій ножъ, въ то же время раздался выстрѣлъ, и я совершенно обезпамятѣлъ. Когда я пришелъ въ себя, то долго не могъ понять, гдѣ я и что со мною дѣлается. Вокругъ меня говорили по-Русски; Никаноръ перевязывалъ мою легкую рану; въ двухъ шагахъ лежалъ съ прострѣленною головою второй разбойникъ; вокругъ его

толпились матросы и стоялъ какой-то флотской офицеръ: онъ держалъ въ рукѣ пистолетъ, который еще дымился.

— « Ну, слава Богу! очнулся» вскричалъ Никаноръ.

Я приподнялся и, при помощи моего слуги, сталъ на ноги.

— « Что это за люди!»—сказалъ я.

— « Наши, сударь, наши! все Русскіе

— « Русскіе? Но гдѣ же я? и отъ чего ты здѣсь, Никаноръ?»

— « А вотъ изволите видѣть, сударь: какъ вы пошли гулять, я подумалъ про себя: баринъ взялъ съ собой пистолеты, да вѣдь какая нибудь шельма подкрадется сзади, да пырнетъ ножемъ, такъ тутъ пистолеты не помогутъ. Дай пойду за нимъ, назеркомъ! Вотъ и пошелъ! и вплоть до самой рощи не терялъ васъ изъ виду; да какъ услышалъ, что за

этимъ лѣскомъ поютъ Русскую пѣсню, такъ — виноватъ батюшка, Владимiръ Сергѣевичъ! все забылъ: бросился какъ шальной на взморье. . . Такъ и есть— наши!... Вѣдь это съ того карабля, сударь, что вы изволили вчера видѣть. Какъ его благородiе узналъ, что я Русской и что мой баринъ здѣсь, въ рощѣ, такъ и пошелъ сей-часъ со мною, чтобъ съ вами познакомиться . Лишь только мы вышли изъ лѣса, глядь поглядь— что такое?... Ахъ, Господи! васъ рѣжутъ!... Я обмеръ, а офицеръ выхватилъ изъ кармана пистолетъ, да какъ шарахнетъ въ одного разбойника; тотъ и капыльями къ верху! А другой вскочилъ, да тягу. Ну, сударь, если бъ не его милость, не быть бы вамъ въ живыхъ.»

Офицеръ подошелъ ко мнѣ. «Какъ вы себя чувствуете?» сказалъ онъ. Я хо-

тѣлъ что-то отвѣчать, но языкъ мой онѣмѣлъ: передо мной стоялъ Краснорскій.

— « Впрочемъ, вы можете быть спокойны, »—прибавилъ офицеръ, —« ваша рана вовсе неопасна. »

Боже мой! Итакъ мнѣ суждено въ другой разъ благодарить за жизнь человѣка , который сгубилъ все мое счастіе!... Но можетъ быть это одно только сходство... « Если не ошибаюсь, » спросилъ я робкимъ голосомъ, « вы Александръ Михайловичь Красноярскій? »

— « Да точно! »—отвѣчалъ офицеръ. « Но почему вы это знаете? Мнѣ кажется, я въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть. »

— « Вы забыли мое лицо, но я никогда не забуду вашего. »

Офицеръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— « Скажите, »— продолжалъ я, — «вы ужъ давно изъ Россіи?»

— « Шестой мѣсяцъ; теперь я на возвратномъ пути, »

— « Я думаю, эта мысль должна васъ очень радовать; можетъ быть, вы давно не получали никакого извѣстія, не знаете ничего.... о вашихъ домашнихъ? »

— « Я получилъ въ Неаполѣ послѣднее письмо отъ моей жены. »

— « Отъ его жены!!!!.. Глупецъ! и вѣдь нужно разспрашивать. »

— « Мѣсяца черезъ три » — продолжалъ Красноярскій—«я надѣюсь быть въ Кронштатѣ, и вѣроятно это будетъ послѣдняя моя кампанія. Семейному человѣку служить трудно, а особливо во флотѣ. »

— « Да, это правда, »—прошепталъ я.— «А давно ли вы были въ Неаполѣ?»

— « Недѣли двѣ тому назадъ.»

— « Слѣдовательно извѣстія о вашемъ семействѣ довольно новы? »

— « Жена пишеть ко мнѣ отъ перваго числа прошедшаго мѣсяца.»

— « Ну что,»—промолвилъ я, заикаясь,—«здорова ли Софья Николаевна?»

— « Сестра моя?»

Еслибъ земля заколебалась подо мной и небеса на меня обрушились, то и тогда бы я не обезумѣлъ такъ, какъ отъ этихъ двухъ словъ. «Какъ, сестра? Чья сестра?» вскричалъ я, вѣроятно очень страннымъ голосомъ, потому что Красноярскій вздрогнулъ и отступилъ отъ меня на цѣлый шагъ.

— «Чья сестра?»—повторилъ онъ,— «Моя. Вѣдь вы говорите о Софьѣ Николаевнѣ Ладогиной?»

Едва прошло нѣсколько минутъ, какъ я былъ подъ ножемъ разбойника; я не успѣлъ еще порядкомъ очнуться, и вдругъ вижу передъ собой Красноярскаго, слышу, что Софья ему сестра: все это такъ сильно потрясло мой разсудокъ, что я совершено одурѣлъ. Я все видѣлъ и ничего не различалъ; все слышалъ и ничего не могъ понятъ: слова сдѣлались для меня простыми звуками, въ которыхъ не было никакого смысла. Да! въ эту минуту я былъ на одинъ волосокъ отъ сумасшествія. «Сестра, сестра!...» шепталъ я, смотря пристально на Красноярскаго. «Да что такое сестра?... Я не понимаю васъ!.,. Сестра! Вѣдь это значитъ, что вы ея мужъ?... Вѣдь вы съ нею видѣ-

лись ночью подлѣ Китайской бесѣдки?...»

— «Подлѣ Китайской бесѣдки!» — вскричалъ Красноярскій. — «Такъ это вы?... Боже мой, Боже мой!... Сколько напраснаго горя!... Вѣдь вы Владиміръ Сергѣевичь Завольскій?»

— «Завольскій?... Да! я Завольскій....»

— «Ахъ, Владиміръ Сергѣевичъ! какихъ бѣдъ надѣлала ваша поспѣшность!... Бѣдная сестра моя чуть не умерла съ горя, когда она получила письмо ваше....»

— «Письмо?... Постойте!... Да! я точно къ ней писалъ: я уступалъ ее вамъ.»

— «Мнѣ! Да развѣ вы не слышите? Она сестра моя. Поймите хорошенько—родная сестра!»

— «Родная сестра?... Да вѣдь вы..,»

— «Ну да! Я Александръ Михайловичъ Красноярскій, а она Софья Николаевна Ладогина: мы братъ и сестра отъ разныхъ отцовъ.»

— «Отъ разныхъ отцовъ? Такъ вы не родня.»

— «Да войдите въ себя, Владиміръ Сергѣевичъ! Софья не за-мужемъ; она васъ любитъ, она ждетъ васъ! Слышите ли: она васъ любитъ!»

Вдругъ въ головѣ моей какъ будто бы прояснилось: я понялъ. «Возможно ли!» вскричалъ я, бросившись на шею къ Красноярскому; «Софья меня любитъ! Она не за-мужемъ! Вы братъ ея!»

— «Ну, да!»—сказалъ Красноярскій обнимая меня.—«Я былъ влюбленъ въ пріятельницу сестры моей, Любовь Дми-

тріевну Хопрову, и теперь на ней женатъ. Въ письмѣ, которое вы нашли въ ридикюли моей сестры, я говорилъ ей о Любинькѣ, которую тетка хотѣла выдать за мужъ за какого-то богатаго старика. Въ эту несчастную ночь, когда вы увидѣли меня вмѣстѣ съ Софьей у Китайской бесѣдки, я прискакалъ изъ Петербурга для того только, чтобъ увезти Любовь и обвѣнчаться съ нею. Можетъ быть, вамъ покажется страннымъ, что вы до сихъ поръ ничего обо мнѣ не слышали и не знали даже, что у Софьи есть родной братъ! Вотъ отъ чего это сдѣлалось. Дядя сестры моей, Кузьма Петровичъ, и жена его были въ явной враждѣ съ моимъ покойнымъ отцемъ; я наслѣдовалъ ихъ немилость, которая простиралась до того, что во всемъ ихъ домѣ не смѣли произнести моего имени, и даже Софья, не желая

огорчать своихъ стариковъ и заводить съ ними безполезные споры, никогда обо мнѣ не говорила. Ну! теперь все ли для васъ ясно?»

— «О, да, да! Она меня любитъ! Она ждетъ меня!»

— «И не перестала бы ждать до самой смерти! Ну что, Владиміръ Сергѣевичь, теперь въ Россію?«

— «Сего-дня же — сію минуту!»

— «И радъ бы радостію, да нельзя. Вотъ денька черезъ два нальемся водою, да и съ Богомъ!»

— «Нѣтъ, нѣтъ! Я не останусь ни минуты на чужой сторонѣ! Я переѣду къ вамъ на корабль: тамъ мнѣ будетъ казаться, что я уже въ Россіи; тамъ всѣ станутъ говорить со мной по-Русски. О, Бога ради! возьмите меня къ себѣ!»

— «Съ большимъ удовольствіемъ;

весь мой фрегатъ къ вашимъ услугамъ.»

— «Никаноръ!»—закричалъ я,—«ступай на квартиру, расплатись съ хозяиномъ, забери всѣ наши пожитки и пріѣзжай на фрегатъ: мы послѣ завтра ѣдемъ въ Россію.»

— «Ну, слава Тебѣ Господи!»—сказалъ Никаноръ, который слушалъ со вниманіемъ весь разговоръ мой съ Красноярскимъ.—«Слава Богу!» повторилъ онъ, перекрестясь. «То ли дѣло родимая сторона!... Жаль только Пакиточки — знатная дѣвка! Да провались и она! Что, въ самомъ дѣлѣ, иль у насъ нѣтъ красавицъ?... Вы женитесь на Софьѣ Николаевнѣ, а у ней была Дуняша, такая полная, круглолицая, бровь дугою.... Ахъ, батюшки, подумаешь! вотъ отъ чего вы ускакали тогда изъ Подмосковной: вы подозрили Софью Ни-

колаевну, да и давай Богъ ноги за тридевять земель въ тридесятое государство! Эхъ, господа, господа! Вотъ то-то и есть, сударь, не заглянувъ въ святцы, да и бухъ въ колоколъ! Нѣтъ по нашему не такъ: подозрилъ, такъ тутъ же на свѣжую воду. «Что такъ? Для чего? И почему? Давай все на чистоту?» Анъ глядишь и вышли пустяки. Ну, конечно, можетъ статься, съ горяча и поколотишь; да вѣдь это все не то—помилуйте!»

—«Полно врать, Никаноръ»—закричалъ я.—«Ступай проворнѣй!!»

—«Иду, сударь, иду! А что, ребята,»—сказалъ онъ въ полголоса, идя мимо матросовъ,—«водится у васъ на кораблѣ-то наше родное, сирѣчь хлѣбное?»

—«Какъ не быть,»—отвѣчалъ одинъ изъ матросовъ.

— «Ой ли! и пѣнное есть?»

— «Найдется.»

— «Право? Ну, отведу же я себѣ душеньку! Не извольте безпокоиться, сударь!» — прибавилъ Никаноръ, уходя, — «нынче же все перевеземъ!»

— «Что, Владиміръ Сергѣевичь,» — сказалъ Красноярскій, — «вы сей-часъ хотите ѣхать на фрегатъ?»

— «Сію минуту.»

— «Такъ отправляйтеся на моемъ катерѣ; а мнѣ должно повидаться съ здѣшнимъ начальникомъ по моимъ дѣламъ, а потомъ надобно изъяснить ему, какъ я убилъ этого разбойника. Эй! Гавриловъ! ты отвезешь барина на фрегатъ, а тамъ пріѣзжай въ пристань, гдѣ вчера были. До свиданія, Владиміръ Сергѣевичъ!»

Красноярскій отправился въ городъ, а я сѣлъ на катеръ. Гребцы размѣсти-

лись, вода закипѣла подъ ихъ веслами, и я простился навсегда съ берегомъ Испаніи. «Спойте что нибудь, ребята!» сказалъ я матросамъ. Одинъ изъ нихъ вынулъ изъ-за пазухи рожокъ, приладилъ, сдѣлалъ колѣнцо, залился и удалая Волжская пѣсня: «Не шуми мати зеленая дубравушка!» быть можетъ, въ первый разъ загремѣла и прокатилась по волнамъ Африканскаго моря. Вплоть до самаго фрегата не умолкали пѣсни веселыхъ гребцовъ, а я слушалъ ихъ и плакалъ какъ дитя.

Красноярскій не обманулъ меня: ровно черезъ три дня....

— «Что тамъ еще? кто тутъ?»—закричалъ я, положивъ съ досадою перо, которое только что хотѣлъ обмакнуть въ чернилицу.

Двери моего кабинета тихонько растворились: сначала показался багровый носъ, за нимъ явились полныя, румяныя щеки, а тамъ засіяла огромная лысина и мой старый слуга, мой вѣрный *Личарда* сталъ передо мной, какъ листъ передъ травой.

— « А , это ты Никаноръ ? Зачѣмъ пришелъ?»

— «Софья Николаевна совсѣмъ готова,»—отвѣчалъ Никаноръ Федотычъ.— «Она изволитъ васъ дожидаться въ гостиной.»

— «За чѣмъ?»

— «Да развѣ, сударь, забыли? Вѣдь вы сего-дня изволите кушать за Москвой-рѣкой у Александра Михайловича Красноярскаго.»

— «Ахъ, да! Вѣдь сего-дня рожденье его жены. Хорошо, хорошо, сей-часъ! »

Ну вотъ прошу писать ! Ты за перо,

а тутъ барыня дожидается. Какая досада! Я далъ себѣ честное слово кончить сего-дня поутру мой разсказъ: а вѣдь вы знаете, что я человѣкъ упрямый, и если разъ заберу себѣ что нибудь въ голову, такъ ужъ непремѣнно поставлю на своемъ. Я хотѣлъ было разсказать вамъ, какъ мы доѣхали до Россіи, какъ я свидѣлся съ Софьей Николаевной, какъ тетушка ея при первомъ свиданіи заговорила меня до обморока, какъ Максимъ Петровичъ развернулся и задалъ великолѣпный свадебный пиръ, какъ знакомый вашъ капельместеръ Мордоченко посвятилъ мнѣ сочиненный по случаю моей сватьбы польской, въ которомъ пѣли:

Веселись и радуйся Владиміръ,
Ты красуйся Софья имъ!

какъ мой Никаноръ Федотычъ Подшибаевъ сочетался законнымъ бракомъ съ

Авдотьей Никитишной Снѣтковой, какъ мнѣ удалось помирить Красноярскаго съ Кукушкиными, и какъ тетка жены его, Агриппина Карповна Морганцова, не успѣла лишить наслѣдства свою племянницу; потому что въ тотъ самый день, какъ она хотѣла подписать духовную, поваръ приготовилъ къ обѣду такіе скверные левашники, что она чуть ими не подавилась. Къ несчастію, этотъ поваръ былъ наемный, и она имѣла только право согнать его со двора. Это до того разогорчило бѣдную вдовицу, что вся кровь бросилась ей въ голову и она въ тотъ же самый вечеръ умерла ударомъ. Я хотѣлъ также разсказать вамъ.... Да мало ли о чемъ мнѣ еще нужно было поговорить съ вами, любезные читатели, и еслибъ не этотъ званый обѣдъ... Но вотъ, ка-

жется, опять бѣгутъ за мною!... Такъ и есть!

Въ каретѣ барыня и гнѣваться изволитъ

прокричалъ торопливо Никаноръ, отворивъ настежъ двери. Ай, ай, худо! Федотычъ заговорилъ ужъ стихами. Ну, дѣлать нечего: прощайте, любезные читатели! Не знаю, удастся ли мнѣ опять съ вами побесѣдовать; но на всякой случай я прошу васъ не поминать меня лихомъ, и если моя стариковская болтовня хоть изрѣдка казалась вамъ забавною, такъ скажите обо мнѣ при случаѣ ласковое слово: я изъ этого только и бьюсь. Вѣдь сочинитель ни дать, ни взять, какъ Русскій солдатъ, котораго ласковымъ словомъ напоишь, накормишь и спать положишь.

КОНЕЦЪ.

Изданіе Ѳ. М. Исаева.

Цѣна 2. р. 50 к. сер.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Nov-Dec 1987
We're Quality Bound